В 154 — X
122 ч2(1)
Вабон. гн ЛБН
не выдается

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН
И
ССЫЛЬНО
ПОСЕЛЕНЦЕВ

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН
И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА
журнала „КАТОРГА и ССЫЛКА"

ВОСПОМИНАНИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ, ДОКУМЕНТЫ И ДР. МАТЕРИАЛЫ ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОШЛОГО РОССИИ

КНИГА XXXI

МОСКВА

В154
122
9(47):323.
М51

Л. МЕНЬЩИКОВ

ОХРАНА и РЕВОЛЮЦИЯ

К ИСТОРИИ ТАЙНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ, СУЩЕСТВОВАВШИХ ВО ВРЕМЕНА САМОДЕРЖАВИЯ

ЧАСТЬ II

ВЫПУСК I

1898—1903 гг.

Проверено 1987 г.

ПОГАНУЛ.В.
У. Б-КА
Им. Сталина

1928

Отпечатано в 16-й типографии „Мосполиграф“, Трехпрудный пер., 9, в количестве 3.000 экз. Главлит А 9004. Москва.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
577231 V/V

ОТ РЕДАКЦИИ.

В виду того, что составление 2-го тома „Охраны и Революции“ потребовало от автора гораздо больше времени, чем первоначально предполагалось, редакция сочла целесообразным разделить 2-й том на два выпуска. Издавая в настоящее время 1-й выпуск, редакция рассчитывает 2-й выпуск издать в течение настоящего же года.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Аг.—агент.
Аг. пс.—агентурный псевдоним.
Ар.—арестован.
Б.—бывший.
Бр.—брошюра.
В.—волость.
В.-о. с.—военно-окружной суд.
В. п.—высочайшее повеление.
В. Сб.—Восточная Сибирь.
Г.—год.
Гб.—губерния.
Гект.—гектографированный.
Г. ж. у.—губернское жандармское управление.
Г. н. п.—гласный надзор полиции.
Д.—деревня.
Дрн.—дворянин.
Д. п.—департамент полиции.
Ж.-д.—железно-дорожный.
Ж. о.—жандармский офицер.
Ж. у.—жандармское управление.
З. аг.—заграничная агентура.
З. Сб.—Западная Сибирь.
Кр. кл.—кружковая кличка.
Крн.—крестьянин.
К. р.—каторжные работы.
Лит.—литографированный.
Лит. пс.—литературный псевдоним.
М. в. д.—министерство внутренних дел.

Мим.—мимеографированный.
Мщн.—мещанин.
Н. п.—нелегальный паспорт.
Н. ф.—нелегальная фамилия.
Нач.—начальник.
О.—Обзор важнейших дознаний (официальное издание).
О. О.—охранное отделение.
О. С.—особое совещание при м. в. д.
П. Ак.—Петровская Академия.
П. п. г.—потомственный почетный гражданин.
Прб.—приблизительно.
Пс.—псевдоним.
Раб.—рабочий.
Р. кл.—революционная кличка.
Рд.—родился.
С.—село.
С.-д.—соц.-дем.—социал-демократ.
С. к.—сын купца.
С. св.—сын священника.
С. ч.—сын чиновника.
С.-р.—социалист-революционер.
С. с.—секретный сотрудник (охраны).
Т. уч.—Техническое училище.
Т. з.—тюремное заключение.
У.—уезд.
Ун.—университет.
У.-о.—унтер-офицер.
Уч.—учитель (учительница).

ГЛАВА I.

Охрана и рабочее движение.—«Летучий отряд филеров».—Розыски «Южной» типографии.—Екатеринославская типография («Рабочая Газета»).—Гомельский кружок (доносчик С. С. Бартошкин).—Одесские с.-д. и шпион С. М. Гандер.—Киевский «Союз борьбы».—«Пассия», Иогансон и Зубатов.—Провокатор Е. Р. Рубашевский. Кременчугская типография.—С'езд в Минске.

ОХРАНА И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ.

Если бы это не было слишком парадоксально, я сказал бы: новый (XX) век для России наступил несколькими годами ранее начала календарного столетия. В самом деле, конец 90-х г.г. с полным правом можно назвать зарей новой эры в истории нашей родины,—эры, принесшей с собой так много событий чрезвычайного, можно без преувеличения сказать, мирового значения.

Огромная страна, которую вековой абсолютизм держал в состоянии искусственного анабиоза, наконец, очнулась, забилось горячее сердце общественности, алая, горячая кровь протеста разлилась по вялым артериям и поднялась та «мускулистая рука», от взмаха которой, по вещим словам незабвенной памяти Петра Алексеева, сказанным за 20 лет до того (на «процессе 50-ти»), должно было разлететься в прах «ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками».

Московский ткач не ошибся и в другом своем предвидении, когда высказал надежду на то, что интеллигенция, от которой, по его словам, только и мог ожидать помощи рабочий люд, пойдет с последним до конца,—конечно, Алексеев имел в виду не ту патентованную интеллигенцию, которая, забравшись на дипломированный Олимп, плохо видела с его высот то, что происходило «в долинах скорби и печали», а интеллигенцию разночинную, истинно демократическую, вернее—опролетаризировавшуюся, шедшую в ногу с трудовым народом, увлекавшую его на борьбу, ведшую к победе.

По летописным заметкам (к сожалению, далеко не полным и отрывочным), приведенным в первой части моего труда, можно было судить о том, как быстро росли и широко раскидывались по России стихийное рабочее движение и внедрявшиеся в него социал-демократические организации.

Нельзя сказать, чтобы слепое вообще царское правительство не замечало симптомов надвигавшейся опасности; оно по-своему реагировало на эти явления жизни, не поддававшейся удушению, и принимало меры самообороны, на которые было способно.

Как и в деле с «недородом кормовых злаков» в 1892 г., правительство прежде всего позаботилось о том, чтобы скрыть от общественного внимания действительное положение вещей. 8-VI—95 г. был издан по мин-ву вн. д. циркуляр о запрещении печатать статьи о беспорядках на фабриках и заводах и об отношениях рабочих к хозяевам; это «tabou» было дополнено циркулярным распоряжением от 4-I—97 г., которым предлагалось не публиковать статей, заметок и рассуждений на темы о заработной плате, рабочем дне и снова об отношениях между рабочими и фабрикантами.

После майской забастовки петербургских ткачей правящая бюрократия сильно встревожилась и снова разрешилась секретным циркуляром. Это распоряжение министра вн. д., подписанное 12-VIII—97 г., является достойным памятником его действительному автору—Г. К. Семякину (имя которого уже знакомо читателю), правоведу по образованию (воспитывался в училище «Травоедения»,—как острили петербуржцы,—имевшем привилегию поставлять в центральные государственные учреждения кандидатов на роли будущих сановников).

Упомянутый циркуляр рекомендовал: «преимущественное направление дел (о стачках) в порядке положения об охране в том соображении, что судебное преследование не всегда бывает возможно, в виду весьма частого отсутствия всех признаков преступления, предусмотренного 1358 ст. и послед. Улож. о нак., а также в виду того, что означенные статьи закона не обязывают судебного следователя подвергать обвиняемых содержанию под стражей, особенно по окончании следственного производства»...

Для жандармов и охранников такое циркулярное распоряжение министра было истинной благодатью: формальным дознаниям, в которых прокурорский надзор является некоторой помехой, следует предпочитать вольные охранные расследования,—да, ведь, это для спасения отечества только и требовалось! Производство дел, в которых отсутствуют «все признаки преступления», — это ли не специальность господ охранителей? И при всем том—первейшее удовольствие: арестованных ни в коем случае не выпускать на свободу...

Это был, так сказать, «Семякин суд».

И началась форменная вакханалия: «зачинщиков», обнаруживших крысу в хозяйском котле с варевом; «пострекателей», жаловавшихся на побои фабричного мастера; «бунтовщиков», не желавших работать у заводчика, задерживавшего плату, хватали, гноили за отсутствием улик в тюрьме и подвергали расследованиям на все фасоны. Случалось, что одно и то же лицо привлекали к судебному следствию, тянули к жандармскому дознанию в порядке ст. 1035 уг. с. и держали под стражей на основании положения об охране! А потом высылали (как я приводил в главе XVI примеры) огулом в административном порядке за черту «рабочей оседлости».

Драли, как говорится, три шкуры с рабочего вола...

Другим мероприятием царского правительства в борьбе с рабочим движением было учреждение 25-VII—98 г. «Особой канцелярии при помощнике варшавского ген.-губ-ра по полицейской части», для руководства деятельностью которой были выработаны «основные положения устройства розыскной части по делам политического свойства в Привислинском крае». Через год эта «Особая канцелярия» уже без стеснений была переименована в охранное отделение при канцелярии варшавского обер-полицеймейстера. Это был ответ на слишком беспокойное поведение польского и еврейского пролетариата, который уже прочно стал на путь классовой борьбы и вел ее, в пример другим, настойчиво и с энергией.

Дополнительной реформой явилось еще учреждение особого штата участковых полицейских надзирателей (44—для Москвы и 48—для Петербурга), которые, находясь в распоряжении охранных отделений, должны были следить за «настроением умов» фабрично-заводских рабочих.

Со своей стороны местная администрация, в частности московская, тоже оказывала соответствующее внимание «рабочему люду», всемерно заботясь об организации надзора за ним—строгого и «неупустительного». Еще в секретном циркулярном распоряжении от 10-IV—93 г. московск. обер-полицеймейстер предписал участковым приставам знать «подробно и обстоятельно настроение рабочих на каждой фабрике и о всяком недовольстве или, тем более, противозаконном намерении рабочих»; обо всех случаях увольнения «беспокойных и дерзких рабочих» чины полиции обязывались доносить начальству с представлением списка таких уволенных.

Те же требования были повторены в циркуляре от 3-IX—96 г., при чем участковым приставам вменялось еще в обязанность: следить за сборищами рабочих вне мест их служения; доносить о слухах, циркулирующих в рабочей среде; внушать заведывающим фабриками, чтобы они «строго и неуклонно следили за распространителями ложных слухов и неупустительно давали о таковых знать местной полиции»; наблюдать «совместными силами (с заводской администрацией) за спокойствием рабочего класса»...

За пролетарием следила охрана, надзирала полиция, шпионила хозяйская администрация. Все были так заняты этим делом, что наблюсти за тем, чтобы фабриканты и заводчики не обижали рабочих, уже было некому.

Заняться этим делом пришлось самим пролетариям...

«ЛЕТУЧИЙ ОТРЯД ФИЛЕРОВ».

Говорят, Лютер запустил чернильницей в дьявола, и с того времени будто бы нечистая сила стала бояться чернил и пера. Русские «черти», о которых упоминал, если помнит читатель, Н. Величкин в письмах к своей знакомой, тоже не любили чернил и еще более—типографской краски. Это не мешало, впрочем, наиболее предприимчивым из охранников, как я писал в начале книги, постоянно мечтать о том, как бы «открыть типографию»; охота за печатным станком являлась их любимым спортом, и некоторые из охранников так им увлекались, что приводили в некоторое смущение свое петербургское начальство; особенно отличился на этом поприще ж. о. Л. Н. Кременецкий (о котором еще будет речь впереди), умудрившийся, в бытность свою начальником охр. о. в Екатеринославе, «открыть» полдюжину типографий в течение одного полугода!

Но обнаружить «технику», когда в постановке ее не участвовали услужливые сотрудники, было не так уж легко, что можно видеть на примере петербургской типографии народовольцев, существовавшей несколько лет «под носом» местной охранки и деп. п., пока не вмешались в дело зубатовские молодцы.

С развитием революционного движения усилился спрос на нелегальную литературу, явилась необходимость в организации кустарного издательства; стали заводиться «подпольные» типографии, которые обыкновенно были хорошо законспирированы и не легко давались в руки; в особенности, когда предприятия этого рода возникали в провинции, где настоящий политический сыск почти отсутствовал.

Неудовлетворительное состояние провинциальной розыскной организации наглядно выявилось на деле «Народного Права»: в то время, как бердяевские «лекоки» вели наблюдение в городах Сумах, Орле, Смоленске, Харькове, местные чины корпуса жандармов не только не знали о том, что в подведомственном им районе гнездится крамола, но и не подозревали о присутствии у них под боком московских «торговых людей»; апрельская ликвидация 1894 г. была для них полной неожиданностью, но не из приятных.

В департаменте полиции уже начинали сознавать печальное положение дел в жандармских воеводствах. Я помню, как Семякин, будучи весной 97 г. в Москве, только-что приехавший в охранку от Тестова (известный тогда ресторан), где предусмотрительные Зубатов и Медников подкормили его «свежей икоркой и поросе-

ночком в сметане», вдруг разоткровенничался и заявил: «при всей моей бедности дам 25 рублей тому, кто скажет, что это за штука «Бунд». Мы от этих олухов ничего не знаем»... (1).

И немудрено. Бенкендорфские «очи и уши государевы», эти, по выражению Семякина, «олухи» корпуса жандармов, не отвечали требованиям времени; ветхозаветные полковники и генералы, обжившись на своих насиженных местах, занимались большей частью интригами, мелкими сплетнями и доносами; а помощники их упражнялись на дознаниях, все искусство которых сводилось к запугиванию допрашиваемых; невежество жандармов было классическим; читали они чуть ли не одни приказы по корпусу, ревниво следя за тем, не обошел ли их в чинопроизводстве кто-нибудь из сверстников; для большинства из них существовала одна «социал-революционная партия», которую знали их предшественники по процессам 70-х годов; иные из них даже и позднее смешивали «Бунд» с бунтом...

Но рутина была всегда смертельным пороком всякого реакционного правительства; жить «по-старинке»—таков был принцип самодержавия, и петербургская бюрократия не отступала от него даже перед лицом надвигавшейся опасности в таком важном вопросе, как охранение «существующего строя». Единственной уступкой «духу времени» было учреждение охранного отделения в Варшаве и особого института—«Летучего отряда филеров», пятилетняя деятельность которого—его изумительные «половецкие» набеги—в праве занять свое место в истории русского освободительного движения.

Вышеупоминавшийся приезд Семякина в Москву был связан с обсуждением вопроса об организации дальнейших розысков в провинции, в виду полной беспомощности жандармских властей. В результате совещаний было решено сформировать особый отряд из наиболее опытных филеров Московского охр. о., которое уже зарекомендовало себя успешными иногородними розысками; отряд, числясь за департаментом полиции, должен был выполнять задания последнего, но, главным образом, по инициативе и под ближайшим руководством Зубатова.

«Летучие» филеры получали право вести наблюдение в провинциальных городах и без ведома местных властей; от деп. п. им отпускались, помимо жалованья, во время командировок суточные деньги (2 р. 50 к.), не считая оплаты проездных и непредвиденных расходов; доносить они должны были в Москву, где их сведения обрабатывались в охр. о. для доклада д. п.; ликвидация розысков «Летучего отряда» могла производиться только при непосредственном наблюдении специально командируемых для этого чиновников московской охраны.

Так на помощь пассовавшему в борьбе с революционным движением архаическому корпусу жандармов выступил более отве-

чавший государственным потребностям момента «корпус филеров», во главе которого встал призванный «спасать отечество» талантливый «шеф»:

Бывший городовой, из мужичков Рязанской губернии, — «Евстратка» Медников.

РОЗЫСКИ «ЮЖНОЙ ТИПОГРАФИИ».

Уловить пропагандиста на «живца»—рабочего—доставляло Зубатову большое удовольствие; но, как истый спортсмен-сыщик, он еще с большей страстью занимался охотой на типографии, и мы уже видели, как после успехов, достигнутых в Смоленске и Петербурге, Московское охр. о. в погоне за печатным станком закидывало свои сети в города: Воронеж и Курск, а потом в Саратов и, наконец, в Киев, несмотря на то, что там царствовал «краса и гордость» корпуса жандармов, знаменитый генерал В. Д. Новицкий.

В предыдущей главе я упомянул о наблюдении, которое было предпринято в целях обнаружения «южной» типографии. Д. п. этой типографией бредил давно. Еще 19-X—96 г. Семякин писал Зубатову: «по сведениям из известного вам источника, на юге есть какая-то типография, куда уцелевшие члены ликвидированного в июне кружка послали напечатать об'явление. С другой стороны, известно: в начале июня из Женевы прибыла в С.-Петербург курсистка Августа Дмитриевна Чувашева, знакомая Георгия Плеханова и заведывающего типографией и книжным складом соц.-демократов Иосифа Блюменфельда. Чувашева недавно послала б. курсистке Екатерине Михайловой Трапезонцевой для напечатания у Блюменфельда воззвание к обществу от группы народовольцев с заказом выслать 2.000 таковых в С.-Петербург, но план этот потом был изменен, что видно из письма Юлии Махновец от 6-X—96 г. к Анне Шулятиковой, где она говорит, что предпочитала бы щеголять в русском костюме, хотя и не так хорошо сшитом, но один из главных закройщиков захворал—придется иметь дело с другими, а это требует много времени»... (2).

Указание, что типография находилась на юге, было слишком неопределенным, но Зубатову представился вскоре случай произвести внутренний «зондаж». 10-IV—97 г. выехала в Киев хорошая знакомая охранного «Приятеля» (Гуровича), Е. Н. Каменецкая, которой дали почетную свиту из четырех филеров (фаворит Медникова—Е. Сачков, Т. Бибик, А. Ваганов и Казанцев), из которых один (Ваганов) остался (с придачей ему в помощники Ф. Сергеева) в Курске для слежки за статистиками Лосицким и Невским (знакомый И. П. Белоконского), с которыми наблюдаемая виделась в названном городе.

12-IV Каменецкая прибыла в Киев; проследки за ней выяснили несколько адресов, которые и послужили отправной точкой для

дальнейшего наблюдения. 21-IV Каменецкая вернулась в Москву, а через неделю начальник Московского охр. о. уже сообщал Семякину о результатах поездки, которые оказались неутешительными. «Из сообщенных ранее агентурных сведений ваше превосходительство можете усмотреть, что местонахождение типографии и типографского шрифта в отдельности в настоящий момент представляется недостаточно выясненным и до полного определения приобретенных местных связей и точной установки полученных наблюдением лиц и мест передача всех сведений и дела начальнику Киевск. г. ж. у. является, в интересах розыска, преждевременной. По мнению агентуры также, ранее обеспечения верных ходов к типографии и достаточно определенных указаний на ее местопребывание, с передачей дела в другие руки некоторое время лучше воздержаться».

В поисках той же «южной типографии» Московское охр. о. предприняло наблюдение за А. Иогансоном, жившим весной 1897 г. в Киеве и относительно которого имелись, повидимому, агентурные указания; благодаря этим указаниям Зубатову удалось-таки, как увидим дальше, «подсидеть» этого члена беспокойной семьи, постоянно мозолившей охранке глаза. «Тщательное наблюдение», предписанное д. п., продолжалось за Иогансоном и в Петербурге, куда он выехал в VIII—97 г.: сообщая об этом Пирамидову (нач. петербург. охр.), Зубатов имел возможность, благодаря своей агентуре, добавить, что Иогансон бывает там «у известного Петра Алексеевского и в доме 116, по Фонтанке».

Ради осведомления о той же типографии было разрешено приехать в Москву (из Киева) В. П. Водовозовой, за которой, как только она прибыла в столицу, установили неотступную слежку (со 2-XI по 21-XII—97 г.), выяснившую, что наблюдаемая знакома чуть ли не со всеми москвичами, имевшими солидный революционный стаж (3).

Однако, «верных ходов» к «южной типографии» московская агентура так и не получила (4). Тем не менее, предпринятый розыск привел в конце-концов к захвату печатного станка (в Екатеринославе), и результат получился все же блестящий.

Зубатову везло; помимо некоторых побочных обстоятельств, его выручил бесподобный «нюх» медниковских филеров: они и на этот раз оправдали свою репутацию образцовых ищеек.

Хороший филер стоил иного провокатора.

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКАЯ ТИПОГРАФИЯ.

Много было стоптано подметок и выпито пива прежде, чем «летучие» филеры, осевшие в Киеве, облюбовали себе, перебрав десятки наблюдаемых, настоящего «лидера». Особое внимание москвичей привлек к себе один интеллигентный еврей, отличавшийся

конспиративностью поведения. Как нередко случалось в революционной практике, излишняя, вернее, недостаточно умелая осторожность внешнего поведения вела именно к обратным результатам, и предохранительные меры в этих случаях как-раз являлись причиной того, что на лицо, их практиковавшее, обращали заслуженное внимание.

Конспиратором, за которого ухватились «летучие», был Б. Эйдельман, игравший в киевской соц.-дем. организации выдающуюся роль; проследки за ним и повели к обнаружению целого ряда обстоятельств первостепенного значения: и у него именно нашли впоследствии рукопись «Правила конспирации», копия которой, имеющаяся у меня, занимает 27 страниц (Приложение 1).

3-XI—97 г. Эйдельмана посетил наборщик А. Поляк, накануне приехавший из Одессы, который вышел от него с Ш. Б. Гуревичем; последний 4-XI уехал в Гомель, куда вскоре прибыл и Поляк; того и другого, конечно, сопровождали филеры, наблюдение которых выяснило местный кружок.

Новые лидеры «летучих» оказались очень подвижными: Гуревич 9-XI уехал из Гомеля в Николаев; 3-XII он прибыл в Одессу; через четыре дня вернулся в Николаев; 20-XII появился в Киеве. Поляк покинул Гомель 15-XII, побывал в Киеве и 30-XII приехал в Одессу; 2-I—98 г. он снова в Киеве, где видится с П. Белоусовым, Э. Плютат и другими. 7-I Поляк направился в Екатеринослав, где он остановился первоначально в гостинице «Париж».

С этого момента розыск стал не только расширяться, но и пошел вглубь; события зачередовались быстрым темпом; сделаю беглый, схематический набросок им.

10-I Поляк имел ряд свиданий[1]: с М. В. Орловым, М. К. Душканом, Е. З. Виленским, Х. Ш. Гельфанд и Г. И. Рабинович, от которой 25-I была взята Ф. И. Пружинина, имевшая у нее на следующий день свидание с Орловым; последний 27-I сошелся с И. Х. Лалаянцем. 28-I Душкан купил краски и прочие припасы в магазине Немировского и других. 29-I Виленский отвез к себе чемодан, взятый у Поляка; Орлов купил несколько дестей писчей бумаги. 30-I Поляк посетил П. Ш. Бункину. 3-II Рабинович уехала в Николаев; провожали ее Пружинина и И. Соколовский, который через два дня отправился с сестрой Сурой тоже в Николаев. 6-II Поляк выехал в Киев (где виделся с Э. Померанец, С. Литвиновым, Х. Лившиц и С. Коссовским). Виленский 8-II принес домой корзину и коробку. Душкан 9-II имел свидание с М. Б. Гуревичем.

17-II Поляк возвратился в Екатеринослав и свиделся с Душканом, Виленским и Орловым; с последним пошел к К. А. Петрусе-

[1] Называю фамилии; первоначально все эти лица фигурировали под филерскими кличками; установлены они были потом, частью во время ликвидации.

вичу; на следующий день он посетил Р. Цейтлин. 19-II Поляк имел свидание (в городской библиотеке) с Пружининой, Гельфанд, Рабинович и Виленским; 20-II он посетил писчебумажный магазин и типографию Шпарбера (где получил работу).

23-II приехал в Екатеринослав Эйдельман, который на следующий день увиделся с Орловым и в тот же день выехал в Харьков

26 и 27 состоялись свидания Поляка с Петрусевичем, Орловым, Душканом, Гельфандом и Виленским; последний купил ручную сумку, а на следующий день принес домой в мешке четырехугольный предмет настолько тяжелый, что вынужден был отдыхать на углу Ульяновской улицы. 2-III Виленский сделал покупки в аптекарском магазине и в лавке старого железа. 3, 5 и 7 носился с сумкой, забирая тяжести у Бункиной, в типографии Шпарберга и в других местах; относил все домой.

8-III приехал Эйдельман, остановился опять в гостинице «Берлин»; назвался «Абрамовым»; виделся с Орловым и Э. Левиной, с которой на следующий день поселился в гостинице «Эрмитаж»: его посетили Виленский и Орлов. 10-III прибыл из Киева (через Харьков) Петрусевич, имевший тяжелый чемодан...

Одним словом, картина, нарисованная московскими «художниками», не требовала подписи.

В ночь на 12-III—98 г. была произведена ликвидация екатеринославской группы. В квартире Поляка, жившего с Виленским и Гуревичем, по обыску нашли: 2 п. 33 ф. шрифта, принадлежности для печатания, брошюровки и переплета; 2.000 экз. почти законченной печатанием брошюры (в 52 стр.): «Новая победа русского рабочего движения»; набор заголовка: «Рабочая Газета». У Эйдельмана обнаружили нелегальные издания и много рукописей, в том числе материалы, заготовленные для № 3 «Рабочей Газеты» (Приложение 2). У Бункиной взяли склад брошюры «Новая победа» (первые три листа). У Петрусевича отобрали партию заграничных изданий («Листок Рабочего» №№ 3—6) и новый мимеограф с принадлежностями. У Орлова и Душкана нашли нелегальную литературу.

Все упомянутые лица, а также Гельфанд, Рабинович (возила в Николаев нелегальщину), Цейтлин (на ее адрес Поляк получал письма) и Пружинина были арестованы и привлечены к дознанию.

Зубатов мог похвастаться: «южную» типографию он все же изловил.

Хотя, может быть, и более южную, чем та, на которую указывал ему «Приятель» Гурович.

ГОМЕЛЬСКИЙ КРУЖОК.

Насколько широко раскинулось рабочее движение, особенно в черте еврейской оседлости, видно из того, что даже в таком

КУТБ-НО ПОГАШЕН Б-НА
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
517231

непромышленном городе, как Гомель, о котором было выше упомянуто, пропаганда дала себя почувствовать настолько, что жандармствовавший там ротмистр Власьев, несмотря на свое смиренномудрие, принужден был сделать тоже «ликвидацию».

22-I—97 г. в Гомеле арестовали И. М. Захарина и обыскали безрезультатно: А. М. Кисина, Е. М. Аспиза, Н. А. Гезенцвея и др. Эти следственные действия были вызваны «агентурой», которая неожиданно завелась у Власьева в лице Семена Бартошкина, служившего ранее писцом в местном полицейском управлении; будучи уволен за какие-то грехи со службы, он решил искупить свою вину шпионской заслугой, втерся как-то в кружок местной радикальной интеллигенции, стал посещать сходки и, наконец, явился с предложением услуг и требованием «мзды» к своему бывшему начальству; полицеймейстер направил добровольца к Власьеву, который потребовал «доказательств»; спустя некоторое время Бартошкин представил данную ему Захариным брошюрку «Секретный циркуляр о рабочих» (издание Южно-Русского Рабочего Союза); потом он стал приносить на показ и другие издания, полученные из того же источника. Наконец Власьев и его доморощенный сотрудник решили поймать Захарина «на месте преступления»; с этой целью Власьев отправился обыскивать Захарина, к которому в то же время явился в качестве гостя и Бартошкин; последнего задержали и по личному осмотру обнаружили, конечно, «поличное».

— Откуда взял?—загремел Власьев.

— Г. Захарин дал,—ответил, потупив глаза, будто бы перепуганный «посетитель».

Неосторожного пропагандиста посадили в тюрьму, а Бартошкина снова приняли на службу в полицию.

Это, казалось бы, заурядное и незначительное событие обратило внимание д. п. Во-первых, потому, что Захарин был известен по знакомству с А. Поляком (провожал его, при от'езде в Киев 15-XI, вместе с братом своим—солдатом) и, по некоторым сведениям, собирался ехать тоже в Екатеринослав; во-вторых, как-раз в это время д. п. сперлюстрировал письмо (от 2-II—98 г.), адресованное в Одессу «ученице Павловского родильного приюта Ф. Зак, для Гиты», в котором сестре Поляка писали: «Относительно Гомеля не беспокойся. Буря прошла, и только один И. сидит, но, кажется, и его скоро освободят. У него ничего не нашли. На допросе все говорили очень хорошо и друг друга не подводили. Счастие, что допрос производил очень милый человек (ротмистр Власьев), несмотря на то, что занимает такую должность. К. письмо твое получил» (Автором письма была, по предположению, Р.Б. Герц, знакомая Поляка, Захарина и Кисина, упомянутых в письме).

Оказалось, что и «милый человек» в жандармской шкуре способен на провокационную гадость.

Лестный отзыв, полученный Власьевым, уронил его авторитет в глазах д. п., и последний нашел необходимым командировать для расследования гомельской истории самого Зубатова, в надежде, что этому магу розыскных дел удастся «обработать» Захарина, так как в предпринятом розыске остро чувствовался недостаток «внутреннего освещения».

19-II—98 г. Зубатов выехал в Гомель. Первым делом он познакомился с данными агентуры. Передо мной «Дневник Семена Бартошкина», писанный рукою Зубатова. Он интересен; приведу выдержки.

«1897 г. 20-—31-X. Сообщено полицеймейстеру о существовании социал-демократов; впоследствии было написано Захарину письмо, в котором высказывались все мои стремления и направления.

7-XII. Захарин был у меня, дал список книг, кои, по его мнению, должны быть мною прочитаны.

13-XII. Встретил З. на Кузнечной улице; дал (мне) 3 брошюры для прочтения: 1) «Рабочая Революция», 2) «Об'яснение новых правил для рабочих», 3) «Чудная», Короленко (изд. Ф. В. Прессы), при ней каталог всех изданий Ф. В. П. (идет перепись).

17-XII. Видел З—на, отдал ему брошюры, взамен получил «Раб. Газету» № 1 за август месяц 1897 г. Типография русских социал-демократов».

19-XII был у Зах. на квартире, находящейся на базаре, в д. Эпштейна, на 4 этаже. С ним живут два товарища по идеям: Ноткин, а другой именуется Сидором—оба евреи. Книг—кипы навалены на этажерке и шкафу.

23-XII. Был у Зах. и получил от него брошюры: 1) «Как все это началось», изд. Ф. В. Р. Б.; 2) «Секретное сообщение мин. вн. д. Дурново мин-ру нар. просв.»,—видимо—гектогр. издание; 3) «Слово на великий пяток преосвященного Тихона Задонского». Заглавие этой книги (на обложке): «Правда и Кривда».

31-XII. Был у Зах., отдал брошюры и получил взамен: 1) «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России», Плеханова (каталог изданий их переписал дословно).

1898 г. 1-I. В 11½ час. ночи, внезапно вошедши в кв. Зах., застал там сидевшими известных мне: Захар., Кисина, Алеевского, Ноткина, «Сидора», одну еврейку и до 10 незнакомых евреев.

4-I. Видел Зах. на Замковой улице, вручил ему брошюры и незаметно проследил, куда он пошел: в д. Аспиза, по Троицкой ул., куда он ходил очень часто, я неоднократно замечал.

7-I. Был у Зах. Дал книгу: «Женщина настоящего, прошедшего и будущего», Лондон, 95 г. А. Бебель.

11-I (Воскр.). У социалистов была сегодня сходка,—где? не удалось проследить. Между прочим, Зах. с «Сидором» заходили в д. Тиминевского, по Могилевской ул.

12-I. Был у Зах. и отдал ему «Женщину» Бебеля. В среду должен получить другую.

14-I. Был у Зах.; получил брошюры: 1) «Кто и как дешево добывает деньги». Рассказ бывалого человека. СПБ. 1876 г.; 2) «Задачи рабочей интеллигенции в России», Аксельрода. Следил за Захариным, который ходил в дома Коробочкина и Живописцевой, по Боярской ул.

20-I. Был у Захар., не застал его дома и ожидал на улице. Он пришел и дал мне брошюру, взамен отданных ему, «Рабочее движение и социальная демократия», Аксельрода. И. Зах. предупредил, чтобы я принес ему книгу обязательно в четверг, 22 янв., в 5 час.».

В этот день и разыгралась комедия...

Финал был неутешительный для охранников.

Шпион, подававший надежды, усердный и готовый «на все руки»— и на внутреннее, и на наружное употребление, наивным трюком, придуманным Власьевым, был сразу провален. Ошельмованный Бартошкин спился и вскоре умер.

Захарин, показав Зубатову «фигу», заболел после этой истории психически и был освобожден.

Власьев, получивший нотацию за неумелое пользование агентурой, перестал мечтать о розыскных лаврах и усерднее занялся делами своего родового имения.

А гомельские «Сидоры» продолжали без особой помехи свое революционное дело.

ОДЕССКИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ И ПРОВОКАТОР С. М. ГАНДЕР.

Обнаружение екатеринославской типографии нельзя приписать исключительно усердию «летучих»; дело не обошлось без предателя; на этот раз указующий перст агентуры принадлежал жандармскому ротмистру Ковалевскому, который ведал розыскными делами в Одессе; помощник генерала Безсонова (начальник местного ж. у.) был офицер неглупый, но довольно тщеславный и потому не только получал «присвоенное содержание», но и занимался делом.

Надо сказать, что такие же функции в Киеве выполнял ж. офицер Преферанский—бахвал кавалерийского типа. Как полагается добрым соседям, одесские и киевские охранники только и думали о том, как бы «подсидеть» друг друга; Новицкому доставляло первейшее удовольствие сообщить д. п. о том, что делается в Одессе; Безсонов, конечно, не оставался в долгу. На этой почве разыгрался агентурный водевиль.

Из сведений, которыми делился д. п. с Московским охр. о. о положении розыска на юге, Зубатов увидел, что в деле есть осведомитель. Так, 31-X—97 г. д. п. сообщил: «конечным пунктом Поляка предполагается Гомель, где желательно наблюдение»;

7-XI д. п. телеграфировал: «Поляк четвертого выехал из Киева в Гомель с неизвестным, который из Гомеля направляется в Николаев»...

Зубатову присутствие «чужой» агентуры в деле не улыбалось, он почувствовал конкуренцию и заговорил о том, что необходима координация розыскных действий. Решили устроить «с'езд», в Киеве, с участием Семякина, Зубатова и Ковалевского.

Как раз перед этим произошло маленькое розыскное недоразумение. Наблюдение в Киеве за Эйдельманом констатировало одно интересное обстоятельство: 2-II—98 г. «Лохматый» (филерская кличка наблюдаемого) виделся с неизвестным господином, который жил в гостинице «Сербия» под фамилией «Иваненко»; на этом свидании присутствовал и другой лидер наблюдения, Л. В. Теслер, недавно прибывший из-за границы. «Иваненко» вскоре выехал из Киева и его проводили в Одессу; на просьбу филеров установить это лицо, местные «филиппы» (так звали «летучие» жандармов) ответили уклончиво.

На «с'езде» Зубатов поднял вопрос об «Иваненко», и Ковалевский вынужден был сознаться, что это его секретный сотрудник, машинист С. М. Гандер, который получил во время киевского свидания от Теслера пачку прокламаций (5). Из дальнейшего выяснилось, что Гандер хорошо осведомлен и о деятельности А. Поляка, который играл в одесских революционных кружках немаловажную роль; сведения о Поляке Гандер получал от его сестры Гидки, с которой он был близок. Благодаря этому обстоятельству, Ковалевский знал о всех передвижениях Поляка, вплоть до его поездки в Екатеринослав «на работу».

Сведения, которыми располагало тогда Одесское ж. у. о деятельности местной соц.-дем. организации, были довольно обстоятельны, и я приведу их по возможности полнее.

В VIII—97 г. прибыл в Одессу Б. Л. Гринштейн, сошелся с Э. А. Нудельманом, М. Г. Даргольцем, М. Ф. Рудовским, Ф. Л. Шапиро, Ц. И. и Ф. И. Липовецкими, Г. И. Левинской и др. Начались сходки. Гринштейн и Левинская добыли нелегальные издания и стали водворять их в г. Николаев. 10-IX—97 г. названные лица были арестованы по делу Макадзюба, доставившего вместе с Г. Ш. Финкельштейном в Одессу из-за границы транспорт нелегальщины.

После от'езда Гринштейна в Николаев его место руководителя занял А. Поляк (под кличкой «Альберт»), введенный Нудельманом; последовал ряд собраний у Даргольца, Рудовского и Э. Н. Гольдберга; к кружку постепенно примкнули: Т. Ш. Закова, М. Л. Майзелис, Ш. Ц. Евнин, И. Л. Ашпиз, Х. Ш. Кляшторный, С. Г. Либерман, Х. И. Лившиц, Л. Ш. Рабинович, П. С. Левинсон и Гельфанд.

А. Поляк распространил среди своих знакомых № 1 «Рабочей Газеты». Из Киева приехал Б. Г. Кранцфельд, собиравший мате-

риал для 2-го номера того же журнала; повидавшись с М. М. Мрост, к которой имел рекомендательное письмо (дала 15 р. на нужды организации), он отправился в Николаев, откуда вернулся с Поляком; последний привез с собой (гектографированные): «Устав кассы», «Наше Дело» (от 20-X—97 г.) и об'явление по поводу выхода этого журнала; воззвания о стачке в Кременчуге и о забастовке щеточников, а также стихи «Дума рабочего». 1-XI А. Поляк уехал в Киев, откуда написал сестре, что отправляется (с Гуревичем) в Гомель и оттуда—в Николаев.

После от'езда Поляка во главе одесских рабочих кружков встали М. Е. Березин, которого ввел, под именем «Григория Павлова», Даргольц (участники: П. З. и А. З. Бруславские, Р. Б. Варшавский, Г. Финкельштейн, Д. Х. Герцман, Н. А. Ладовский, Д. Х. Бромберг), и Е. Б. Гранковская, уже бывшая в ссылке (с 1880 по 85 г., в Тобольске); последняя сначала организовала в IX—97 г. группу швей, а затем кружок, в который вошли рабочие М. Д. Коган, Д. И. Переплетчик, Я. Г. Шейман и В. Я. Корф. Гранковская снабдила нелегальной литературой через Г. Поляк Даргольца (предназначалась кружку Березина); революционные издания привез ей из Киева Д. В. Лесенко, приехавший 23-XII вместе с Кранцфельдом, который прожил в Одессе 5 дней и снова виделся с Мрост. Часть привезенной нелегальщины взял у Гранковской для г. Николаева Гуревич, который за время пребывания в Одессе (с 3 по 7-XII) имел сношения с Рудовским, Нудельманом, Заковой и Г. Поляк (последняя справлялась о Гуревиче еще ранее у некоей Розы, письмо к которой было адресовано в Николаев на адрес шляпочного магазина Кисина).

30-XII приехал в Одессу А. Поляк; остановился у сестры, жившей с Л. Рабинович; 1-I—98 г. у них состоялась сходка, по окончании которой А. Поляк заявил, что уезжает «работать» (на следующий день, как мы уже знаем, он уехал в Киев и затем—в Екатеринослав).

20-I—98 г. Нудельман взял у Даргольца и Ф. Липовецкой нелегальщину, полученную ими от М. П. Замощина, и поехал с ней в Елисаветград, куда его вызвала М. Каменецкая, просившая литературы и денег и сообщавшая адрес: книжный магазин Золотарева, для Бурштейна.

В январе же приехала в Одессу из Киева Б. Б. Вольфсон, сошлась с Заковой, Рабинович и Г. Поляк, снабдила нелегальщиной Кляшторного...

Таким образом, деятельность с.-д. кружков в Одессе агентурой Ковалевского и попутным наружным наблюдением к новому году была достаточно освещена. 16-I—98 г. д. п. телеграфировал Зубатову: «по непредвиденному случаю местные кружки в Николаеве и Одессе ликвидируются. Поляк в стороне». Однако, тремя днями позже д. п. сообщил Московскому охр. о.: «ликвидируем только Николаев».

Что же это за «непредвиденный случай», который заставлял то спешить, то медлить с предпринятием «следственных действий»? Нетрудно догадаться, что дело было в «агентурных соображениях». У ротмистра Дремлюги, заведывавшего розыском в Николаеве, был секретный сотрудник Шренцель; в кружках, в которых он участвовал, его заподозрили в предательстве и потянули к ответу (допрос производил Л. Д. Троцкий—один из руководителей николаевской организации). Дремлюга вынужден был поспешить с ликвидацией кружков, за которыми следил.

В этой истории является очень интересным одно обстоятельство: сведения о провокации Шренцеля сообщил николаевцам А. Поляк, прибывший из Одессы. Но откуда он получил их? Не был ли действительным инспиратором Ковалевский, который мог пустить «слушок», чтобы поправить репутацию своего агента С. Гандера, уже вызвавшего подозрения, и чтобы в то же время «подложить свинью» своему сопернику, упрямому и непокладистому Дремлюге?

Ведь «в интересах агентуры» все было допустимо!

Николаев ликвидировали (без особых результатов), пришла очередь и Одессы. 9-III д. п. уведомил Зубатова: «Екатеринослав и Одессу ликвидируем завтра. Если Киев не поспеет, ликвидируем сутками позже» (почему была выбрана именно эта дата—мы увидим ниже).

Обыски, произведенные в Одессе, тоже дали жандармам слабую поживу.

У Гранковской нашли брошюру (на франц. яз.) о международном конгрессе в Брюсселе и рукопись по рабочему вопросу. У Кляшторного отобрали партию нелегальных изданий, в том числе: «Письма» к рабочим Киевского «Союза борьбы» (от 10-X, 26-XI и и 29-XII—97 г.); «Отчет» (с II по VIII—97 г., мимеографированный) и «Устав кассы» того же «Союза»; а также «С.-Петербургский Листок», № 2,—65 экз., № 2 «Рабочей Газеты» и гектогр. тетрадь: «Перемена в экономическом положении женщины».

У Даргольца обнаружили несколько революционных изданий, в том числе (на еврейском яз.) № 6 газеты «Arbeiter Stimme» и бр. «Первое Мая». У Замощина нашли «Отчет Киевского красного креста» (за 96—97 г.г., мимеогр.), заметки о жизни в Шлиссельбургской тюрьме (о Нечаеве) и рукопись «Беседы» (интеллигента с рабочим). У Майзелиса взяли несколько брошюр и, между прочим, № 2 петербургской газеты «Рабочая Мысль» (XII—97 г., мимеогр.).

Всего было арестовано 40 человек, все—из числа упоминавшихся в агентурных сведениях, изложенных выше, с добавлением двух взятых еще по знакомству с Гранковской: М. И. Баткина и И. И. Гранковского; последний на допросах оговорил собиравшихся у Корфа... И на этот раз не обошлось без «языка»!

Для жандармов откровенник в дознании нужен был, как масло в каше.

КИЕВСКИЙ «СОЮЗ БОРЬБЫ».

В. Д. Новицкий, с которым в последующем нам придется еще познакомиться ближе, жил своей былой славой, заработанной на успешных арестах некоторых народовольцев, действовавших на юге. Но помимо того, что розыскные приемы, усвоенные Новицким от стрельниковских времен, накануне XX века были мало пригодными, почтенный начальник Киевского г. ж. у. в описываемое время уже носил мундир с красными отворотами и, достигнув степеней известных, особой энергии уже не проявлял. Помощник Новицкого по розыскной части Префераиский, как я уже упомянул, талантами не отличался; солидной агентуры у него не было; осведомители имелись только на низах.

Новицкий вообще любил широкий размах; чтобы не ударить «лицом в грязь», теперь, когда в подведомственный ему район заглянуло начальническое око, генерал, получив разрешение д. п. действовать, закатил, пользуясь, главным образом, данными наблюдения «летучих» филеров, такую ликвидацию, что размерам ее могли бы позавидовать и столичные охранки.

«Арестовал 100 человек; взял две типографии в Киеве»,—доносил начальству 12-III—98 г. (на следующий день после погрома) Новицкий. По старой привычке генерал не удержался от того, чтобы не прихвастнуть: в сущности, в Киеве не только двух, но и одной типографии обнаружено не было...

Тем не менее, общие результаты ликвидации были значительны. Приведу список лиц, занявших в этом деле видное место.

Л. В. Теслер, учился за границей; проживая в Цюрихе (96 г.), принадлежал к Союзу с.-д. и был близок с Плехановым; в следующем году, находясь в Вене, состоял в кружке Теплова; прибывши в Киев, сделался деятельнейшим членом Киевского «Союза борьбы», руководил рабочими кружками, а также изданием журнала «Вперед» и воззваний; имел сношения с Эйдельманом и Померанец; арестован на собрании рабочих, происходившем 11-III—98 г. у слесаря Р. К. Маевского (6); по обыску отобран мимеограф, трафаретка 12-й страницы № 4 журнала «Вперед», письмо к Плеханову и др. документы.

Б. Э. Шен, знакомый Померанец, Эйдельмана и Крыжановской; руководил сходками рабочих, происходившими у братьев Гехт, Шеренциса и Капрана; давал Гехтам и Л. Терпило распространять газету «Вперед» и воззвания; при аресте (в Балашовском уезде) у земского врача Ф. Н. Шмелева выбросил в окно переписку, в которой оказались документы стрелка Ривацкого, письма к А. Кветницкому и от Белоусова; в квартире нашли рукопись революц. содержания, два письма П. Теплова из Цюриха и письмо, в котором указывалось на Н. Резникова в Баку, как на лицо «надежное»; кроме того, был отобран ящичек с типографским набором.

С. В. Померанец, в 95 г. училась в Париже; сносилась с Крыжановской, Эйдельманом, Поляком; арестована 12-III у Ш. М. Компанеец в Ново-Оскольском у.; по обыску были взяты письма П. Белоусова и К. Солодухи (Перазича).

Е. А. Чарномская, содержала конспиративную квартиру, в которой нашли склад нелегальных изданий, гектограф, пишущую машину и резанную на меди печать Киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

П. И. Полонский, знакомый Петрусевича и Белоусова, жил в кв. Чарномской, у которой и устроил склад нелегальщины.

В. Г. Крыжановская, была близка с Эйдельманом, Шеном, Поляком и Тучапским.

С. И. Коссовский, знакомый Эйдельмана и Поляка; арестован 12-III в Харькове у Б. Линцера; взята рама для мимеографа, «Рабочая Газета» и др. нелегальщина.

П. Л. Тучапский, товарищ Эйдельмана и Шена; руководил собраниями рабочих у Молдавского и Маевского, где его заменил потом Теслер.

К. Шуляковский, сносился с Поляком, Эйдельманом, Шеном и Тучапским; руководил сходками рабочих у Степанова; найдена нелегальщина.

А. Рабчевский, был знаком с теми же лицами, как и Шуляковский; заменял Шена на собраниях, происходивших у Гехт, Якубовского и Валенцкого.

К. П. Василенко, сжег перед обыском много нелегальщины («Вперед» и др.).

Э. Ф. Плютат, знакомый Поляка; было найдено несколько №№ «Вперед».

Р. К. Маевский, у него происходили рабочие собрания; отобрана нелегальщина.

М. Смидович, училась в Цюрихе; невеста Теслера; найдены нелегальные брошюры и «Вперед».

О. В. Яцимирская, знакомая Эйдельмана и др.; при обыске жгла воззвания Киевского «Союза борьбы».

П. И. Белоусов, имел связь с Эйдельманом, Тучапским и др.; его письма компрометирующего характера были взяты у Шена и Померанец.

Л. В. Заливский, взят на сходке у Маевского.

Помимо вышеперечисленных лиц, были арестованы: Н. Алексеев (участник сходки у Яцковского); В. И. и Л. И. Асмоловы (жили у Степанова, у которого происходили собрания); М. З. Альтшуллер (знакомство с Эйдельманом, Поляком, Крыжановской); А. Ф. Вержбицкий (учился в Вене, «друг Теслера»); А. Блювштейн (нашли его письма у Померанец); В. О. Жеглинский (помогал Полонскому перевозить нелегальщину); К. А. Сборович (агитатор, участник сборищ у Степанова); С. И. Каленский

(взята нелегальщина); И. И. Капран (знакомый Шена, участник сходок); Ш. Е. Лапидус (сношения с Эйдельманом, Поляком и Крыжановской); Х. И. Лифшиц (связи: Поляк, Коссовский, Эйдельман, Крыжановская); С. П. Литвинов (те же знакомства); А. Х. Молдавский (участник сходок, знакомый Тучапского); В. П. Степанов (у него происходили собрания рабочих); Л. Д. Терпило (агитатор, распространял нелегальщину, которую ему давал Шен (7).

Все вышеупомянутые лица (за исключением Смидович), а также Эйдельман и Петрусевич, арестованные в Екатеринославе, были привлечены к дознанию при Киевском г. ж. у. по делу о местном «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса».

В длительном плену у Новицкого оказалось более 35 человек—было над кем поизмываться! Допросы «с пристрастием» генерал считал своей признанной специальностью, любил «тряхнуть стариной», не отказывал себе в этом удовольствии—после сытного обеда с надлежащим «возлиянием».

35 человек! Есть перед кем щегольнуть генеральскими погонами, есть кого припугнуть громовым голосом «в Сибирь запрячу!».

Новицкий был доволен.

«Обыски замечательно удачны... Обнимаю крепко за Ершова [1], за ваших людей», телеграфировал растроганный генерал Зубатову, сообщая о результатах ликвидации 12-III...

Обходительный человек был В. Д. Новицкий.

И чувствительное сердце имело его превосходительство!

«ПАССИЯ», ИОГАНСОН И ЗУБАТОВ.

«Летучие» сопровождали «Лохматого» в Киеве, Екатеринославе, Харькове, Минске и прозевали, когда он ездил в Москву! Правда, пребывание Эйдельмана в столице было замечено московскими филерами, но лишь в качестве «неизвестного», посетившего (30-XII—97г.) квартиру Н. К. Муравьева, жившего с А. И. Иогансоном, за которым тогда велось наблюдение. И если бы не «внутреннее освещение», то этот факт так и остался бы нераз'ясненным.

Но не даром тогда следили за Иогансоном; собственно «дамоклов меч» охраны висел над ним давно и не опускался лишь «по агентурным соображениям»; наконец, пришла и его очередь; Зубатову показалось, что представился хороший случай поймать с поличным «прокурорского сынка» (8).

25-XII—97 г. Иогансон «встретил, при крайне конспиративной обстановке, неизвестную женщину (оказавшуюся Александрой Ратнер), которая имела большую, тяжелую корзину, вследствие

[1] Под фамилией Ершова жил в Киеве старший филер «Летучего отряда» Е. Сачков.

чего возникло предположение о водворении из провинции в столицу транспорта нелегальной литературы; для проверки этого предположения и был произведен осмотр квартиры Иогансона и Муравьева, обнаруживший у последнего нелегальную библиотеку».

Так писал 7-II—98 г. Зубатов нач-ку Московск. г. ж. у. Шрамму, делая по французской поговорке «bonne mine á mauvais jeu»,— так как было ясно, что охр. о. в этом деле, говоря попросту, «село в лужу»: в подозрительной корзине оказалось дамское белье, а «библиотека» (и многочисленные заметки) Муравьева представляла невинное собрание материалов по истории общественного движения в России.

Но Зубатов «знал, что знал», только рассказывать ему об этом нельзя было, имевшиеся агентурные сведения нужно было превратить «в кровь и плоть», и он с увлечением занялся этим делом, чтобы поправить свою неудачу.

11-III—98 г. одновременно с ликвидацией на юге и Московского «Союза борьбы» был арестован Иогансон. И сразу оказалось, что «неизвестный», посетивший квартиру Муравьева, был не «неизвестным», а... Эйдельманом. А чтобы это оформить, 20-III был допрошен филер П. Кочурин, который в запротоколенном показании (в качестве свидетеля) заявил, что он видел, как в д. Тишенинова, по Годеинскому пер. (где жил Иогансон), приходил человек, который через четверть часа пошел в трактир пить чай, а потом отправился в губернскую земскую управу (где находился в то время служивший там Иогансон); здесь неизвестный пробыл с час, а затем был утерян в Верхних торговых рядах. «Во время командировки,—добавил Кочурин,—в город Киев, я вновь увидел этого человека, который по выяснении оказался Эйдельманом».

Но Зубатов знал и еще кой-что. Ни с того, ни с сего была арестована Л. А. Преображенская, которая на одном из первых же допросов (24-IV) показала: «осенью... была у Иогансона в квартире три раза вследствие его приглашения,—он был у меня и просил переписать статью о рабочих на небольшой лист почтовой бумаги... В начале февраля, вскоре после от'езда из квартиры Белевской доктора Никитина, была у Иогансона и передала в квартире 3 р. через Ратнер ему, собранные на доброе дело... Утверждаю, что предложенная рукопись к переписке носила несомненно нелегальный характер и в печати появиться никак не могла».

Когда Иогансона допросили 16-IV, он заявил, что с личностью, изображенной на карточке (Эйдельмана), «никогда и ни при каких условиях не встречался», Преображенской «давал работу, полученную от Шереметьевского», а Ратнер, «переехав на квартиру к Белевской, бывала у меня часто».

Давши Иогансону солгать, Зубатов, вооруженный «документами», припер обвиняемого к стене. Поводом послужило письмо,

найденное по обыску. Иогансон пробовал сначала отговариваться; в показании от 25-VI он писал: «в письме к Ратнер от 26-X я просил передать «Пассии» просьбу, чтобы она послала мне какую-либо весточку—«можеть быть, у нее («Пассии») есть что-нибудь приятное». Об'ясняю: я не имел от «Пассии» известий, получена ли моя первая корреспонденция о стачке, и вообще, как идет дело с газетой... Известие это я впоследствии действительно получил, но не через Ратнер, которая пишет мне 17-XII, что передаст мне ответ, а по почте, при помощи шифра по моему адресу».

«Бывая у Ясмана, я однажды передал ему сверток, в котором заключалось 1.000 папирос, как я заказал по его просьбе» (9). Но под конец Иогансон решил итти «начистоту» и в показании от того же числа заявил: «С Эйдельманом виделся в губ. земск. управе в конце декабря. В управу он зашел, бывши на моей квартире. Имея сношения с киевской группой с весны 1897 г., я в осенний свой приезд, что зависело от решения Александры Александровны Ратнер ехать в Москву, виделся с Эйдельманом для обсуждения вопроса о моем участии в «Рабочей Газете». Возвращаясь в Москву из Киева, я захватил с собой, на всякий случай, 20 или 25 экз., наверное сколько—не помню, первого номера «Рабочей Газеты», которые передал знакомому мне лично лицу, рассчитывая, что они дойдут по назначению; что касается второго номера, то во всяком случае к его появлению в Москве я был совершенно непричастен».

Когда ротмистр Сазонов, производивший формальные допросы, явился с протоколом показания Иогансона в «преддверие»—кабинет Медникова, где принимал обыкновенно подчиненных Зубатов, последний встретил его радостным возгласом: «здорово околпачили! А еще присяжный поверенный!»...

По правде сказать, Иогансон тогда был еще помощником присяжного поверенного; но и этого достаточно было для того, чтобы знать, как следует вести себя на дознании. В письме (перехваченном) к А. Ратнер (в Минск, на адрес С. А. Ратнер) Иогансон так об'яснял свое поведение:

«Дорогой мой, хороший друг... Мучился ужасно; вчера, наконец, положение определилось: мне придется пропутешествовать в г. Киев; тебе, вероятно, тоже предстоит это удовольствие. В данном случае мое положение лучше, т. к. у меня не получается того разочарования, которое должно будет получиться у тебя... В виду такого положения дела я решил назвать «Пассию». Ей мы не повредим, так что я считаю, что мы в праве сделать это, а между тем, назвав ее и показав наше отношение к ней, мы таким образом стираем последнее туманное пятно. Так как в данном случае весь вопрос опять-таки во мне, то я делаю это сам и таким образом решаю за тебя. Ты понимаешь, как мне это тяжело, но это необходимо... Не могу сказать, чтобы я сидел в это время

спокойно. Читал много, но пользы из этого мало получилось... После твоего от'езда сильно мучился—ты знаешь, это в моем характере. Под влиянием импульса что-либо сделаю и только потом начинаю взвешивать все «за» и «против»...

«Научные книги, за исключением нескольких, мало следов оставили в моей голове, но я зато упивался Толстым и Эркманом-Шатрианом... Оба эти автора помогли мне справиться со своей неуравновешенной особой. Все думается, что не будь я так глуп, все могло бы быть иначе»...

23 IX—98 г. д. п. сообщил Московск. охр. о. копию письма в Житомир к С. А. Ратнер, в котором «Саша» (Ратнер) писала, между прочим: «Пусть Сошкина переводит что-либо для газет; сообщи ей адрес Рев. [1]. Да не прибавляй, пожалуйста, никаких «для Ал.»—это служит лишь ударением. С. [2] все еще здесь сидит... Насколько я поняла из слов помощника нач. охр. отд., он себя держит иначе и не пускается на душевные разговоры. 15 сентября была в охране и получила разрешение записаться к Рев. в ученицы. «Мы совсем не намерены портить людям всю карьеру»,—сказал ротмистр Сазонов. Словом—душевный разговор»... (10).

Ах, эти «душевные разговоры» с охранниками! От них следовало воздерживаться даже и присяжным поверенным!

Тогда многое, действительно, «могло бы быть иначе»...

Но откуда же знал Зубатов, спросит читатель, о сношениях Иогансона с Эйдельманом и о том, что Преображенская переписывала для него корреспонденцию в «Рабочую Газету»?

Это мне неизвестно. Я знаю только, что Ратнер жила у Белевской, с которой была знакома и Преображенская.

А Белевская была приятельницей Анны Егоровны Серебряковой.

ПРОВОКАТОР РУБАШЕВСКИЙ. КРЕМЕНЧУГСКАЯ ТИПОГРАФИЯ.

Когда Новицкий дипломатически «крепко обнимал» в телеграмме Зубатова, на уме у него было, наверное: а хорошо бы в этих об'ятиях задушить тебя, парвенюшку!.. Генерал был невежественен и дик, но в делах служебного преуспеяния смышлен; он чуял, что восходящее московское светило презирает жандармов и что в лице «охранников» растет сила—конкуренция для «корпуса», принадлежностью к которому он «имел честь гордиться». Впоследствии ненависть Новицкого к модернизаторам сыска нашла себе выражение в известной его «Записке», где он излил всю горечь обиды отставной знаменитости и, по старой привычке,

[1] Ревекка Лурия, дантистка, жена лекаря.
[2] К. Солодуха (Перазич).

не обошелся в своей критике зубатовщины без вздорных и необоснованных обвинений.

Новицкий понимал, что успех южной ликвидации принадлежит не ему, и решил показать, что и он «не лыком шит». Уже летом Префераиский имел собственные агентурные сведения. 12-VI—98 г. секретный сотрудник, которому филеры дали кличку «Борода», донес о свидании, которое он имел в квартире портного Щегловского с интеллигентом, которого он затем предупредительно познакомил (через жену Щегловского) со своим шурином Шелихом, тоже оказывавшим услуги жандармам. 27-VI «Борода» доставил начальству 80 экз. нелегальных изданий, только-что полученных для распространения от того же пропагандиста, и сообщил, что интеллигент уверен, что за ним следят, хотя «поймать» наблюдающих ему еще не удалось. Было очевидно, что киевские филеры—переодетые жандармы из старых служак (Палий и др.)—слишком поналегли; пришлось оставить наблюдаемого на некоторое время в покое.

13-IX, по сведениям «Бороды», в лесу Голосиевского монастыря состоялась сходка, на которую должен был явиться (но не пришел) новый интеллигент—русский; собравшихся было 10 человек; в числе их находился М. Б. Шенделер, который 18 числа поехал с товарищем Мытлиным в Гомель, но, заметив следившего за ним филера (Байкова), покинул пароход и так спешно, что оставил на нем свое пальто.

Свидание «Бороды» с интеллигентом, назначенное на 9-IX, было перенесено из-за дурной погоды на 25-е число. Пропагандист обещал (будто бы) «Бороде» провести его в «Комитет» и велел притти на следующий день в квартиру Керкеса, которую выдавал за свою. Одновременно «Борода» узнал, что русский интеллигент называется «Иван Петрович» и что он видится с рабочим Шмуклером в Царском саду.

29-IX «Борода» донес, что в доме 14, на Введенской ул., была сходка, на которой был резчик Ф. Карасик—из Гомеля, куда собираются отправить транспорт нелегальщины, и что к 1-X должны выпустить № 1 «Рабочей Газеты», типография которой находится где-то близ Киева [1].

11-X «Борода» сообщил, что жел.-дор. рабочий Остапчук будет работать на гектографе, а интеллигенты намерены воспользоваться мимеографом; интеллигент просит денег—касса пуста.

22-X «Борода» виделся с «Иваном Петровичем», который оказался Л. С. Скаржинским.

Но искать типографию, укрывавшуюся где-то «около», нетерпеливому Новицкому показалось скучным, и Префераиский решил завести «шлепалку» в самом Киеве. При благосклонном по-

[1] Как потом выяснилось, в самом Киеве, на Подоле.

ощрении начальства «Борода» взялся за это дело энергично, и скоро у него оказались «на хранении» некоторые части типографского станка.

Однако, довести дело до конца жандармы не сумели. «Бороду», повидимому, заподозрили, интеллигент—Ш. (А. С.) Берлин вовремя скрылся ([11]), а все дело оказалось шито такими белыми нитками, что даже прокуратура признала его чисто провокационным.

Но если «Бороде» не удалось «открыть» печатню, то в печать он все же попал: в № 7 газеты «Вперед» (IX—99 г.) было опубликовано «Предупреждение», в котором Евгений (Евмений) Романов Рубашевский об'являлся провокатором; тут же сообщались его приметы: «среднего роста, приземистый, большая темно-русая борода, осповатое лицо».

Изобличенный на юге шпион искал счастье на севере, но худая слава бежала за ним, и в № 24 «Искры» (1-IX—02 г.) было напечатано: «здесь же проживает и Рубашевский, известный по Киеву провокатор».

Так и не удалось «Бороде» Новицкого «открыть» типографию.

А «шлепалка», действительно, была «около», и несчастная случайность вскоре отдала ее в руки киевских жандармов. Об этом д. п. поведал в своем сообщении Зубатову так: «5-X—99 г. в одну из кременчугских гостиниц прибыл с небольшою плетеною корзиною окончивший курс Киевск. ун. Давид (Яковлев) Логвинский. Подозрительное поведение этого лица послужило поводом к задержанию его в момент выезда из Кременчуга на пароходе в Киев, при чем в помянутой корзине оказалась полная тайная типография с значительным количеством шрифта, готовым набором текста преступных воззваний и всеми принадлежностями печатания, печатные революционные брошюры, газета «Вперед», воззвания к рабочим, а равно и приготовленные для напечатания рукописные статьи. Было установлено, что все преступные киевские издания последнего времени печатались в этой типографии, в виду чего Логвинский и привлечен при Киевск. г. ж. у.» ([12]).

Так ли просто обстояло дело с задержанием в Кременчуге типографии—не берусь утверждать.

Но генерал Новицкий получил неожиданно реванш.

С'ЕЗД В МИНСКЕ.

В статье «Ближайшие задачи русского рабочего движения» (помещенной в № 2 «Рабочей Газеты», XI—97 г.), в которой, несомненно, нашли себе отражение взгляды руководителей Киевского «Союза борьбы» [1], говорилось: помимо неблагоприятных экономических условий, «русские рабочие страдают еще и от своего поли-

[1] Статью написал, как выяснилось теперь, Б. Эйдельман.

тического бесправия... Нам нужна политическая свобода. Не добившись свободы стачек, собраний, союзов, слова и печати, не добившись права принимать участие в управлении страной и в издании законов, мы никогда не сбросим с себя гнетущих нас цепей экономического рабства. Вот почему борьба с самодержавным правительством за политическую свободу есть ближайшая задача русского рабочего движения». В этих видах существующие рабочие кружки должны слиться в один Союз, или партию, «под знаменем международной социал-демократии»; эта партия должна, не довольствуясь частными улучшениями, поставить своей конечной целью «полное переустройство общества на социалистических началах», после которого «все вообще средства производства будут находиться в руках общества»; добиться всего этого можно только «путем постепенного развития самосознания в рабочем классе, его об'единения и неустанной борьбы с господствующими классами».

В прямой связи с этим декларативным заявлением находились письмо Плеханова [1] и статья Аксельрода, которые были обнаружены при обыске у Эйдельмана; в этих документах авторы их, сетуя на преобладание «груп ового духа» в российских революционных кружках, настаивали на необходимости «слияния их в стройно-организованное целое» и высказывали пожелание, чтобы «Рабочая Газета» была «посвящена обсуждению общерусских задач социал-демократического движения», при чем указывали на то, что русские революционные деятели часто забывают чрезвычайно важную мысль Маркса о том, что «всякая классовая борьба есть борьба политическая».

Идея слияния «в стройно-организованное целое», нашедшая себе печатное выражение еще в конце 97 г., насто чиво проводившаяся заграничными центровиками, получила, наконец, осуществление: весной 1898 г. состоялся с'езд, на котором было заложено основание Российской социал-демократической рабочей партии.

Это событие первостепенной важности прошло, как это ни странно, мало замеченным и в розыскной летописи оставило след мимолетного эпизода. Рождение нового члена революционной семьи обошлось без всякой охранной помпы; никакой ликвидационной кометы не появилось; петербургские и московские звездочеты форменным образом прозевали это событие, имевшее место в минском Вифлееме, и «волхвы» их с дарами «данайцев» безнадежно опоздали. Даже отцы российского марксизма о рождении столь желанного наследника узнали лишь post factum. Единственными свидетелями социал-демократического «рождества» было несколько «летучих», которые, впрочем, совершенно не сознавали того, на

[1] Это письмо Плеханова, вызванное появлением № 1 «Раб. Газеты», опубликовано в «Летописи Революции». Берлин, 1923 г., стр. 140.

какой важной «свадьбе» (филерский термин) они присутствуют; да и тем, что им довелось попасть на это торжество, они были обязаны исключительно своему «Лохматому»...

Как уже было отмечено в рассказе об екатеринославском деле, Б. Эйдельман 23-II приехал в Екатеринослав и на следующий день выехал в Харьков; за ним летели «шапки-невидимки», которых 27 числа «Лохматый» привел в Минск.

На следующий день Эйдельман посетил д. 17—Нещеретовой, по Захарьевской улице, где свиделся с интеллигентом-евреем, которому дали кличку «Черный». То был А. Я. Мытникович... Филеры, установившие этот факт, имели полное право на 25 р., которые обещал Семякин: уцепившись за нового лидера, «летучие», как мы увидим в дальнейшем, пошли к самому центру «Еврейского рабочего союза». Мог ли думать Эйдельман, что свидание его в д. Нещеретовой поведет к целой катастрофе? И что на след минских совещаний навел охранников он сам, главный организатор учредительного с'езда?

В трактате о правилах конспирации революционного деятеля, которым обладал Эйдельман, между прочим рекомендовалось: «Недурно вывести шпиона на пустынное место и хорошенько отколотить»...

Можно искренно пожалеть, что «Лохматый», за которым «летучие» таскались в течение нескольких месяцев, не нашел случая применить это правило на деле!..

Но следует отдать справедливость: с внутренней стороны конспирация при созыве Минского с'езда была проведена образцово. Правда, когда филеры заметили появление в Минске других наблюдаемых, известных им по Киеву, д. п. почуял недоброе и телеграфировал (7-III) Зубатову: «Тучапский, Эйдельман и Вигдорчик находятся в Минске при трех филерах. Командируйте немедленно помощь»...

Сорвалось! 8 числа Эйдельман уже был в Екатеринославе.

Это «непредвиденное обстоятельство» заставило поспешить с ликвидацией «Южно-русского рабочего союза». ([13]).

Невольно припоминается:

«Судьбы веленья прихотливы»...

Относительно характера Минского с'езда охрана долго еще оставалась в блаженном неведении; даже Зубатов не имел вполне точных сведений о нем, хотя в совещаниях участвовал представитель Москвы. Вот что, например, сообщал нач. Московск. охр. о. Ратаеву в I—99 г.: «по имеющимся вполне конфиденциальным сведениям, с'езд представителей нескольких местных революционных организаций, провозгласивших об'единение последних под общим названием «Российской социал-демократической рабочей партии», состоялся в Минске 1—2-го марта мин. года. Участниками названного с'езда были: привлеченные уже к дознаниям Борух

Эйдельман (представитель от группы, издававшей «Рабочую Газету»), Абрам Мытникович и Аарон Кремер (от Общееврейского Рабочего Союза в России и Польше); Казимир Петрусевич (от Екатеринославского кружка); Павел Тучапский (от Киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»); Александр Вановский (от такового же союза в Москве), один делегат минских социал-демократов и одно лицо, оставшееся неарестованным»... (В сноске к этому месту было сказано: «негласно-поднадзорный дворянин Рудольф Иванов Данилович, живший до сентября в Петербурге, откуда отметился в Варшаву»).

«Общие собрания участников с'езда (7—8 человек) происходили по вечерам в одном из домов на Захарьевской улице (вероятно, в квартире арестованного в июльскую ликвидацию Петра Румянцева). Вопросами, обсуждавшимися по заранее составленной программе, на с'езде были: размеры компетенции Центрального комитета партии; степень автономности местных групп, их наименование («союзы», или «комитеты»); характер отношений к партиям «Польской социалистической», «Народного Права», «Социалистов-революционеров» и пр.

«Главнейшие постановления Минского с'езда опубликованы в известном «Манифесте» Российской с.-д. р. партии. Инициатива с'езда и руководство его занятиями принадлежали, повидимому, представителю южно-русских рабочих организаций Б. Эйдельману, а главными сотрудниками его в этом деле были, вероятно, Мытникович, Кремер и Румянцев».

Из приведенного документа видно, что сам Зубатов даже почти год спустя не имел вполне точных и положительных сведений о с'езде; ему был не известен представитель минской с.-д. группы (Кац); о присутствии на с'езде петербургского делегата (С. И. Радченко) он, очевидно, и не подозревал; наоборот, был указан Данилович, который, насколько известно, к с'езду отношения не имел; наконец, Вигдорчик, которого «летучие» видели в Минске, почему-то совсем не был упомянут ([14]).

Несомненно, в деле Минского с'езда охранники дали маху.

Ведь филеры сидели на хвосте у с'езда.

И «счастье было так близко, так возможно!»...

ГЛАВА II.

Воскресные школы для рабочих.—«Урок истории» (Русское техническое общество).— Пречистенские классы.— Книжный склад Муриновых.—«Неблагонадежный» инспектор (Вахтеров).— Пушкинский юбилей.— «Летучий Университет» и Общество трезвости.—«Комплот» с разрешения начальства.— Культурники в провинции.

ВОСКРЕСНЫЕ ШКОЛЫ ДЛЯ РАБОЧИХ.

Новая попытка «хождения в народ», о которой было упомянуто в главе XIV I части моей книги, совпала с под'емом общественного настроения в начале 1890-х годов. Следя за ходом революционного движения, было бы несправедливо обойти молчанием те настойчивые усилия, требовавшие и большой энергии, и жертвенного терпения, которые передовая интеллигенция проявила в своем идеалистическом порыве, желая пробудить самосознание и действенность широких масс трудового народа.

Даже просветительная работа чистых культурников не лишена была своего значения, так как подготовляла на низах почву, более пригодную для восприятия новых идей; но в этой культурнической работе принимали живое участие и деятели, смотревшие на нее, лишь как на средство при достижении своих революционных целей. Это использование «легальных возможностей» тянулось целое пятилетие, пока проснувшаяся власть не заткнула циркулярами и отдельными распоряжениями все лазейки, в которые проникали неутомимые «просветители». Но к этому времени революционная армия успела уже пройти первую оборонительную линию твердыни самодержавия и прочно окопалась в траншеях своего конспиративного «подполья».

Чуть ли не одной из первых, вступивших в Москве на путь приспособленчества, была учительница С. С. Якобсон, о которой еще 6-X—93 г. д. п. запрашивал Московское охр. о., сообщая, что она, по имеющимся сведениям (вероятно, перлюстрационным), снабжает, по просьбе А. Журавлева, живущего в Екатеринославе, запрещен-

ными книгами И. Ф. Федорова, находящегося в Москве. Бердяев, однако, не придал особого значения этому сообщению, и ответ на запрос д. п. последовал лишь в IX—96 г., когда относительно Якобсон уже накопилось немало сведений.

«В 1893 году,—доносило охр. о.,—по инициативе известных д. п. Евгения Алексеева Звягинцева, Дмитрия Дмитриевича Солодовникова и других, некоторые лица вредного направления стали занимать должности преподавателей в воскресных и фабричных школах, чтобы получить возможность непосредственного общения с фабричным людом и оказывать на него свое антиправительственное влияние; этого рода деятельностью занялась и Софья Якобсон, пристроившись в церковно-приходской школе при Прохоровской Трехгорной мануфактуре вместе с Таисией Михайловой Акимовой»... (1) Как мы уже знаем, воскресную школу, имевшуюся при той же фабрике, посещали пропагандисты Ментов и жена его (Ташкина).

В те времена дело обстояло еще патриархально. По крайней мере в одном (сперлюстрированном) письме от 15-XII—93 г. в Петербург, к М. М. Смирновой, неизвестный автор описывал положение дел в таких радужных красках: над воскресными школами в Москве «почти нет никакого контроля. Да и над лицами, ведущими чтения, тоже никакого контроля, и читают чуть не все, кому есть охота».

Я уже приводил письмо Солодовникова, который сообщал 28-XI—94 г. своему приятелю Колокольникову (повидимому, относительно той же Прохоровской школы), что нужна учительница «в негласные руководительницы» и т. д.

Эти и другие перлюстрационные откровения заставили центральную власть обратить внимание на «просветителей», и д.п. 22-I—95 г. потребовал от московской администрации сведений о преподавателях воскресных школ, «ибо лица сомнительной благонадежности в качестве лекторов получают возможность вступать в непосредственные сношения с фабричным и мастеровым людом и оказывать на них свое влияние». Московское охр. о. шло навстречу желаниям своего начальства и еще 17-I—95 г. сообщило д. п. список «неблагонадежных» преподавательниц Прохоровской ц.-п. школы, в в числе которых были названы, кроме Якобсон, Акимовой, Ментовой и Волоцкой, еще: М. И. Семерия, Ш. Гамбургер, Е. Литинская, Е. А. Блюм, Г. Н. Вульф, М. А. Усольцева.

А пока-что, молодежь старалась использовать благоприятную кон'юнктуру и захватывала поле действия, не стесняясь официальными рамками. О. Н. Тарутина, например, так описывала (2-XI—96 г.) брату Николаю, жившему в Вел. Устюге, свою просветительную работу в Москве: «В воскресной школе дело идет. Желательно увеличить контингент учителей.... с хорошим направлением—это прежде всего требуется в школе... У нас библиотека

более, чем следует, преподают предметы, которых преподавать нельзя, большинство не утверждены. Нужно принять меры к тому, чтобы хотя по виду все это узаконено» (Речь шла о школе при мастерских Московск.-Казанск. ж. д.).

С каким энтузиазмом молодежь бралась за просвещенство, может дать представление письмо сибирячки, слушательницы коллективных курсов в Москве А. А. Пятидесятниковой, которая писала И. П. Рослякову (был привлечен по делу рабочего кружка в Воронеже): «В ноябре (97 г.) мне предложили заниматься в воскресной школе в Таганке. Неожиданно было угадано мое желание... Взамен тех сил, которые отдаешь, получаешь новый приток их... Тут предо мною взрослые работницы, несущие свой последний досуг в школу, приходящие в большинстве случаев с сознательными вопросами... Моя народная библиотека удовлетворить их может, так что в воскресенье понесу им книжки. Одна из воскресных увезла штук 50 в деревню почитать своим. Мы уже успели сродниться, их интересы сделались моими. Зовут к себе, у одной была, столкнулась с рабочими, участниками стачки,—славные ребята. Вечер, проведенный среди них, сильно взбудоражил меня, еще более захотелось работать» (²)...

Так заводились связи с рабочей средой, которые переходили часто в личное знакомство, позволявшее вступать в разговоры более откровенные, итти прямо к намеченной пропагандистской цели. С трогательной наивностью прозелитки описывает «пробу языка» другая московская «коллективистка» Е. К. Никитина (XII—98 г.) в письме к своей сестре, жившей в Н.-Новгороде: «Над. Ив. у меня занималась с рабочими, приходило 2. Я занималась в воскресенье с одним и осталась очень довольна и собою и им. Мы с ним беседовали о том, что хорошо бы читать книги и понимать их. Знаешь, очень интересный тип рабочего. Есть что-то в нем революционное. Я этот день положительно была счастлива... Главная задача социалистов, кажется, заключается в том, чтобы вот таким путем выяснить рабочим их положение и чего они должны требовать; вообще мечтают о революции» (³)...

Упомянутая в цитированной корреспонденции Надежда Ивановна Попова вела в то время, повидимому, определенно революционную пропаганду. В XI—98 г. ей писали из Н.-Новгорода: «Я слышал: составляется список марксистских книжек для народа... Теперь, следуя, очевидно, примеру французских социал-демократов, а также постановлению Лондонского конгресса, решили попытаться сдвинуть с места инертную массу крестьянства. Только одно меня смущает, что это за народные марксистские книжки? Уж не думают ли кружковцы, что в деревню пойдет и Бельтов и Ильин... Справьтесь и В-ого [1]—он наверное знает».

[1] Ф. Владимирский.

Охр. о. видело, разумеется, как под флагом просветительства развивалась «антиправительственная» деятельность, но бороться ему с этим явлением было нелегко прежде всего потому, что провести точную грань между легальной и нелегальной работой просветителей, разделить их на людей «благонамеренных» и «неблагонадежных» фактически представлялось не всегда возможным. Впрочем, над этим охрана особенно не задумывалась—для нее всякий, кто стремился к сближению «с рабочим и ремесленным людом» в целях поднятия его умственного уровня, является человеком, самое меньшее—подозрительным. Главное препятствие при осуществлении надзора за просветителями охрана встретила в том, что они приспособились к учреждениям, которые не были подчинены непосредственному контролю министерства вн. дел и которые пользовались иногда ведомственной автономностью или иммунитетом уставов, написанных в те времена, когда наука не считалась еще положительным злом, а в распространении знаний не видели непосредственной опасности для государства.

Между тем, вышедшие из летаргии общественные силы искали себе выхода, явилось стремление к их концентрации, хотя бы и в пределах расставленных повсюду полицейских рогаток. На этой почве возник целый ряд затей просветительного характера, поддержанных широкими кругами интеллигенции, большинство которой, несомненно, революционными целями не задавалось. Для характеристики настроений, господствовавших в этой культуртрегерской среде, я приведу письмо (тоже из числа перлюстрированных), посланное из Москвы 22-XI—98 г. Инне Кореневой в Париж. «Возникновение вашего общества в прошлом году,—писал неизвестный автор,—меня сильно обрадовало, и я поспешил вступить в него. Сей год несколько землячеств вступило на эту дорогу. Это меня подбодряло. Дружная работа большого числа лиц, их взаимная поддержка, продуктивность работы, более интенсивное изыскание средств, взаимные выгоды привлекали мое внимание, и у меня зародилась мысль всех лиц, готовых содействовать народному просвещению, соединить вместе. Теперь цель достигнута. Нас свыше 150 человек. План работы таков. Содействие просвещению крестьянских и рабочих масс, помощь в самообразовании учителям и, наконец, изучение нашими членами постановки дела народного образования и экономического состояния классов на нашей родине. Первой цели мы хотим достигнуть распространением лучшей литературы в народе, как рассылкой библиотечек, так и распродажей посредством книгонош; второй—основанием учительской библиотеки в Москве и рассылкой им книг; третья же цель будет достигнута обменными рефератами на животрепещущие темы, которые будут написаны и уже часть написана членами союза. Нужно прибавить, что учительская библиотечка уже основана, рефераты уже читаются, отсылка библиотечек, как самое немудреное дело, давно практикуется кружками.

Таким образом, остается завести общий просмотр литературы и общую кассу (пока 103 рубля). Относительно первого—затруднения нет. Один из входящих в союз кружков просмотрел до полуторы тысячи книг и, кроме того, выпустил принципы просмотра народной литературы. С принципами согласились, а следовательно приняли и книги в общий каталог. Остается только всеми прорецензировать оставшуюся на книжном рынке народную литературу, к чему теперь и приступаем. Относительно общей кассы могу сообщить, что устраиваем концерт, уже занята зала. Не знаю, насколько удастся дело вообще, но, как видите, пока дело обстоит так, как я хотел его видеть. Что будет дальше, трудно сказать наперед. Во всяком случае, пропаганда, которую мы ведем теперь, не пропадет даром. Кружки могут переродиться, сбросить шкуру и явиться в другой, более приличной, но они не могут умереть, пока не умрет то общество, которое породило их. Однако, наше общество, в котором мы с вами находились, распалось на-двое. Обе фракции не хотят знать друг друга. Одна, меньшая, откололась для того, чтобы соединиться с союзом, другая, большая, осталась на прежнем фундаменте, оставив за собой имущество и деньги. Как видите, на ряду с массовой интеграцией наблюдается дифференциация. Со стороны оставшейся на прежнем основании фракции были серьезные возражения, но я полагаю, что они вам известны от В. Но я не грущу по поводу раскола. Личности, благодаря ему, теснее сблизятся между собою, а то был у нас очень разнокалиберный элеменг.

Наши пролетарии молчат. У социал-демократов идет, должно быть, в тиши кропотливая работа»....

«УРОКИ ИСТОРИИ» (РУССКОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО).

Я затрудняюсь сказать, какое именно общество имел в виду автор вышеприведенной корреспонденции. В то время в Москве существовало несколько организаций, преследовавших однородные цели. Наиболее хлопот причинило охране тогда «Императорское Русское Техническое Общество», под эгидой коего возникли в Москве некоторые образовательные учреждения, в которых «крамола» не замедлила «свить себе гнездо».

Несмотря на то, что помянутое общество действовало в интересах промышленности, а покровителем школ, учрежденных комиссией по техническому образованию, состояло августейшее лицо, Зубатов, исполняя свой патриотический долг спасения отечества от заразы просвещения, смело выступил против «императорского» общества, под защитным цветом которого ненавистная ему «марксятина», как он опасался, укрыла свои аванпосты. Поводом к этому послужила одна незначительная история, и можно было думать, что охр. о., выступившее с обширным докладом по этому поводу, стрельнуло из пушки по воробьям—«для острастки», но дальнейшее

показало, что этот выпад был лишь началом целого похода против непрошенных просветителей, во главе которого встало тоже «императорское высочество», но совершенно не зараженное «завирательными идеями»,—великий князь Сергей Александрович, одна из опор подгнившего царского трона.

Я хочу доставить читателю идущего на смену нам поколения несколько минут занимательного чтения и приведу содержание вышеупомянутого доклада со всеми подробностями, в качестве жанровой картинки того средневековья, которое нашло себе место на исходе XIX столетия в первопрестольной столице. Пусть наши потомки знают, в каких условиях приходилось жить и действовать пионерам освободительной борьбы, которым ставилось в вину даже преподавание арифметики и русского языка!

При кожевенной фабрике Тиль и К°,—рапортовал в I—97 г. Трепов московскому ген.-губ.,—имеется техническая школа, которой заведывает постоянная комиссия по техническому образованию, существующая при Московском отделении императорского Русского технического общества. Инспектором этой школы от названного общества состоит известный д. п. Н. В. Тулупов.

В конце ноября минувшего года инспектор народн. училищ Добровольский отобрал у рабочего фабрики Фарберке Д. Н. Карасева, состоявшего учеником курсов для рабочих при вышеупомянутой школе, записку «предосудительного содержания» по русской истории, преподаваемой Е. Г. Петуховой. В отобранной записке значилось, что «варяги пришли в Россию не управлять, а грабить», что «Владимир святой принял крещение не по убеждению, а из личного расчета» и что «летописцы, будучи княжескими прихвостнями, писали хорошо о тех князьях, от которых они имели больше выгоды».

Отобранную у Карасева записку Добровольский доставил председателю комиссии по техническому образованию К. К. Мазингу, который документ оставил у себя. Впоследствии великому князю Константину Константиновичу, под покровительством которого состояли школы комиссии, Мазингом было доложено, что весь инцидент с запиской был подстроен полицией, пожелавшей скомпрометировать благие начинания Русского технического общества и подославшей для этой цели «шпиона» в лице рабочего Карасева. Тем не менее учительница Петухова от занятий в классах была отстранена.

По имевшимся у охр. о. сведениям, «Петухову посещали на дому многие интеллигенты и рабочие, которым она раздавала книги, между прочим—известное по своей либеральной тенденциозности сочинение Г. Джаншиева «Из эпохи великих реформ».

О самом происшествии рабочие, посещавшие вечерние классы фабрики Тиль, рассказывали, что когда Петуховой была произнесена фраза о летописцах, Карасев спросил: «Разве не летописцы

писали евангелие?», на что она ответила, что «недоумение будет раз'яснено после урока». На следующий день, по словам очевидцев, явился инспектор (Добровольский) и, рассматривая учебные пособия у обучающихся в классах, случайно наткнулся в тетрадке Карасева на заметки, которые и отобрал.

Когда происшедшее стало известно учительницам, они распространили слух, что Карасев—«шпион», и посоветовали своим ученикам подать коллективное прошение инспектору об исключении заподозренного из классов. На упреки товарищей в подвохе Карасев отвечал: «а чем я виноват, что загнул учительнице такой вопрос, что она срезалась?». Особенно энергично агитировала за подачу прошения учительница А. И. Помелова, которая говорила своим ученикам, что инспектор был у великого князя с жалобой на полицию и просил воспретить ей помещать в школы «шпионов» и что инспектор ездил также на фабрику Фарберке справляться о Карасеве и такового в числе рабочих не нашел, из чего-де ясно, что он—«шпион»...

Прошение, за которое учительницы агитировали, было все-таки написано артельщиком фабрики Тиль С. А. Козловым и скреплено подписями учеников 4-го класса; некоторые рабочие, желая добиться удаления Карасева, подыскивали охотников поколотить его, рассчитывая, что вместе с исполнителем исключат и потерпевшего, но 15 декабря Карасев был уволен из школы. «Установленным за Петуховой наблюдением было выяснено, сообщалось далее в докладе, что она находится в сношениях с известными д. п. лицами, крайне неблагонадежными, а, присутствуя в Московск. окр. суде на разбирательстве дела о рабочих беспорядках на фабрике Коншина в Серпухове, она виделась со многими из лиц, принадлежащих к социал-демократии здешней столицы».

При классах на фабрике Тиль состоят учительницами еще: К. И. Помелова (сведения о ней был сообщены д. п. 4-VII—97 г.(5); Ю. Н. Сиротинина («хорошая знакомая негласноподнадзорных И. Н. Сахарова и М. П. Матерно»), а старшими преподавателями фабричной школы у Тиль являются близкие люди Тулупова—З. Д. и В. Д. Завалишины, а также Н. В. Касаткин, «который распространяет слухи, что директор взломал замок в библиотеке Пречистенских классов и что инспектор отобрал у рабочего листок, предварительно научив его написать на нем всякий вздор,—но, говорит Касаткин, пока, стоя на почве устава, можно еще бороться с «этими жуликами» (6).

«Описанный случай и обстоятельства, его сопровождавшие, невольно заставляют обратить внимание на образовательную деятельность Русск. технич. общества среди рабочего населения... По уставу, утвержденному в 1866 г., Р. Т. обществу предоставлено право заботиться о распространении технического образования с целью содействовать отечественной промышленности; однако,

Московское отделение общества воспользовалось этим правом в самое последнее время,—как-раз в момент оживления социал-демократических стремлений в русской интеллигенции и связанного с этим рабочего движения. Достойно внимания и то обстоятельство, что действительное обучение в школах и классах, открытых за последнее время постоянной комиссией по техническому образованию, носит преимущественно образовательный характер; в 4-м классе, например, преподаются: арифметика, русская история, зоология, ботаника, физика и допускается слушание одного какого-нибудь из перечисленных предметов, независимо от прохождения всего курса их, что, разумеется, не дает основательных, систематических знаний и содействует лишь выработке недовольных элементов, из коих люди крайнего направления воспитывают так называемых «политических борцов».

Рассматривая устав (составленный в развитие высочайше утвержденного в 25 день мая 1882 г. мнения государственного совета) училищ Р. Т. общества, доклад констатировал, что в отношении их учебному ведомству предоставляется лишь некоторое право формального контроля, который совершенно не достигает цели. Благодаря этому, «таким лицам, как, например, Наталье Гольцевой, в выдаче свидетельства которой на право содержания частного учебного заведения было д. п. отказано, удается встать во главе классов для рабочих, где вредное влияние руководителей может проявиться в большей степени, чем в любой школе для малолетних».

В виду отсутствия «действительного контроля», жаловалось далее охр. о., «открытие Р. Т. обществом таких учреждений, как Пречистенские классы для рабочих или школа при фабрике Гюбнера, было так обставлено, что административным органам пришлось узнать об этом только из газетного сообщения».

Особенно возмущалось охр. о. параграфом 20 устава, предоставлявшим председателю постоянной комиссии право «допускать инспекторов и преподавателей школ к отправлению их обязанностей в виде опыта, до утверждения их». Благодаря этому, говорилось в докладе, «лицо, явно неблагонадежное в политическом отношении, может безвозбранно некоторое, иногда довольно продолжительное, время преподавать и оказывать, пользуясь этим, дурное влияние на своих учеников... Возможны даже случаи, когда официальной учительницей в классах значится одна, а с согласия последней вместо нее ходит на занятия с рабочими другая, нередко член «Рабочего Союза», раздающий слушателям из рабочих для чтения на дому романы в роде «Спартак» и другие легальные издания, годные для нелегальных целей».

Указывая на пример воскресной школы при Прохоровской фабрике, где учительствовал «всякий, кто хотел и как хотел», доклад привел затем сведения, несомненно агентурные, о Пречистенских классах: «преподаватели—все больше курсистки, занимаются с ка-

ждым отделением по две учительницы, по череду, один день—одна, другой—другая. В четверг (18-XII) с нами занималась какая-то учительница из Смоленска, говорившая, что крестьяне до реформы жили гораздо лучше и что крестьянам насулили много, да мало дали, но они тогда не понимали, что такое «свобода». По поводу французских избирательств на пост президента она сказала, что там устроено лучше нашего, потому что слушаются голоса всех партий, в том числе и партии рабочих, и каждый может подать свой голос за кого хочет».

«Уроки в таком роде,—продолжал доклад,—при настоящем положении дела—явление заурядное, да и возможно ли ожидать от учительницы-курсистки, только что вернувшейся с лекции по русской истории на «коллективных курсах»,—лекции, прочитанной ей в духе Павла Милюкова (высланного из Москвы), требовать, чтобы она, читая в свою очередь рабочим, говорила не согласно с тем, что только-что вычитала?».

«А между тем опыт говорит, что в большинстве случаев лицами, предлагающими свой «безвозмездный труд» на пользу народного просвещения, являются представители молодежи, далеко еще не закончившие своего собственного научного или педагогического образования. Правда, лица, допускаемые к занятиям с рабочими, имеют те или иные установленные свидетельства об известном образовательном цензе, но в данном случае это является совершенно недостаточным: право на обучение малолетних и право занятия с рабочими-подростками и взрослыми—два дела совершенно неодинаковых»...

Затем в докладе следовало несколько рассуждений дидактического характера. «Принимая во внимание указание практики и те положения, что всякие учреждения, устраиваемые с целью перевоспитания народных масс, должны быть ограждены от проходящих «веяний времени»; что обучение в них должно вестись в строго правительственном направлении; что те из преподавателей и преподавательниц, которые годны еще для воспитания подростков, далеко не все могут быть допускаемы к занятиям со взрослыми рабочими, присутствие которых, по свидетельству некоторых лекторов, «поднимает настроение чтеца» и способствует в нем развитию духа политиканства, представлялось бы крайне желательным, чтобы дело народного просвещения в Москве, изобилующей рабочим населением, находилось бы исключительно в руках лиц, политическая и нравственная благонадежность которых выше всяких подозрений».

Как же этого достигнуть? Доклад намечал ряд мероприятий: пересмотр устава училищ Р. Т. общества и применение ко всем образовательным учреждениям, имеющим дело со взрослыми рабочими, «требований, изложенных в отношении д. п. от 10-II—1897 г., за № 1629, согласно коим в качестве лекторов на народ-

ных чтениях должны быть допускаемы только «или состоящие на государственной службе преподаватели правительственных учебных заведений, или священнослужители православного вероисповедания».

Доклад заканчивался изложением государственных соображений высшего порядка. «Озабочиваясь развитием отечественной промышленности, правительство решило привлечь общество к делу распространения технических знаний и создало такое законоположение и устав, которыми, взамен желаемого материального участия общественной инициативы, последней было предоставлено широкое поле независимой деятельности...

«Между тем рост социал-демократических идей в последнее время породил в сознании известных слоев общества убеждение, что под интересами промышленности надо понимать, главным образом, интересы рабочих, и известная часть русской интеллигенции быстро вспомнила о благоприятности для нее некоторых существующих узаконений и, приняв личину радетелей отечественной промышленности, не замедлила вступить в ряды членов, под флагом которых новые соревнователи, пользуясь царящим недоразумением, начали проводить в жизнь свои действительные, затаенные намерения.

«Нынешнее состояние русской промышленности, казалось бы, не таково, чтобы являлась необходимость в общественном содействии ей. Поэтому правительственная власть в полном праве всецело воспользоваться своими прерогативами в деле образования рабочего класса и, не предоставляя никому никаких особых льгот в области публичного права, могла бы взять управление образовательными учреждениями исключительно в свои руки, а общественной инициативе предоставить лишь участие в этом деле материальными средствами, хотя бы в виде денежных пособий на открытие школ»...

Так закончился «урок истории» скромной учительницы вечерних классов при фабрике Тиль.

А вопрос, который рабочий Карасев «загнул» Петуховой, получил неожиданное разрешение и в совершенно иной плоскости, вызвав откровенное заявление власти о своем «desiderata»: общество доставляет деньги, «начальство» хозяйничает, а учат «состоящие на государственной службе или священно-служители».

Но, как мы видели, чиновники и попы решительно никакого внимания делу народного просвещения не оказывали.

Кто горел желанием безвозмездно учить,—тем нельзя было, а кому это позволялось,—те этим делом не интересовались.

Кто же в таком случае стал бы работать «на ниве народной»? Никто?

Ответ ясен: именно это и требовалось властвовавшей бюрократии.

У нее были свои «действительные, затаенные намерения»...

Я не помню, какие последствия имел вышеприведенный доклад, но зловредной деятельности Русского технического общества по распространению народного образования положен был предел, и когда Московское отделение его пожелало в XI—98 г. открыть училище при Московском металлическом заводе, Трепов на соответствующий запрос попечителя Московск. учебн. округа П. А. Некрасова ответил: в настоящее время возбужден вопрос о желательности некоторых изменений в уставе училищ Русского технического общества; «недостатками названного устава об'ясняется особенный наплыв лиц, скомпрометированных в политическом отношении, замечаемый в преподавательском персонале образовательных учреждений вышеупомянутого общества. Слабые стороны устава были указаны еще предместником вашим, тайным советником Боголеповым, в докладной записке, поданной им московскому генерал-губернатору». В заключение московский обер-полицеймейстер заявил, что «с удовлетворением ходатайства об открытии училища желательно повременить».

Читая доклад о Р. Т. обществе, нетрудно заметить, что из мешка охранных инсинуаций торчало провокаторское «шило»—и не одно, а несколько, во всяком случае—два.

В истории Петуховой Зубатов был очень хорошо осведомлен: он положительно знал, что она вела революционную пропаганду, знал это потому, что в числе пропагандируемых были его агенты, и не Карасев, а уже знакомые нам—Поддевкин и Емелин. Первый из них, «Тулупчик», как ласкательно называл Поддевкина Зубатов, в то время служил на фабрике Шредера, дружил с «сознательным» рабочим Григорьевым и «кружковыми» рабочими Чепакиным, Холоповым, Горичевым и Глебкиным (который дал ему бр. «Хитрая Механика»); посещая воскресные классы, он познакомился с учительницей А. Помеловой, а потом и с ее подругой—Петуховой, на которых и стал доносить.

18-VIII—98 г. Поддевкин сообщил Зубатову: Помелова, летом жившая на даче в Одинцове, приглашала к себе рабочих на собеседования, а Петухова дала ему адрес для получения книжек: «Солянка, дом Веденеева, кв. акушерки Неймарк, спросить Френкина» [1]. 1-X «Тулупчик» донес, что он вместе с товарищем Трофимовым виделся у Петуховой с двумя студентами, из которых один был брюнет, а другой, называвшийся «Алексеем Ивановичем»,—блондин; интеллигенты эти толковали о рабочем вопросе, обещали давать литературу и деньги и брались, в случае стачки, изготовить прокламации; Петухова же все время твердила о необходимости кассы. На собеседовании этом было решено образовать кружки по 10 человек, представители которых будут заведывать

[1] Это относилось к Н. Ф. Френкелю.

сборами (3% заработка); сношения с интеллигентами должен поддерживать общий кассир. 4-X Поддевкин снова был у Петуховой вместе с Григорьевым и Байковым; на этот раз о необходимости кассы и союза проповедывала другая учительница «Анна Васильевна» [1]. Членами организации согласились быть еще: Г. Фрейман, Соболев, Беляков, Козлов, Мартынов и Трофимов...

Емелина Зубатов поместил учеником в Пречистенские классы для рабочих, где его начала пропагандировать преподавательница «Анна Сергеевна» (Карасева), в чем ей помогала другая учительница «Мария Федоровна» (Щеглова). Карасева дала Емелину книжку «Англичане» Водовозова и по прочтении предложила ему ответить на вопросы по поводу прочитанного,—между прочим, о жизни английских рабочих, их заработной плате, союзах и правах.

Емелин же доставил подробные сведения об истории с Петуховой, к которой он потом стал ходить на квартиру, где ему и другим рабочим она, Карасева и «Мария Александровна» (Клевщинская) читали и поясняли книги «История одного крестьянина» и «Движение бельгийских рабочих». Собирались и на квартире А. Помеловой, у которой Клевщинская читала рабочим книжку Беллами «Через сто лет»...

Так «легальные возможности» служили нелегальным целям...

А «легальным целям» (охраны) помогали нелегальные возможности.

ПРЕЧИСТЕНСКИЕ КЛАССЫ.

В письме, перлюстрированном д. п., Николай Горшков писал 31-X—97 г. из Москвы в Елец М. М. Герасимову, между прочим, следующее: «на Остоженке открылись курсы для рабочих... Ф. И. и М. Ф. приняли участие»...

Как мы видели, в этих курсах приняли «участие» и зубатовские сотрудники; поэтому охр. о. было нетрудно разгадать инициалы, и оно в ответе на запрос относительно «курсов» донесло, что Фелицата Иванова Коренева и Мария Федорова Щеглова состоят учительницами Пречистенских классов и членами кружка лиц, задающихся достижением нелегальных целей на легальной почве; в этот кружок входят Любовь Анучина и др. лица. Всего преподающих в классах 49 человек, из которых 13 лиц политически неблагонадежных.

Годом позже охр. о. снова подняло вопрос о Пречистенских классах. Поводом послужил запрос д. п. о школе, устроенной в Москве портнихой Ламоновой (Каютовой) для учениц своей модной мастерской; в этой школе учительницами состояли А. С. Карасева и Э. Гамбургер, обе хорошо известные охр. о.

[1] А. С. Карасева.

Но Карасева, уже состоявшая под негл. н. п., оказалась к тому же и в числе преподавательниц Пречистенских классов. Зубатов воспользовался случаем, чтобы написать слезницу, приправленную каплями саркастического яда. Как усматривается из списка, полученного от директора народн. училищ Московск. губ., доносило охр. о., в вечерних и воскресных школах Пречистенского района состояло 64 человека преподающих, которые были утверждены «на основании отзывов тех учреждений, где они состоят на службе». В отношении Анны Карасевой «благоприятным в этом случае обстоятельством послужило, вероятно, мнение портнихи Ламановой»...

«Из рассмотрения того же списка явствует,—сообщалось затем в донесении,—что 38 преподавателей и преподавательниц Пречистенских классов учительствуют в них пока без утверждения (параграф 20 устава училищ имп. Р. Т. О.), хотя некоторые, как, например, известные д. п. Ф. И. Коренева, Н. Н. Малышев, Т. И. Полнер и М. В. Тихомиров, допущены к занятиям с рабочими еще в октябре 1897 г., надо полагать, в качестве «испытуемых».

Насколько велик в преподавательском персонале Пречистенских курсов процент лиц сомнительной политической благонадежности, д. п. было сообщено отношениями от 20 и 21 января с.г... «В наступившем учебном году состав этот пополнился еще такими учительницами, как А. Н. Одноблюдова, состоящая под секретным наблюдением, Е. И. Миролюбова—член энергично действующего кружка нижегородцев, С. Н. Луначарская — близкая знакомая жены эмигранта А. А. Соскис (ур. Иогансон) и М. С. Карасева—невеста студента Дондарова, привлеченного к делу о пропаганде среди рабочих. Достойно внимания также, что из 64 лиц, упоминаемых в прилагаемом у сего списке, относительно 24 в Московск. о. о. имеются более или менее неблагоприятные сведения»...

Опасения, высказанные в сообщении от 6-I с. г., говорится далее, «ныне блестяще подтвердились на практике, давшей нижеследующие факты». Сославшись на примеры деятельности Петуховой и Помеловой (которые были изложены выше), донесение привело некоторые данные, установленные дознанием по делу о Московском «Союзе борьбы за о. р. к.». Так, преподавательница Пречистенских классов М. А. Клевщинская «под предлогом внеклассовых занятий арифметикой», свела рабочих, обучавшихся в классах, Ивана Кузьмина и Алексея Сугробова с главными деятелями «Союза», техниками Ксенофонтом Ситниным и Алексеем Любимовым, которые уговорили их впоследствии устроить конспиративную квартиру (в доме Челищева, на Остоженке) для свиданий и пропаганды. Другая учительница тех же классов А. Н. Варыпаева, арестованная по тому же «Союзу» за транспортировку нелегальных изданий из Минска в Москву, рекомендовала своему

кружку рабочего Василия Григорьева Кряжева. Третья учительница Пречистенских классов А. С. Карасева познакомила уцелевшего от мартовской ликвидации рабочего Сугробова с князем Георгием Кугушевым, который через него завел связи среди рабочих фабрик Бутикова и Флетчера и начал раздавать им запрещенные книжки, пока не подвергся 14 июля задержанию в самый момент пропаганды...

Не успело охр. о. управиться с Пречистенскими классами, как в том же доме Грязнова, на Остоженке, возникло новое культурническое предприятие: дочь пот. поч. гр. А. Н. Баранова, имевшая звание домашней учительницы, основала детскую начальную школу, а затем учредила при ней воскресные классы для взрослых женщин; в I—99 г. эта школа имела уже до 150 учениц, преимущественно работниц. Сама содержательница и попечительница школы жила за границей, а фактически воскресными классами заведывали «жена негласноподнадзорного» Н. А. Гольцева и С. А. Левицкий, руководившие преподаванием и в Пречистенских классах. В числе преподавательниц в женской воскресной школе с самого начала оказалось несколько учительниц «сомнительной политической благонадежности»: А. Н. Попова, А. М. Зензинова и Н. Н. Сиротинина.

Придирки администрации возымели некоторое действие: койкого учебное начальство не допустило к преподаванию в Пречистенских классах. Так, Ф. Коренева писала 17-III—99 г. своей сестре Инне в Лиль: «Мне нельзя заниматься в О[стоженской] школе. Я не утверждена учительницей. Причина, конечно, неизвестна... Гольцева вчера мне сказала: «вы слишком горячо принялись за дело»... Дело не во мне, не в М. Ф. [1]; дело глубже— в школе, она нежелательна».

Тем не менее Пречистенские классы для рабочих продолжали существовать, и в XII—99 г. охр. о. имело снова удовольствие представить д. п. список преподававших в классах, при чем из 90 лиц относительно 34 оказались «неблагоприятные в политическом отношении сведения» (в числе таковых были: Н. Дмитриева, О. Немчинова, Л. Новодворская, О. Новодворская, Гибсон, Бахтина, Хмырова и др.).

По правде говоря, охр. о. с таким же основанием могло отнести к числу лиц «сомнительной политической благонадежности» и большинство остальных преподавателей, так как все они руководились одним желанием: нести просвещение в массы, видя в этом средство борьбы с удушающим режимом самодержавия.

Разница была лишь в том, что одни из просветителей уже попали на «учет» охраны, а других ожидало это в ближайшем будущем.

[1] Щеглова.

А «благонадежны» (да и то условно) были только «ученики»... зубатовских классов: Поддевкины и Емелины.

КНИЖНЫЙ СКЛАД МУРИНОВЫХ.

90 преподавателей в одних Пречистенских классах! Уже одна эта цифра красноречиво говорила о силе культурнического движения, охватившего в то время передовые элементы московской интеллигенции. И если движение это не было очень глубоким, устремляясь по линии наименьшего сопротивления, то развернулось оно на очень широком фронте.

Царское правительство боялось грамотности и опасалось книги, даже прошедшей цензурное чистилище; по-своему оно было право: печатный станок—орудие, способное нанести смертельный удар всякому деспотизму. Понимала это и русская общественность, почему лучшие силы ее и направились в эту область.

Памятуя живые примеры недалекого прошлого, царское правительство, заметив новый под'ем просветительной волны, поспешило выступить с оборонительными мерами, начав, как всегда, с секретного циркуляра: 10-I—94 г. министр вн. д. потребовал от местной администрации собрания сведений о народных читальнях, библиотеках и чтениях—о том, кто их открыл, кто ими заведует, под чьим контролем и насколько целесообразно осуществляется последний.

Когда упоминавшийся выше Звягинцев (был представителем елецкого землячества в союзном совете московского студенчества и организатором особой «деревенской группы») пытался открыть книжный склад в гор. Ельце, то ему это не разрешили. В письме от 28-X—93 г. к Звягинцеву в Петербург по поводу затруднений, которые встретило его намерение, сообщался остроумный совет, который дал Вахтеров: распространять «для обхода губернаторов» народные книги через офеней.

Но в столице, хотя и с трудом, удавалось организовать книжное дело. Одним из первых за это взялся В. Д. Бонч-Бруевич. Вот что он сам рассказывал в письме своем от 24-III—94 г. к известной М. К. Цебриковой, жившей в Смоленске. «Желая создать новое общество распространения полезных книг, (сначала) потерпел фиаско. Наконец, удалось встать во главе издательства «Народной Библиотеки» П. К. Прянишникова... Раньше заведывал Маракуев..., имевший в виду корыстные расчеты... Прянишников, ничего не знающий в литературе, был козлом отпущения... Сборник избранных произведений русской поэзии подвигался вперед; тормозит цензура, она мне кое-что вычеркнула, но сравнительно так мало, что я своим глазам не верю, когда вижу массу в страшно либеральном духе. Впрочем, пускался на разные хитрости (введение вперемешку фетовских стихотворений), которые, конечно,

сию же минуту и выкинуты все, и т. п. фокусы, лишь бы одурачить цензора, и это мне частенько удавалось блистательно».

За издание народных книг (так называемого «тенденциозного» содержания) взялись толстовцы Горбунов и Дунаев (фирма «Посреднию») и др. лица. Сбытом и распространением этой литературы занялась, главным образом, учащая и учащаяся молодежь. Особенно старались Величкины и их кружок, из которого вырос первый состав Московского рабочего союза. Дело шло бойко. Как видно из письма (приведенного в гл. XIV, I ч.) Величкина, за два месяца (1895 г.) ему удалось сбыть более тысячи экземпляров. Культуртрегерская деятельность москвичей закидывалась и в провинцию. Некий С. Ч—ый писал, например, 29-VIII—95 г. Н. А. Флерову из Твери, что там образовался «строго конспиративный и безусловно идейный кружок» для рассылки библиотек (7).

Особенно успешно развил свою деятельность книжный склад Муриновой и, естественно, на него было обращено неблагосклонное внимание охр. о., которое не замедлило перейти к агрессивным действиям. 3-V—95 г. В. Я. Муринов и жена его были обысканы; сам он был задержан—по результатам обыска, хотя «поличное» было очень незначительно: гектографированный трактат о пересмотре законов о печати, рукопись «Спартак» (впоследствии появилась в печати), письма эмигранта Л. Нагеля, визитная карточка И. Франчески... Это было не то, что требовалось для охранки, и ей пришлось прибегнуть к искусственным средствам, чтобы изобразить дело пострашнее. 20-VI пристав 2 уч. Арбатской ч., в районе которого находилась книготорговля Муриновой, донес за № 165 охр. о. (согласно его инспирациям): «Мною было замечено вечером посещение склада учащейся молодежью и другими какими-то подозрительными лицами, пробиравшимися украдкой в книжный магазин Муриновой, а посему открытие означенного склада, как преследующего какие-то посторонние цели, по моему мнению, являлось бы нежелательным».

Но и «подозрительных» лиц оказалось недостаточно для того, чтобы добиться окончательного закрытия книжного склада, преследовавшего какие-то «посторонние цели». Свою попытку охр. о. возобновило еще раз в I—99 г., когда оно представило ген.-губернатору рапорт, собравши в нем все прегрешения Муриновой, которая, чувствуя себя окончательно скомпрометированной в глазах строгого начальства, решила передать свое дело в другие руки; но преемником был избран тоже человек «неблагонадежный», и ядовитое острие охранного пера было направлено также и против него.

Ходатайствующий о разрешении приобрести и содержать под своей ответственностью книжный склад, докладывало охр. о., А. П. Чарушников принадлежал к числу деятельных членов общества «Земля и Воля», распространял революционные издания и был

знаком с казненным впоследствии Соловьевым; адрес его был найден в записях Г. Лопатина.

«Чарушников, как и многие из его товарищей, оставив путь явной борьбы с правительством и затая в душе свои социалистические идеалы, постарался примениться к обстоятельствам, добившись частной службой определенного общественного положения. Последнее, однако, не мешает Чарушникову до настоящего времени поддерживать связи с политически неблагонадежными лицами. В числе таковых были состоящие и состоявшие под негласным н. п.: В. А. Ионов, А. М. Корепанов, А. М. Корепанова, М. Д. Фокин, а также известные д. п. П. А. Мадатов и Л. Н. Раевский. Ближайшие родственники Чарушникова также были «известны своим антиправительственным направлением», а именно: брат И. П. Чарушников, сестра К. П. Чарушникова, племянница О. М. Шулятикова принадлежали к числу негласноподнадзорных; сестру последней Анну сослали в В. С., племянник В. М. Шулятиков был прикосновенен к делу Лахтинской типографии и знаком В. П. Махновцу, скрывшемуся за границу. Кроме того, Чарушников был замечен в сношениях с М. Ф. Селюк, «являющейся посредницей и справочным бюро для фракции социалистов-революционеров».

Что касается супругов Муриновых, состоящих под негласным н. п., то о них «имеются самые неблагоприятные в политическом отношении сведения». В 1895 г. в квартире Муриновых собирались террористы И. Распутин и М. Егоров, обсуждавшие с другими членами своего кружка вопрос о водворении в Россию из-за границы нелегальной литературы. Хотя В. Муринов по этому делу был удален из Москвы, но «квартира жены его продолжала служить целям революционных конспираций», и в следующем же 1896 году в ней был помещен, для передачи в московские кружки, транспорт народовольческих изданий, доставленный из Петербурга Г. Тулуповым, а позже по тому же адресу являлась с революционным поручением Е. Прейс, подлежащая, как и Тулупов, ссылке в В. С.

«В самом книгопродавческом и, главным образом, издательском деле Муриновых всегда принимали фактическое участие лица, известные своим революционным направлением»: З. Н. Сибилева, М. С. Шидловская, И. М. Чупров, В. В. Татаринов, Л. Ф. Селюк, Е. И. Власова, И. П. Боголепов и А. Я. Смелова.

«Независимо сего, квартиру и склад Муриновых в разное время посещали, иногда по нескольку раз, лица, безусловно скомпрометированные в политическом отношении»: И. Франчески, И. Блинов, В. Бонч-Бруевич, А. Ю. Фейт, В. И. Чарнолусский, П. В. Балашев, А. Г. Кугушева, Х. Г. Мунблит, М. И. Водовозова, Н. Сорокин, И. Дубровинский, Г. Г. Кугушев, Н. К. Муравьев, А. Иогансон, Б. И. Сыромятников, Д. К. Лысогорский, А. Я. Минаев...

«В самое последнее время, по переходе книжного склада Муриновой в новое помещение (д. Кирикова, по Тверскому б.), магазин

этот посетили»: Н. И. Гусев, «организатор деятельного социалистического кружка», А. И. Ярошевич, «хорошо известный особому отделу», и В. М. Засс, «замеченный в сношениях с политически неблагонадежными лицами.

«Кроме того, известно, что в переходящем под новую фирму магазине Муриновой намерены принять ближайшее участие: Татаринов, Боголепов, Фовицкий, Власова, Немчинова, Смелова и В. Я. Яковлев, коему имеет быть поручена редакционная часть.

«В настоящее время среди известной части интеллигентной молодежи наблюдается особое оживление антиправительственной деятельности; между прочим, решено, как о том сообщалось эмигранту Теплову, попробовать пропаганду социально-революционных идей на легальной почве путем устройства об'единительных сообществ с разрешения правительства...

«На ряду с этим движением замечается чрезвычайное умножение тенденциозных произведений народной литературы, проводящих в разных формах либеральные и социалистические идеи. Не представляя, будучи отдельно взятыми, для общей цензуры ничего *явно* преступного, книги и брошюры этого сорта, распространяемые массами по удешевленным ценам, а иногда и бесплатно, являются сильнейшим орудием в руках неблагонадежных лиц и оказывают глубокое антигосударственное влияние на народ. Внушая доверие своей внешней дозволенностью, тенденциозные брошюрки охотно принимаются рабочими от пропагандистов, которые, пользуясь этим, под предлогом соответствующих пояснений, путем личных бесед и вопросов по методу «наведения», развивают в наивных читателях недовольство своим положением, внушают мысли о необходимости борьбы за его улучшение, по примеру западно европейских товарищей, посредством организации в союзы, с требованием политической свободы и т. д. Некоторые из подобных изданий в этом отношении стали классическими и почти всегда находятся у распропагандированных рабочих при производстве у них обысков,—таковы, например: «Труд и капитал», Б. Свидерского; «Профессональные рабочие союзы», Магайма; «Лассаль», Классена; «Англичане» и «Немцы», Водовозова; «Через сто лет», Беллами; «Старый порядок и революция», Токвиля; «Восьмичасовой рабочий день», Вэбба; «Вильгельм Оранский», Быкова; «Георг Вашингтон», В. Яковлева (две последних книжки изданы Муриновой) и «Спартак»...

«Поставщиками литературных произведений вышеописанного типа являются несколько столичных книжных фирм: в Петербурге—А. М. Калмыковой, Поповой, Ф. Павленкова и др., а в Москве—А. Муриновой, явившейся образцом этого рода деятельности для других; «Посредника», издающего сочинения в духе учений известного писателя гр. Л. Толстого; Т-ва Сытина, по отделению народно-школьных библиотек; В. Маракуева, Прянишникова, Конусова, Клюкина, «Труд» и Тулупова...

«Коммерческая сторона дела в таких предприятиях, как Муриновой и Тулупова, имеет совершенно второстепенное значение, а на первом плане стоит задача снабжения подходящим литературным материалом лиц и кружков, эксплоатирующих благую идею просвещения народных масс в пользу своих затаенных и преступных намерений. В скромной форме официальных об'явлений «специальностью» своей фирмы Муриновой и Сытина выставляют «*подбор* изданий для книжных складов, организуемых различными учреждениями и лицами» («Рус. Вед.» № 296, 1898 г.) и «*составление* библиотек для народного чтения как из книг, одобренных для того мин-ом нар. просв-ния, так и вообще из книг, имеющихся в продаже» («Каталог», составленный Н. Тулуповым).

«Характер «подбора» и составления складов и библиотек из книг и *неодобренных* мин-ом нар. просв-ния, для частных лиц, снабжающих население материалом для чтения, вполне определяется уже тем, что это дело выполняют такие работники, как Татаринов, Власова, Яковлев, Смелова, Н. Тулупов или В. П. Вахтеров. Исполнение этой задачи облегчается еще благодаря тому, что заказчиками являются такие лица, как, например: «негласноподнадзорные: А. Н. Терентьев, И. В. Миронов и Н. Н. Веселовзоров, высланный из Москвы В. А. Щерба, известный «марксист» Е. М. Воронов и др., пользовавшиеся услугами склада «торгового дома» И. Тулупова.

«Насколько деятельность таких просветителей бывает успешна в провинции, можно усмотреть хотя бы из переписки о книжном складе, устроенном, при исключительном содействии Муриновой, в рабочем центре—г. Иваново-Вознесенске, где пропаганда, которую вели инициаторы этого дела—негласноподнадзорная Ольга Афанасьева Варенцова, б. ст. Московск. ун. Сергей Павлов Шестернин и другие—вызвала со стороны местной жандармской власти особое расследование. Известно также, что склад Муриновой состоял постоянным комиссионером Московского и С.-Петербургского комитетов грамотности, вредная деятельность которых по всей России заставила правительство реорганизовать их и передать в министерство народного просвещения.

«Вышеизложенные факты свидетельствуют, что деятельность складов Муриновой и других, не только продающих, но также издающих пригодные для их целей сочинения, осуществлялась и осуществляется преимущественно лицами, политически неблагонадежными, а влияние, оказываемое ею на массы, было и, в виду оживившихся в молодежи пропагаторских стремлений, угрожает быть впредь еще более вредным во всех отношениях.

«Между тем, еще циркуляром г. министра вн. дел от 9-го января 1884 г., за № 63, внимание административных властей было обращено на то, что, как показывает опыт, публичные библиотеки и читальни являются нередко в руках злонамеренных людей опасным орудием преступной пропаганды, распространяя *путем под-*

бора тенденциозных сочинений в среде читающей публики «вредные учения»; вместе с тем в циркуляре указывалось на необходимость разрешать открытие библиотек и читален только «в случае несомненного убеждения в совершенной политической благонадежности» ходатайствующих о том лиц. Требования означенного циркуляра, по смыслу оного, еще более применимы к тем издательским и книгопродавщическим фирмам, поставляющим литературу для народа и самообразования, которые своей «специальностью» имеют распространение *тенденциозно* подобранных библиотек и книжных складов, при чем последние, находясь в распоряжении неответственных лиц, остаются без всякого контроля и вследствие того развивают деятельность чисто *политического* свойства.

«В виду всего вышесказанного, дабы прекратить все усиливающееся пагубное влияние тенденциозной литературы на массы народонаселения, казалось бы весьма-необходимым ныне же: 1) усилить инспекторский, по делам печати, надзор за издательскими и книгопродавческими предприятиями в отношении характера их деятельности; 2) усугубить наблюдение за тем, чтобы книжные фирмы, поставляющие литературу народную и для самообразования, являлись бы предприятиями чисто коммерческими, *промыслами* на принципах «купли и продажи», и не присваивали бы себе обязанностей, свойственных *учреждениям*, культурные задачи коих в каждом отдельном случае санкционируются правительственною властью; 3) обязать ответственных лиц книжных складов означенной категории допускать к занятиям служащих, заведывающих магазинами, сотрудников по редакционной части, приказчиков и конторщиков—только с разрешения администрации и 4) ходатайство Александра Чарушникова признать неподлежащим удовлетворению, а деятельность книжного склада Алевтины Муриновой вместе с комиссионными отделениями оного—прекратить совершенно»...

Как мы видели, охр. о. донимало своими доносами не только самих Муриновых, но и лиц, имевших с ними деловые сношения; в числе таковых попал и земец И. П. Боголепов, на которого оно обратило внимание в XII—96 г., когда были получены сведения о том, что он принимает непосредственное участие в деятельности склада.

На запрос генерал-губернатора о личности Боголепова охр. о. доложило (в 1—99 г.), что он знаком с Л. Блиновым, С. и В. Рудневыми и А. Иогансоном, а также был в самых близких отношениях с И. Дубровинским и А. Никитиным; из переписки Л. Семеновой и Н. Минятовой усматривалось, что они пользовались услугами и материальной поддержкой Боголепова.

Роль заведующего книжным складом Муриновых была предложена Боголепову, «как человеку, известному своими демократическими убеждениями, обладающему хорошими связями и в политическом отношении не скомпрометированному. Принадлежа в молодости своей к числу народников-социалистов, Боголепов остался, по основным

своим убеждениям, таковым же и до настоящего времени, хотя в практической деятельности он ограничился земской деятельностью, двадцатилетнее участие в которой создало ему репутацию хорошего работника»...

Но за Боголеповым числились и более серьезные проступки, чем долговременная и безупречная работа в земстве; он, оказывается по тому же докладу, «сторонясь от всякого явно нелегального дела, не скрывает, однако, своих настоящих симпатий» и выразил их, например, «участием в обеде, которым 2-II—97 г. радикальная часть московской интеллигенции чествовала Вахтерова, уволенного из инспекторов за политическую неблагонадежность»...

Чуть не главная вина земца с двадцатилетним стажем—участие в обеде, которым чествовали заслуженного инспектора народных училищ!...

А между тем на основании таких пустяковых рапортов людей выбивали из колеи облюбованной ими деятельности—общеполезной и признанной, а предприятия высоко культурного значения безумно преследовались и уничтожались...

«НЕБЛАГОНАДЕЖНЫЙ» ИНСПЕКТОР.

Выше упомянуто, что В. П. Вахтеров был смещен с должности инспектора народных училищ Московской губ. «за неблагонадежность». В чем же таковая выразилась? «Обвинительный акт», составленный охр. о. относительно Вахтерова, содержится в рапорте Трепова, представленном генерал-губернатору в I—98 г.

Прежде всего, «предосудительные» знакомства: Е. А. Коченовская (воспрещено жительство в Москве); В. Е. Ермилов, П. М. Шестаков и Н. А. Рубакин (негласноподнадзорные); М. А. Кабанова, И. В. и Н. В. Тулуповы (известные д. п.) и Э. О. Кислинская, жена Вахтерова, состоящая, как и сестра его Е. П. Урсынович, под негл. н. п.

Затем вспоминаются известные нам факты, касающиеся Звягинцева (совет об «офенях»), Колокольникова (В. «человек хороший») и попустительство относительно Прохоровской школы.

Вахтерову был поставлен в вину и обед, которым его чествовали И. Н. Сахаров («постоянный адвокат стачечников»); К. И. Дмитрюкова («занимается пропагандой на одной из крупных московских фабрик»); А. В. Погожев с женой А. В. Погожевой (устроили воскресную школу), а также «известные своим вредным направлением»: Н. Касаткин, Л. Фелицына, С. Левицкий, Н. Гольцева, И. Боголепов, Тулуповы и др.

Инкриминировался Вахтерову и другой обед, устроенный (13-I—97 г.) адвокатом Д. Н. Доброхотовым, с участием поднадзорных Н. Златовратского, А. Эртеля, Сахарова, Ермилова, на

котором «неблагонадежный» инспектор произнес речь о народном образовании, «призывая к дружной борьбе с препятствиями, воздвигаемыми, будто бы, бюрократией частному почину интеллигенции в деле просвещения народных масс».

Недурно звучит это: «будто бы»!

Потерявши официальное положение, Вахтеров, по тому же докладу, пристроившись в качестве редактора при издательской фирме купца Сытина, «начал способствовать тому, что она специализировалась на распространении народной литературы и, преимущественно, тенденциозного содержания». Когда названная фирма приобрела газету «Русское Слово», Вахтеров, «прикрываясь фиктивным редакторством врача Благова, путем личного фактического участия в этом издании и при сотрудничестве Рубакина и Сахарова, начал постепенно преобразовывать его из органа консервативного в либерально-народнический, который начал все более и более приобретать читателей в рабочей среде.

«Выступая вместе с приятелями своими Н. Тулуповым и В. Ермиловым в Московском обществе грамотности в качестве члена правления, Вахтеров в деятельности оного постоянно являлся сторонником всяких оппозиционных предложений и проводником тенденций бывшего Комитета грамотности, вызвавших передачу последнего в ведение министерства народного просвещения.

«Состоя членом комиссии по техническому образованию при Московском отделении Русского технического общества, Вахтеров является инициатором или защитником предприятий комиссии, которыми, в роде Пречистенских классов для рабочих, пользуются, достигая своих целей, революционеры, и не далее, как в минувшем декабре, благодаря энергичной поддержке Вахтерова, Тулупова и Погожева, техническое общество «с благодарностью» приняло предложение Е. Н. Касторского взять на себя почин в деле организации на фабриках разносной продажи дешевых, но избранных, хороших книг, хлопотать в этом смысле о расширении своих полномочий, войти в соглашение с одной из крупных издательских фирм и т. д...

«На ряду с этим Вахтеров, в компании с Н. Тулуповым, открыл, было, под фирмой брата последнего—Ивана, книжное дело, которое, соединяя в себе удобства частного предприятия с преимуществами официального учреждения — общества грамотности, негласным и исключительным комиссионером коего стал склад Ивана Тулупова,—должно было явиться новым и сильным орудием антиправительственной пропаганды и только благодаря административным мерам зло это было парализовано в самом начале своевременным закрытием названного магазина.

«Помимо всего этого, Вахтеров, с целью осуществления своих радикальных идей, выступает деятелем в целом ряде других просветительных учреждений, давая, например, образцовые уроки в частной

школе фабрикантши Морозовой (в Твери), руководя педагогическими курсами для народных учителей (в Лубнах), заведывая 3-ей народной читальней общества распространения полезных книг, состоя членом учебного отдела общества распространения технических знаний, товарищем председателя педагогического общества и тому под.».

Но это еще не все преступления Вахтерова; оказывается, будучи разведен с первой женой, он «сочетался в Сувалках новым браком с Эмилией Кислинской», и «хотя второй брак признан недействительным», повенчавшиеся продолжают жить вместе...

«Из всего вышесказанного усматривается, что революционные связи Вахтерова не имеют случайного характера, а находятся в полном соответствии с его основными убеждениями и многолетней антиправительственной деятельностью. Как человек пожилой, Вахтеров, разумеется, достаточно опытен и осторожен для того, чтобы взяться за чисто нелегальное дело и быть уличенным в поступках явно преступного характера; но, представляя из себя личность вполне определенного склада, окончательно установившуюся и крайне энергичную, он, в какой бы роли ни выступал, будет лично или через своих сотрудников оказывать самое вредное влияние на течение дел в общественных и частных предприятиях. Пагубность этого влияния усугубляется еще тем, что антиправительственную деятельность лиц этой категории своевременно заметить, констатировать и прекратить обычными способами не всегда представляется возможным»...

Одним словом, Вахтеров представлялся человеком, которому каторги было мало, и охр. о. проявило чрезвычайную гуманность, предложив, в заключение своего рапорта, всего только подчинение его гласному надзору п. вне столиц, столичных губерний и университетских городов....

Думаю, что я не сделал большой ошибки, перечислив с такою подробностью «преступления» Вахтерова, этого несомненно энергичного и стойкого защитника прав рабочих масс на благо просвещения.

Сделал я это в надежде, что за эти «преступления» со временем «спасибо ему скажет сердечное русский народ»!

ПУШКИНСКИЙ ЮБИЛЕЙ.

Чествование памяти великого поэта земли русской... При чем тут революция? И тем не менее...

Охранная помпа работала неустанно, выбрасывая обильную струю доносов, запретов, преследований. Но огонек воскресшей общественности тлел и, как бывает в торфяниках, расползался подземными, незримыми путями, и то здесь, то там показывался неожиданно его розовый язычек.

26-V—99 г. в актовом зале Московского университета, в присутствии ректора Зернова, председателя общества любителей русской словесности Н. И. Стороженко и председателя пушкинской комиссии А. И. Кирпичникова, состоялось торжественное собрание в память А. С. Пушкина. На этом собрании между прочими речами было произнесено приветствие от имени Московского юридического общества председателем его С. А. Муромцевым.

По поводу этого события Трепов доложил московскому генерал-губернатору (3-VI—99 г., за № 9500) следующее: «Ваше императорское высочество изволили слышать, каким тоном было сказано упомянутое приветствие; содержание последнего, в копии у сего представляемое, заслуживает еще большего внимания как по своей крайней тенденциозности, так и резкости намеков. Желая почтить юбилей «великого народного поэта», Муромцев, однако, всю речь свою посвятил характеристике Пушкина, как гражданина, да и то с предвзятой точки зрения; он сказал: «Проникнутый от юности мечтами о просвещенной свободе и законности.., не щадил поэт своих гигантских усилий пробудить современную ему толпу от позорного сна... Борьба, вынесенная Пушкиным, была борьбой личности за независимость и свободное развитие... Празднуя ныне память поэта, мы торжествуем вместе с тем победу, одержанную русскою личностью над рутиною жизни и властной опекой».

«Второй день пушкинских торжеств также был ознаменован речью, вызвавшей справедливое негодование не только среди наиболее трезво-мыслящих органов прессы, но и в большей части интеллигентного общества. 27-го мая в зале Российского благородного собрания состоялось торжественное заседание общества любителей российской словесности, на котором приват-доцент Московского университета В. Е. Якушкин произнес речь, посвященную характеристике общественных взглядов Пушкина, в копии у сего представляемую.

«Названный оратор, совершенно игнорируя поэта, как художника, имел, очевидно, единственной целью доказать, что Пушкин по своим взглядам и связям был единомышленником декабристов,— лучших, по мнению Якушкина, людей своего времени, и не участвовал в их бунте лишь по случайности и что поэт, даже в последний период своей деятельности, после милостей, оказанных ему императором Николаем I-м, остался, в сущности, верен своим прежним убеждениям, не переставая быть вольнодумцем.

«Из вышеизложенного усматривается, что и Муромцев и Якушкин воспользовались юбилейными торжествами, как удобным случаем для публичной пропаганды своих антиправительственных идей.

«Независимо сего политическая благонадежность названных лиц представляется крайне сомнительной. Как Муромцев, так и Якушкин замечены в непосредственных сношениях с крайними элементами студенчества и в постоянном общении с лицами, стоящими под негласным надзором полиции, каковы: Николай Каблуков, Ека-

терина Кускова, супруги Харьковцевы и др. Якушкин является горячим защитником радикальных идей в литературе. Относительно Муромцева известно также, что он, будучи профессором Московского университета, вместе с коллегами В. Гольцевым и М. Ковалевским, руководил студенческими беспорядками, происходившими в 1887 г.».

Далее в черновике рапорта Муромцеву инкриминировались еще два факта проявления им «антиправительственных идей»: в 1884 г. ему не было разрешено издательство журнала «Общественное Обозрение», а в 1889 г. было отклонено его ходатайство о разрешении прочитать лекцию «Общество и личность». Но составитель рапорта чего-то устыдился и включил вместо этого абзаца другой, не менее одиозный: «В *1885* году Муромцев был во главе *редакции* «Юридического Вестника», помещавшейся в его квартире и находившейся в сношениях с Владимиром Бурцевым, *ныне* эмигрировавшим и осужденным в Англии к тюремному заключению за призыв к террору» (Курсив автора).

Прицепив, таким образом, несмотря на 10-летнюю давность и совершенно искусственно, Муромцева к террору, рапорт вменил ему в вину еще одно «антиправительственное» дело: он «принимал участие в комитете грамотности». Кроме того, «в 1890 году Муромцеву, как председателю юридического общества, в виду вредного направления деятельности оного, министерством нар. просв. было сделано предостережение, что в случае допущения к прочтению в заседаниях общества рефератов тенденциозного характера, общество будет закрыто».

Донос заканчивался, конечно, предложением мер обуздания разыгравшейся крамолы: 1) речи, лекции и рефераты, предназначаемые к произнесению в публичных заседаниях различных ученых обществ, подвергать предварительной цензуре со стороны какого-либо органа правительственной власти, 2) пофессора Стороженко, как лицо, не оказавшее достаточного административного такта, устранить от должности председателя; 3) и 4) Муромцеву и Якушкину воспретить жительство в Москве и губернии: первому—на 2 года, второму—на год.

Одновременно попечитель Московского уч. округа решил возбудить ходатайство о реорганизации Московского юридического общества или об окончательном его закрытии.

Просвещенные московские власти тоже почтили по-своему юбилейный день великого народного поэта...

«ЛЕТУЧИЙ УНИВЕРСИТЕТ» И ОБЩЕСТВО ТРЕЗВОСТИ.

Гнали природу в дверь, а она лезла в окно. Осмелевшие «просветители», не ограничиваясь партизанскими вылазками, двинулись стройными рядами против командных высот бюрократии; оторопевшей охране пришлось иметь дело уже не с отдельными «злонамерен-

ными» лицами, а с целыми обществами, наскоро ими организованиыми, и она едва успевала разить их своим бумажным мечом кляуз и доносов.

А просветительная «крамола» таилась за всеми углами.

Много хлопот было с комитетом грамотности, прежде чем его прикрыли: пришлось взять на учет всех членов его, установить их адреса, навести о них справки по делам архива. А членов комитета было 700 и относительно 300 оказались «неблагоприятные сведения».

То же самое пришлось проделать охр. о. с членами общества распространения технических знаний, в связи с так называемым «Летучим университетом». Об этой затее московских культурников охр. о. доносило д. п. 27-X—97 г. следующее:

«Летучий университет», о котором говорится в корреспонденции (перлюстрированной) от 24-IX—96 г. М. И. Гершензона к брату его Абраму, «есть не что иное, как ряд лекций и чтений на темы общественные, которые задумала устроить в крупных провинциальных городах комиссия по организации домашнего чтения, состоящая при учебном отделе общества распространения технических знаний. Первая попытка таких чтений была сделана в Н.-Новгороде П. Н. Милюковым, В. А. Гольцевым и И. Ивановым, успех которых и побудил комиссию сделать такие лекционные поездки периодическими... Весною же 96 г. товарищ председателя вышеупомянутой комиссии А. А. Кизеветтер прочитал в Н.-Новгороде несколько лекций на тему «Русское общество в прошлом столетии»; осенью того же года он повторил эти чтения в г. Пскове. В текущем году А. Кизеветтер читал 11-X в Рязани лекцию: «Проповедник просвещения в русской дореформенной провинции», а некая Мирович устроила там же чтение о Генрихе Ибсене.

«Состав комиссии для организации домашнего чтения и направление ее совершенно не согласуются с целями общества распространения технических знаний, при котором названная комиссия числится. Помимо того, значительное число членов этой комиссии состоит из людей сомнительной политической благонадежности, как, например: В. П. Ижевский, А. А. Мануйлов, Н. А. Каблуков, В. Д. Соколов (состоят под негл. н. п.), В. И. Вернадский, Н. А. Умов и др.

«В настоящее время в состав комиссии вошли новые силы последних выпусков университета, еще более радикального оттенка, каковы: В. М. Шулятиков, В. М. Цебриков, Б. А. Федченко, С. В. Сперанский и др., благодаря которым деятельность комиссии по организации домашнего чтения «может принять еще более вредный, антиправительственный характер»...

Можно добавить, что в комиссии участвовали еще—тоже «известные д. п.»—П. Н. Шарапова, М. Н. Соболев, Ф. Ф. Эрисман, М. Н. Покровский...

Охрану беспокоило не только «домашнее чтение»,—она вооружилась против этого пагубного времяпрепровождения и в читальнях. Едва первое Московское общество трезвости завело в 1897 г. свою первую библиотеку-читальню, как на нее ополчилось охр. о., поспешившее донести о новой затее столичных крамольников.

Проверкой, докладывал Трепов генерал-губернатору, состава служащих в библиотеке-читальне о-ва трезвости, которой пользуется преимущественно рабочий люд, выяснено, что библиотекаршами в ней состоят «известные своей крайней политической неблагонадежностью» А. Я. Семенова, Е. И. Власова и Е. А. Немчинова, из которых, согласно отзывов д-та п., первой не разрешено заниматься педагогической деятельностью, а вторая не была допущена к заведыванию складом народных изданий.

«Такой подбор служебного персонала библиотеки-читальни исклю ительно из лиц явного антиправительственного направления дает основание предполагать, что состоящий в качестве ответственно-заведующего читальней учитель Г. Х. Херсонский допустил в нее таких библиотекарш заведомо и сам является лицом политически неблагонадежным, тем более, что он ранее состоял, как и сестра его М. Х. Свентицкая, под негласным надзором полиции, которому подчинен до сего времени и брат его Н. Х. Херсонский.

«В виду изложенного и принимая во внимание, что, согласно пункта 2-го циркуляра мин. вн. д. от 9-I—1884 г., за № 63, об'явленного также в примечании к статье 175-й устава о цензуре и печати, действию которых подлежат и бесплатные народные читальни, начальствующие лица, разрешающие открытие библиотек и читален, в случае сомнения в политической благонадежности кого-либо из служащих при оных «обязаны собственною властью устранять этих лиц из библиотек и кабинетов»,—я имею честь почтительнейше ходатайствовать перед вашим императорским высочеством об устранении Г. Херсонского, Смеловой, Власовой и Немчиновой от занятий в библиотеке-читальне общества трезвости».

Охрана, конечно, понимала, что, лишая библиотеку всего состава безвозмездных служащих, она обрекала ее на бездействие... Потому-то она и ходатайствовала об этой мере.

«Трезво-мыслящие» пьяницы были гораздо ближе начальническому сердцу, чем трезвенники, опьяненные только «бессмысленными мечтаньями».

«КОМПЛОТ» С РАЗРЕШЕНИЯ НАЧАЛЬСТВА.

В конце-концов Московск. охр. о. открыло целый заговор неблагонамеренной интеллигенции. Об этом событии Трепов доложил ген.-губернатору очень пространно:

«Я имел честь почтительнейше донести вашему императорскому высочеству, что, помимо обычных форм антиправительственной деятельности, радикальная часть интеллигенции решила «испробовать пропаганду социально-революционных идей на легальной почве» путем устройства об'единительных сообществ с разрешения правительства...

«Этот тактический прием нашел немало сторонников в соответствующей сфере, и даже преемники народовольцев—социалисты-революционеры, признающие, главным образом, средством борьбы террор, в своей программной брошюре «Наши задачи» высказались за участие «во всякого рода культурных начинаниях, не идущих в разрез с принципами партии и облегчающих ее революционную деятельность (ученые и образовательные общества для культурной и рабочей массы, народные библиотеки и т. д.).

«Хорошо известные примеры из жизни таких предприятий последнего времени, как Пречистенские классы для рабочих, склады Муриновой, Тулупова и Байкова, читальня общества трезвости, общество для содействия к устройству общеобразовательных народных развлечений и пр., как нельзя лучше доказывают, что неблагонадежные элементы не ограничились одними теоретическими пожеланиями, а попробовали, не стесняясь наличностью строгого административного контроля, осуществить практически свои затаенные намерения и постарались собрать свои разрозненные силы под фирмой союза и даже «с разрешения начальства».

«Как известно, в конце 1899 г. возникло «Московское общество взаимопомощи лиц интеллигентных профессий», поставившее себе официально задачей «оказывать помощь нуждающимся членам и их семействам», «организовать разные учреждения, клонящиеся к предупреждению нужды» и «способствовать улучшению культурных условий существования интеллигентного работника». Инициатива названного общества принадлежала той части московской интеллигенции, которая горьким опытом последних лет убедилась, что все чисто революционные начинания ее терпели неудачу и что полное об'единение ее сил на нелегальной почве едва ли возможно.

«Дабы образовать, так или иначе, прочный и сильный комплот, радикалы, прикрываясь идеей взаимопомощи, привлекли к содействию некоторых близоруких либералов, политическая благонадежность коих не могла бы внушать подозрений, а затем, оформив при их помощи дело и собравшись в достаточном числе, сначала устранили на чрезвычайном общем собрании 16-го марта прошлого года учредительский декорум и ввели в совет общества своих сторонников, а затем к концу года окончательно завладели его административными органами.

«Таким образом, к январю сего года совет общества составили: Е. А. Немчинова и П. В. Луначарский, привлеченные ныне к дознанию по делу Московского комитета Рос. с.-д. р. партии;

Н. Ф. Петлин, причастный к деятельности союза соц.-революционеров; заведомые социаль-демократы Б. В. Беккер (не допущен к преподаванию на воскресных классах) и Г. Б. Красин (поддерживает сношения с эмигрантами); Б. С. Шполянский, подбивавший во время последних беспорядков студенчество к протесту, а также приятельницы Немчиновой—М. Х. Свентицкая и М. К. Гаркуша.

«В то-же время кандидатами в члены совета были выбраны: известные по группе соц.-революционеров поднадзорные: А. П. Чарушников, Е. Ф. Печоркин, В. Н. Переверзев и И. М. Чупров; крайний толстовец Л. П. Никифоров (распространял недавно брошюру: «Царю и его помощникам»); член Московск. комитета Росс. с.-д. р. п., поднадзорный В. Н. Черносвитов и хорошо известные д. п.: А. О. Шкляревский, Е. Р. Вышинская и Е. В. Красина.

«Такой исключительный состав правления общества находит себе полное об'яснение, если принять во внимание то обстоятельство, что уже к февралю месяцу с. г. в число 1.093 членов общества входили (по сведениям лишь Московск. охр. о.): привлеченных к формальным дознаниям—2, находящихся под арестом—4, состоящих под особым надзором—2, под гл. н.—2, под негл. н.—80, под негл. наблюдением—4, неимеющих права жительства в столицах — 10, известных своей политической неблагонадежностью д. п.—189, о которых имеются неблагоприятные в политическом отношении сведения—164. Итого 457.

«Что действительное назначение общества заключается именно в развитии интеллигентного комплота—это поняла пресса, представительница которой—газета «Русские Ведомости»—в одной из прошлогодних заметок (№ 29) писала, что «Общество взаимопомощи лиц интеллигентных профессий является первым начинанием с возможностью широкого будущего, не ограниченного узким кругом известной корпорации», только для успеха его «нужны тысячи, десятки тысяч членов», тогда «оно будет в силах удовлетворять самым разнообразным требованиям и брать на себя исполнение всевозможных работ и поручений», и ближайшим результатом деятельности его будет «устранение глубокого отчуждения, царящего между интеллигенцией как в столицах, так и в провинции».

«Из приведенных выше цифр легко понять, какую часть интеллигенции и какую будущность союза имел в виду автор цитированных строк. Сами руководители общества высказывались еще определеннее; один из них, деятельнейший член совета, заявлял, например, как то установлено формальным дознанием, что «у них есть цель под вывеской общества, дозволенного к существованию правительством, сорганизовать и вести пропаганду в противоправительственном направлении». Тем же дознанием выяснено, между прочим, что «в обществе взаимопомощи лиц интеллигентных профессий происходило однажды собрание некоторых чле-

нов его, принадлежащих к кружку московских соц.-демократов, на котором было постановлено: принять активное участие в борьбе революционных сил с правительством, пользуясь всяким подходящим случаем... Независимо сего, в одном из собраний членов хоровой комиссии общества обсуждался вопрос о значении воскресных школ в смысле пригодности их для пропаганды антиправительственных взглядов, при чем одной из присутствовавших высказана мысль, что школы эти надо закрыть, ибо они вырабатывают из рабочих буржуев.

«Помимо того, другими показаниями удостоверяется, что в обществе было собрание, которое обсуждало вопрос о необходимости выразить сочувствие студенческим беспорядкам... Известно также, что одно заседание общества было посвящено и чествованию, по случаю юбилея литературной деятельности, Н. К. Михайловского, ныне высланного из Петербурга за антиправительственную агитацию. Названный писатель был даже выбран обществом в «почетные» члены и притом оказался единственным, удостоившимся такой чести.

«На ряду с официальными собраниями радикальные коноводы общества устраивали частные совещания, на которых обсуждались темы, неудобные для публичных дебатов, при чем на одной из таких бесед, под руководством членов совета Луначарского, Немчиновой, Черносвитова и других, решено было учредить кассу для содействия распространению нелегальной литературы и революционной пропаганды среди рабочих».

Критикуя затем практическую работу общества и находя ее неудовлетворительной, доклад отметил, между прочим, что одна из комиссий бюро труда, приступила к работе, назначив заседание на 19 апреля—день празднования рабочей «маевки».

«Из вышесказанного позволительно заключить, говорилось под конец в докладе, что Московское общество взаимопомощи лиц интеллигентных профессий, об'единив крайне оппозиционные элементы столицы и частью провинции, проявляет мало старания к выполнению своих прямых задач, поставленных уставом, и, наоборот, руководимое лицами политически неблагонадежными, занимается вопросами, выходящими из сферы чисто профессиональных интересов и носящими даже явно политический характер.

«При таком положении вещей названное общество является живой, организованной силой, созданной и существующей не ради взаимопомощи, а «на всякий случай», всегда готовой стать оплотом всякому антиправительственному предприятию, почин которого возьмет на себя та или другая революционная партия.

«В виду всего вышеизложенного дальнейшее существование общества является безусловно нежелательным и представлялось бы весьма полезным деятельность его, на основании параграфа 54-го устава названного общества, навсегда прекратить»...

Отстранить, не допустить, прекратить!.. Везде, всегда, во всем, что касалось просвещения, самодеятельности, общественного почина.

Это называлось: охранять «устои»...

Кому же принадлежала заслуга раскрытия «интеллигентного комплота», существовавшего с разрешения начальства, которое было о нем так хорошо осведомлено?

В цитированном рапорте упомянуты несколько членов союза соц.-революционеров, незадолго перед тем возникшего; но в их числе не названо одно лицо, принимавшее очень деятельное участие в «комплоте» и на самом деле являвшееся в политическом отношении «крайне неблагонадежным»; чтобы пополнить эсеровский перечень, я назову его имя: это был Е. Ф. Азеф.

В конце 1899 г. Зубатов, донося об успехах порученного его воспитанию нового сотрудника, доносил д. п., что кроме с.-р. Азеф приобрел значительные связи, проник в «Общество взаимопомощи лиц интеллигентных профессий», где числился весь центр радикалов, и принят также в сотрудники «Общедоступного Техника» Немчиновой и в издательство последней...

Знаменитый специалист по части всяких «комплотов» скромно начал свою провокаторскую карьеру.

КУЛЬТУРНИКИ В ПРОВИНЦИИ.

Удар, нанесенный московским приспособленцам, отбил у них всякую охоту повторять опыты пропагаторских и об'единительных затей с соизволения властей предержащих. Но в провинции, где охранительный надзор был слабее, просветительские попытки имели место и позднее. Об одной из них весьма красочно повествовала корреспонденция, предназначавшаяся для заграничного издания, но застрявшая, благодаря почтовой «цензуре», в перлюстрационных папках департаментского архива..

Автор этой корреспонденции, подписавшийся «Франт», думаю, не посетует на меня, если я воспользуюсь его трудом, дав ему место на страницах моей книги. Вот этот документ:

«Краткая, но назидательная повесть о том, как в городе Твери сеяли «разумное, доброе, вечное» и что из сего вышло (Страница из истории отечественного просвещения).

«Кто бы мог думать, что тверская крамола гнездится в тверской школе и в вечерних при ней классах? Кто посмел бы заподозрить действительного статского советника Морева (инспектора учебной части М. Ф.) и тайного советника Анопова (управляющего учебной частью того же М.) в попустительстве и укрывательстве «тайных сообществ, имеющих своей целью ниспровержение» и т. д.? Однако, это так, и еще немного—Тверь была бы об'ята заревом революционного террора. Но..., но «есть судьи в Берлине», а

в Твери есть попы, жандармы и г. директор народных училищ—отечество спасено, адские замыслы не удались, а злоумышленники пойманы. Урра!..

«В ночь с 7 на 8 ноября арестованы преподаватели торговых классов В. П. Богомолов, К. Левин и инспектор школы, известный педагог Вахтеров (В. П.). Это был заключительный аккорд той «героической» симфонии, которая в продолжение почти года разыгрывалась в Твери. Для того, чтобы читатель понял всю прелесть излагаемых здесь событий, мы должны сделать маленькое введение: М. Ф., горьким опытом придя к заключению, что одними субсидиями г.г. фабрикантам и заводчикам, обдиранием несчастного российского потребителя не очень-то разовьешь производительные силы России, решило, наконец, заняться распространением профессионального образования. Но так как деньги у нас есть на все, что угодно—на шпионов, жандармов, на Манчжурию, броненосцы, на раз'езды высочайших особ, на покупку за границей тамошних мощей [1] и еще чорт знает на что, а нет их только на школы, то г. Витте, со свойственным ему остроумием, пожелал воспользоваться для распространения профессионального образования карманом русского общества, уловив его в сети «самодеятельности». И вот М. Ф. издало в 1895 году общее положение о коммерческих училищах, торговых классах и школах, предоставлявшее—нужно добавить, в противоположность таковым же положениям и уставам М. Н. Пр.—известную роль в организации учебного дела тем лицам, общественным и частным учреждениям, которые путем пожертвований так или иначе способствовали возникновению училища. Не нужно, разумеется, думать, что этим вводилась какая-нибудь «свобода преподавания»—нет. Не бессудная у нас (слава те, господи) страна, и чего-чего, а правительственного контроля хоть отбавляй. Но «положение» было, во всяком случае, шагом вперед... Действительность оправдала надежды хитроумного г. Витте—пожертвования полились рекой, и за короткий промежуток—9 лет—на общественные и частные средства, почти без затрат из государственного казначейства, было основано до 800 средних и низших учебных заведений, находящихся в ведении министерства финансов...

«В 1900 году в Твери на пожертвования, главным образом, В. А. Морозовой (одной из владелиц Тверской мануфактуры) организовалась торговая школа, для заведывания которой был приглашен Д. И. Тихомиров. Через год с небольшим г. Тихомиров ушел, на его место попечительный совет школы пригласил В. П. Вахтерова, по инициативе которого при школе были устроены вечерние классы. Постановка дела была так удачна, жажда знания

[1] Зри промелькнувшее в газетах сообщение, как генерал-лейтенант Богданович за 1.000.000 рублей хотел купить мощи Николая Чудотворца.

так велика, что число слушателей вечерних классов дошло до 400 человек. Самая небольшая часть из них были конторщики и мелкие служащие Тверской мануфактуры, а 90% рекрутировалось из рабочих этой же фабрики. Истомленные $11^1/_2$-час. трудом рабочие спешили урвать у еды, отдыха и сна еще 2—3 часа для учения, для знания. Первоначально метод занятий был исключительно лекционный, но, по совету ревизовавшего в декабре 1902 года школу и классы действительного статского советника Морева, нашедшего постановку в них образцовой, педагогический персонал решил ввести так называемые «собеседования», как представляющие большой простор самодеятельности учащихся. Итак, мирное дело распространения образования налаживалось...

«Но в это время налаживается и кампания против школы: приходское духовенство громит в проповедях и учащих и учащихся. Директор народных училищ г. Добровольский (бывший инспектор народных училищ в Москве, где он оставил заслуженную скверную репутацию) посылает в подлежащие места донос за доносом; местное жандармское управление наводняет классы сыщиками и шпионами; слушателей десятками чуть не ежедневно таскают к допросам, оскорбляя и унижая их; дирекция фабрики, под давлением жандармов, угрожает расчетом и действительно рассчитывает наиболее толковых посетителей классов.

«Получается какая-то фантасмагорическая картина: главная пайщица фабрики жертвует ежегодно 25.000 рублей на содержание школы и классов, М. Ф. принимает их в свое ведение, педагогический персонал числится на государственной службе, действительный статский советник Морев находит постановку дела образцовой, рекомендует «собеседования», а... а директор фабрики увольняет рабочих за посещение классов, а М. Н. Пр., в лице директора народных училищ г. Добровольского, только и думает о том, как бы «искоренить» школу, а М. В. Д., в лице тверских жандармов, называет «собеседования» преступными «митингами», участников тащит к допросу, формально обвиняет учителей по 2 п. 232 статьи Уложения о нак., а православная церковь, наконец, с амвона предает проклятию и учителей и учащихся.

«Обеспокоенное тверским шумом, М. Ф. в середине октября командировало для ревизии школы «самого» тайного советника Анопова—управляющего учебной частью. Обревизовав школу и классы и ознакомившись с методами преподавания, г. Анопов, не найдя, конечно, ни «крамолы», ни «преступников», попытался проникнуть во «святая святых»—к тем, кто невозбранно читает в сердцах, кто казнит и милует—к жандармам, желая, наконец, понять, на чем же именно построено столь серьезное обвинение, из какого материала создано «дело». Жандармы отказались сказать что-либо определенное, сославшись на «профессиональную» тайну, но удалось все-таки выяснить, что главную роль в обви-

нении играют «добровольцы», из них же первый—г. Добровольский. Уезжая в Петербург, г. Анопов заявил, что ему, конечно, удастся убедить М. В. Д. в отсутствии каких-либо козней со стороны педагогического персонала школы, который может и должен продолжать свое прежнее дело.

«Казалось бы, что «истина воссияла», но... не тут-то было!..

«Прошли две недели и... «чижа захлопнула злодейка-западня», г.г. Богомолов, Левин и Вахтеров «пойманы» и арестованы. Когда их выпустят и чем кончится вся эта история, неизвестно, но хорошо известно то, что жандармы (уже московские тверским не доверяли вести «дело») пресерьезно обвиняют почтенных педагогов в том, что они вели «преступную пропаганду», неоднократно выходили из пределов курса «знаменитого» Иловайского, говорили о личности Сперанского и о его планах, толковали о промышленном развитии России и других стран и... рассказывали о «клеточках», что противоречит св. писанию, где ничего о «клеточках» нет, а есть совсем другое, а именно, что господь бог из ничего в 7 дней создал небо и землю.

«Грустно и обидно, читатель. И не потому грустно, что генералы от М. В. Д. травят то, что рекомендуется и одобряется генералами от М. Ф., что директор народных училищ занимается доносами, что попы проклинают школу и образование, а жандармы девственность по части клеточек. И не то даже обидно, что всякое порядочное дело является какой-то ловушкой и провокацией, что взрослый общественный деятель находится у нас в положении чижа, которого ежедневно могут скушать. Чего ждать иного от затхлой атмосферы самодержавия?..

«Обидно и грустно за ту, к сожалению, еще многочисленную часть русского общества, которая думает помочь народному горю, что-то заплатать, что-то залечить при настоящем строе...

«Мы надеемся, что рассказанный нами факт из провинциальной жизни заставит задуматься и, быть может, откроет глаза тем, кто думает, что возможно принести пользу народу, обходя и не затрагивая вопроса о самодержавии, кто полагает, что помимо революционной борьбы есть пути, ведущие к счастью и свободе русского народа».

Чтобы быть вполне справедливым к этим строкам тверского корреспондента, необходимо добавить, что работа «просветителей» все же имела свое значение и не только в смысле подготовки почвы для успешных всходов революционного посева. Не надо забывать, что на опыте культурников всего нагляднее выявилась политика административного усмотрения и полицейского произвола, на их назидательном примере многие сторонники «малых дел» поняли элементарную, не всеми еще тогда осознанную политическую истину: царизм и прогресс — несовместимы.

С этой же точки зрения заслуживают внимания историка и другие деятели, много способствовавшие росту активности революционного движения. Благодарное потомство не забудет, конечно, имен Сергея Зубатова, Дмитрия Трепова, Сергея Романова-Московского и других, которые фанатическим преследованием частной инициативы в деле просвещения народных масс и упрямым стремлением искоренить всякие об'единительные попытки русской общественности довели даже мирного обывателя до такого состояния, что, удушенный, потерявши всякое терпение, он вырвался, наконец, из царского каземата, называвшегося Россией, на свет, на улицу и закричал во всеуслышание:

«Долой самодержавие!».

ГЛАВА III.

Московский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». — Рабочий кружок в Иваново-Вознесенске. Предательство И. А. Костенкова. — Дело Г. Кугушева.—Пропагандисты П. Квита, Е. Петухова, В. Розанов и др.— Кружок «орловцев» и другие «политические дела». — Рабочие и «попечительная власть». — Борьба за трудовой грош. — Московский пролетариат заговорил!

МОСКОВСКИЙ «СОЮЗ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА».

1898 год в Москве ознаменовался очень сильным ростом стихийного рабочего движения, которое выразилось в чрезвычайном увеличении конфликтов, возникавших между трудом и капиталом, главным образом,—на экономической почве.

Молодая социал-демократия тоже к этому времени встала на крепкие ноги, и хотя охранительные барьеры силились еще удержать ее от слияния с пролетарскими массами, но контакт между двумя родственными стихиями становился все теснее и постояннее.

Могучая тяга на низы захватывала и такие сферы, где до того времени значение «мускулистого кулака» еще недооценивалось; тяга эта была непреодолимой. Вот как описывала свои настроения в одном из перлюстрированных писем за подписью «Ш.» О. М. Шулятикова, выросшая в атмосфере народовольческих симпатий:

«У вас есть своя область, в которой вы живете всецело,—писала она своему жениху [впоследствии мужу] художнику В. П. Кравцову, в Москву.—А у меня свои задачи, которые я не променяю ни на что. Мне хотелось бы за эту зиму подготовиться к занятиям с рабочими, чтобы осенью сразу же, по приезде в Москву, заняться делом... У вас есть товарищ рабочий,... он может мне помочь разобраться. Ради всех святых, поговорите с ним об этом... Ведь вы знаете, единственная цель моя—учительство среди взрослых, которые в этом нуждаются,... я хочу все свои знания передать другим. Другой жизни нет и не может быть...».

Из данных, которые я привел в предыдущей главе о «просветительстве», мы уже видели, как стремление к «учительству среди взрослых», имевшее вполне определенную цель, широко захватывало умы передовой молодежи.

Немудрено, поэтому, что революционная пропаганда быстро усиливалась, раскидывалась по сторонам, и все охранные потуги остановить ее не имели успеха: на место выбывших из строя без промедления становились новые люди. Но завязавшаяся борьба не только вызвала к жизни революционный прозелитизм,—она успела создать типы вполне стойких, упорных и опытных работников; выбитые из одной позиции, эти новоявленные апостолы не прекращали своей «преступной» деятельности и, попавши на новое место, спешили продолжать дело, которому отдались всей душой.

Вот один живой пример. Б. Кварцев после разгрома Московского рабочего союза, в котором он играл видную роль, попал на Бежецкий завод (Брянский) и немедленно занялся пропагандой. «Я получил расчет с завода,—писал он 6-II—98 г. Леопольду Рума на Воткинский завод,—за распространение вредных и несвоевременных идей среди рабочих. Вместе со мной разочли и двух наиболее талантливых моих последователей. Впрочем, я об этом не горюю—мое дело здесь сделано и уж, конечно, не расчетами его искоренить заводскому начальству».

Уведомляя об увольнении Кварцева с Бежецкого завода, д. п. сообщил Московскому охр. о. (14-IV—98), что одновременно с ним получили расчет, тоже за распространение «несвоевременных идей», рабочие К. Жмуркин и Н. Лавринович, которые вместе с Кварцевым направились потом в Харьков...

У рассчитанных и в этом случае были, конечно, свои пропагандистские «расчеты»...

Первое время профессиональные пропагандисты чаще всего проходили свой начальный стаж в столицах, где местные охранки преподавали им уроки революционной конспирации, за которые приходилось иногда платить довольно дорого. Мы уже видели, что почти всем пионерам московской социал-демократии—организаторам «рабочих союзов»—пришлось пройти охранное горнило; то же самое ожидало и заместителей их.

В предыдущей главе было упомянуто, что, по имевшимся в Московском охр. о. сведениям, техники К. В. Ситнин и А. И. Любимов вошли, при содействии учительницы М. А. Клевщинской, в сношения с рабочими И. Кузьминым и А. Сугробовым. Молодые пропагандисты энергично принялись за дело, но, помимо того, что с самого начала они попали на агентурную зацепку, в дальнейшем произошло одно совершенно непредвиденное обстоятельство, которое их окончательно сгубило.

24 II—98 г. ночной сторож задержал одиннадцатилетнего мальчика Александра Маслова с пакетом пряжи, похищенной братом

его Андреем с фабрики Зелига, на которой тот служил смазчиком. Будучи арестован околоточным надзирателем Габрисом, Андрей Маслов заявил желание «дать об'яснение политического характера»; его немедленно доставили в охр. о., где он рассказал о том, что имеет дело с двумя «студентами», которые снабжают его нелегальщиной.

По указаниям, полученным от Маслова, было установлено наружное наблюдение, о результатах которого охр. о. не замедлило сообщить д. п. Вот что донес вскоре Зубатов вице-директору Семякину о сношениях «интеллигентов с рабочими»:

«27-II. «Семен Иванович» (кличка)—техник Алексей Иванович Любимов—передал «моему» в портерной, на Ольховской улице, брошюры «О штрафах» и «Что нужно знать и помнить каждому рабочему», потом расстался с ним, в писсуаре Рязанского вокзала снял шапку, надел фуражку и отправился домой. Вечером Любимов с техником Ксенофонтом Васильевым Ситниным пошел в портерную у Земляного вала на свидание с двумя рабочими.

«28-II. Любимов и Ситнин имели свидание с «моим», которому в этот день ничего не дали, и так как им не удалось вызвать Прокофьева, то назначили свидание на 2 марта.

«1-III. Ситнин во дворе дома Григорьева сменил фуражку на шапку и отправился в трактир «Нахичевань», где выслушивал двух рабочих и записывал, а потом разделил им имевшийся при нем сверток.

«2-III. Любимов побывал у Ситнина и, переодевшись в статское, пошел на свидание к «моему» и говорил с ним по поводу разбрасывания прокламаций.

«3-III. Ситнин с «хромым» (из д. Туманова [1]), одевшись в статское, отправился на свидание с «моим», которому передал прокламации и литературу.

«4-III. Любимов утром от «хромого» с лотком на голове отправился на свидание с «моим», который получил от него семь брошюр.

«8-III. Ситнин, имея сверток и сменив в писсуаре на Красноворотском сквере картуз на шапку, пошел в пивную, по Трехсвятительскому пер. (д. Полякова), где просидел с «моим» 2 часа 15 мин. и отправился с ним к Николаю Цюрупа, у которого оставил сверток, выйдя, простился со своим спутником, надел картуз вместо шапки и пошел домой...».

К этим реляциям Зубатов мог бы еще добавить:

4-III. «Мой» разбросал в районе 2-го уч. Лефортовской части прокламации, полученные им от Ситнина и Щербакова» и

9-III. «Мой ухал из Москвы, отметившись «на родину»...

5 воззваний из числа распространенных агентом Зубатова были подобраны ночными сторожами около резиново-ленточной фаб-

[1] С. А. Щербаков.

рики Зелига и Мейера (на которой работал Маслов); гектографированные на полулистах, эти прокламации были обращены к рабочим упомянутой фабрики от имени Московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

В ночь на 12-III—98 г. последовала ликвидация наблюдения, раскинувшегося по перифериям на широкий круг: арестовано было свыше 40 человек (1).

«Взято до четырехсот печатных заграничных изданий,—докладывало охр. о. ген.-губернатору,—мимеограф, гектограф, пишущая машина, сто пятьдесят только-что отпечатанных прокламаций к иваново-вознесенским рабочим, при чем на улицах арестовано двенадцать человек, большинство с поличным, и два главных агитатора в трактире с рабочими. Инициатором дела явился, повидимому, еврей Солодуха, живший (в Киеве: Константиновская ул., 17) у Померанец; взят он с шифром и нелегальщиной»...

Склад революционных изданий был обнаружен у Б. М. Щербаковского; помимо ходовой литературы, имевшейся в значительном количестве экземпляров («Что нужно знать и помнить каждому рабочему», «Об'яснение закона о штрафах», «Десятилетие Морозовской стачки», «Рабочий день», «Задачи рабочей интеллигенции»—П. Аксельрод, «О сущности конституции», «Закон 2-го июня»—все издания «Союза русских с.-д.»), у Щербаковского были отобраны еще печатные: «С.-Петербургский Рабочий Листок», № 2, IX—97 г., «Рабочая Газета» № 2-й и «Листок Работника» № 5, I—98 г. (то и другое—изд. вышеупомянутого «Союза»); брошюра «Не пора ли?» («От группы офицеров к русскому обществу», Лондон, 96 г.); воззвание Тома Манеса «К нашим товарищам в России» (от 5-I—97 г, перев. с английского) и листки «К народу» и «К рабочему народу». Кроме того, на складе были обнаружены местные издания (гектографированные): «Речь П. А. Алексеева» и программа Московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (последний документ, носящий название «Устав центральной рабочей кассы», представляет значительный интерес и я привожу его целиком в приложении III).

Пропагандистская литература была найдена еще в большом количестве у И. С. Биска, а также у задержанных через день после ликвидации рабочих С. А. Рубцова и Н. А. Печковского. У С. А. Щербакова отобрали гектограф, на котором тискали издания «Союза».

«Виновник торжества»—А. Маслов—в это время пьянствовал в своей деревне Наумовке (Рязанской губ.); на протоколе о совершенной им краже доверенный фабрики Зелига кр-н Тараскин, по настоянию полиции, написал: «прошу оставить дело без последствий».

Околоточный Габрис получил 25 р. награды за то, что так удачно свел воришку с охранниками...

По ходу дознания, возникшего при Московском г. ж. у. о «Союзе борьбы», были предприняты еще некоторые следственные действия: 21-IV—98 г. были обысканы и арестованы знакомые Вановских и Гришина—рабочие Е. и П. Морозовы; через три дня подвергся той же участи сожитель последних—Н. К. Моршаков; 8-V обыскали чертежника Н. А. Панова. 9-X был обыскан А. Е. Ефимов, дознание о котором, впрочем, «после сопоставления показаний и других сведений», было направлено к прекращению (2).

В то же время случайно выяснилось обстоятельство, указывавшее на то, что «Союз» думал обзавестись принадлежностями для печати. В первых числах марта (98 г.) из типо-литографии Гаврилова наборщиком Д. И. Евсеевым был похищен шрифт стоимостью в 650 рублей, который он передал, как было дознано, рабочему А. Г. Чернышеву; последний на допросе в охр. о. (26-III—98 г.) об'яснил, «после некоторых колебаний», что похищенное он отдал 5-III в трактире Семенова «Петру Тимофеевичу», который познакомился с ним за два дня перед тем в трактире Зверева, где обыкновенно собираются рабочие из типографии Левинсон и др.

Так как охр. о. было известно, что под именем «Петра Тимофеевича» пропагандировал среди рабочих В. А. Вановский, привлеченный к дознанию о «Союзе борьбы», то Чернышеву была пред'явлена карточка помянутого обвиняемого, в которой он и опознал «Петра Тимофеевича». Переписка о Чернышеве была присоединена к расследованию, производившемуся Московским г. ж. у. о «Союзе борьбы».

В общей сумме это дознание выяснило следующее:

В начале 97 г. среди студентов Московск. технич. училища образовался кружок, который опубликовал от имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» программу; кружок задавался целью «об'единить московских рабочих в союз для борьбы с капиталистической эксплуатацией и угнетением, а также подготовить рабочий класс к политической революции».

Следуя основным положениям агитационной тактики, изложенным в брошюре «Об агитации», члены кружка вступили в сношение с наиболее передовыми рабочими и, выясняя недочеты их экономического быта, вели в подходящих случаях соответствующую агитацию. Таким образом «Союз» выпустил воззвания: «К рабочим фабрики Зелига»; «К рабочим Садовнической фабрики десятичных весов» и «Ко всем рабочим города Иваново-Вознесенска». Кроме того, были отмимеографированы брошюры: «Речь Петра Алексеева» и «Об агитации».

На состоявшийся в Минске в начале марта месяца с'езд представителей с.-д. организаций Московский «Союз борьбы» командировал своего делегата, которым был А. Вановский (заменивший своего брата Виктора).

После с'езда, положившего основание Российской с.-д. р. партии, «Союз борьбы» был переименован в Московский комитет упомянутой партии, во главе которого встали: Ситнин, Любимов, Н. И. Малинин и Л. Я. Карпов.

В целях пропаганды «Союз» нанял конспиративную квартиру, которую стали посещать рабочие: Осипов (Сугробов), Кузьмин, Дунаев, А. Ничин, В. Григорьев, И. Гаврилов, М. Яшин, С. Рубцов, Л. Гришин, Морозов, Н. Панов, И. Костенков (Орлов), Н. Печковский, Д. Белянин, А. Федоров. Необходимая литература была доставлена из Минска, часть привез из Берлина Я. Пилецкий.

Ближайшими «пособниками» комитета («Союза») были: С. Щербаков, который гектографировал воззвания; Е. К. Павликовская и Н. Д. Цюрупа, предоставлявшие свои квартиры для свиданий с рабочими; А. А. Вырыпаева (3), которая содействовала Ситнину, доставившему из Минска транспорт нелегальных изданий (собирала деньги на это предприятие); Х. М. Водогинский, который перевел с еврейского на русский язык брошюру «Стачка лжи» и вел посреднические сношения с Щербаковым, гектографировавшим издания «Союза»; Биск и Щербаковский, хранившие запасы нелегальщины, и В. Хан (арестованный в Минске), адрес которого служил явкой для конспиративных сношений.

РАБОЧИЙ КРУЖОК В Г. ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ. ПРЕДАТЕЛЬСТВО И. А. КОСТЕНКОВА.

Совершенно самостоятельное значение приобрело дознание об арестованном К. Солодухе.

19-IV—98 г. д. п. препроводил Моск. охр. о. донесение ротмистра Тимофеева, заведывавшего розыском в фабричном районе Владимирской губ. «1-го февраля,—писал жандарм,—к нам, по приглашению одного из местных агитаторов, приехал молодой человек, назвавшийся «Сергеем Николаевичем», чтобы изучить условия местной рабочей жизни и установить связи местного кружка с Московским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Изучив условия местных стачек, он с другими выработал требования, которые рабочие должны были пред'явить в предполагавшуюся весною стачку. 5-III—98 г. почтовым поездом «Сергей Николаевич» выехал в Москву; он собрал материалы для прокламации и обещал прислать их по отпечатании. В Иваново-Вознесенске есть кружок с кассой (собрано около 23 р. 50 к., из которых израсходовано на пособие местным политическим ссыльным 20 руб.), имеется и библиотека; кружок еще слабо организован и ликвидировать его рано...».

По отзыву Московского охр. о., приезжим агитатором был К. Солодухо, который и в Москве носил тот же псевдоним (под именем «Сергея Николаевича» его знал, например, рабочий Л. Гришин).

Вскоре выяснилось, что Солодухо до приезда в Москву жил в Иваново-Вознесенске, на Новой Стройке, в доме Шабаевой; для участия в обыске прежней квартиры Солодухи в июне месяце был командирован представитель московской охранки—полиц. надзиратель Воеводин; особых результатов эта поездка не дала.

Во время дознания выяснилось, что еще в январе месяце 98 г. в Иваново-Вознесенск ездил С. Щербаков для осведомления о стачке местных рабочих; вернувшись, он привез оттуда сведения, полученные им от народного учителя Ф. Щеколдина [1], который сообщил, что рабочих, готовых воспринять социалистические идеи, много, но нет руководителей. В. Вановский снесся по этому поводу с Киевом, откуда прислали Солодуху, который, побывши некоторое время в Москве, отправился в Иваново-Вознесенск, где, при содействии Щеколдина и реалиста Н. Кулакова, организовал рабочий кружок. Наезжая в Москву, Солодухо участвовал в собраниях «Союза борьбы», которому потом доставил отчет о стачке иваново-вознесенских рабочих, отгектографированный впоследствии Щербаковым.

К иваново-вознесенскому кружку принадлежали рабочие: Воронин, Гришанов, Кисляков, Семенчиков, Гаравин, Парменов, Гудков, Ерофеев, Панкратов, Володина, Зимина, Шапатин, Тарасов; последние двое заведывали библиотекой и кассой; кружок распространял нелегальные издания, которые получал от Московского «Союза борьбы» [2].

В 1900 г. Солодухо еще находился в заключении, ожидая ссылки в Восточную Сибирь; он сидел в одной из угловых башен Московской пересыльной тюрьмы; но и здесь всеслышащее ухо охраны не оставило его в покое. К. Солодухо, сообщал в мае месяце того же года Зубатов Ратаеву, вел с соседом своим по заключению Н. А. Пановым беседу об условиях жизни в Сибири, при чем высказывал намерение поступить служащим на Уссурийскую железную дорогу и затем, пользуясь удобным моментом, скрыться в Америку...

Интересно, что охрана знала сокровенные замыслы Солодухи, но не ведала того, что под этой фамилией скрывался старый социал-демократ В. Д. Перазич.

Солодухо-Перазич, действительно, вырвался из Сибири, но не так скоро, как мечтал об этом: находясь в ссылке, он был осужден по якутскому процессу «романовцев» в каторжные работы и в 1905 г. бежал из Александровской централки (под Иркутском).

Не везло в тюрьме и другим пленникам мартовской ликвидации, при чем не обошлось без форменного предательства.

[1] Ф. И. Щеколдин, рев. кл. «Повар» и «Дядя», один из основателей Северного Рабочего Союза.

[2] «Обзор в. д.» XXII—XXIII, стр. 30.

27-XI—98 г. нач. Лифляндского г. ж. у. донес д. п. следующее: «Состоящий с конца минувшего октября в Риге под особым надзором полиции крестьянин Тверской губ. Осташковского уезда Иван Афанасьев Костенков-Орлов, привлеченный в гор. Москве к дознанию, 14-го сего ноября, по требованию ген.-лейтенанта Шрамма, был вызван во вверенное мне управление для допроса... Спустя 10 дней после этого допроса, названный Костенков-Орлов, войдя в сношение с одним из секретных агентов вверенного мне управления, выразил желание служить в Риге агентом, заявляя при этом, что он может дать некоторые указания о лицах, еще не привлеченных в Москве по одному с ним делу»...

Будучи опрошен вторично, К.-О. об'яснил, что, когда он сидел в Якиманской части с А. Вановским, то последний сказал ему, что слышал о нем от Любимова, как о хорошем человеке, советовал молчать на допросах, уверял, что его скоро освободят. Имея последнее в виду, Вановский написал две шифрованные записки, положил таковые в ватер-клозете, откуда К.-О. их и взял для передачи, по выходе на свободу, женщине-врачу Александре Федоровне Шереметевской, брат коей, студ. Моск. сел.-хоз. и., должен был доставить их по назначению. Передать записки К.-О. не удалось, так как при освобождении он был отправлен прямо на вокзал в Ригу, где ему пришлось еще сидеть полтора месяца за кражу.

Пред'явив жандармам записки, К.-О. пояснил еще, что с Любимовым и Цюрупой его познакомил рабочий велосипедной фабрики Гумберга Василий Куприянов.

Как образчик конспирации, приводившей, при неудачном употреблении, к результатам, совершенно обратным, привожу содержание доставленных Костенковым записок:

«I. Прошу Вас Ал. Фед. сейчас же передать эти записки нашей общей знакомой, маленькой, черненькой учительнице, имя отца которой начинается на букву К. Сообщаю здесь, как она может прочесть часть этой записки. Азбука: А, Б, В, Г, Д, З, Ж, М, Н, К, Л, И, Т, П, С, Е, О, У, Ю, Ч, Щ, Р, Х, Ц, Я, Ф, Ш, Ы, Ъ, Ь располагается в этом порядке за последней буквой какого-либо слова, которое служит ключом. Все буквы нумеруются и этими цыфрами пишут, при чем, располагая буквы за словом, пропускают те, какие есть в слове. Вот пример: по слову «Вера»

1	2	3	4
в	е	р	а

5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
б	г	д	з	ж	м	н	к	л	й	т	п	с	о	у	ю	ц	щ	х	ц

25	26	27	28	29	30
я	ф	ш	ы	ч	ь

, слово «стакан» по этой азбуке напишется так: 17, 15, 4, 12, 4, 11, 29. Ключом к «11» служит *отчество*, а окончанием на букву «а» имя одной нашей общей знакомой, фамилия которой начинается на букву «М», и которая теперь изучает

медицину и которая раньше жила в тупике» (расшифровка охраны: «Петровна»).

Содержание (дешифрированное) записок второй и третьей.

«II. Пишу из тюрьмы через своего рабочего, с ним завел сидя сношения; не теряйте его из виду—хорош. Постарайтесь соединить. Не унывайте, работайте с Верой Владимировной, что на Бронной».

«III. Пусть двадцатая страница каждой книги будет ключом, а сороковая, шестидесятая, восмид.и т. д. этой же книги—для шифра. Точки должно делать едва видными, пользоваться следует только толстыми библиотечными книгами. Точка под буквой левой части строки означает строку ключа, точка под буквой правой части строки значит самую букву найденной строки, считая в ключе слева направо. Мягкая помнит, получив записку (в) письме Зинино рождение. Пойму. Допрос не был. Книги и бумагу береги. По адресам Киев известен Новусу, затем дать знать в город, куда ездил с твоими часами: Мясницкая, д. Клотца, кв. Диманта, Вульфу Хану,—надо газетой, пусть они немедленно изменят этот адрес. Вульфу пошлите новый тихий адрес. Сообщу Вульфу новый, совершенно чистый адрес для переписки и свидания. Пусть они по старым не пишут и не приезжают. Через техника Биска [он же Новус] следует все книги от Евгении Алек. перенести к «славной». Жаль, не знаю — кто остался; напиши также, чтобы они не упоминали об арестах, не публиковали ни имен, ни фамилий. Работу книг дать. Привет всем».

«IV. Ключом к этой записке будет слово, составленное из первых 4-х букв фамилии той славной барышни, которой отец подарил несколько колец с камнями. К этим четырем буквам приписываются еще 3-я и 4-я буквы полного имени игумении (так что слово, служащее ключом, состоит из 6-ти букв)».

Ключом в этом случае оказалось слово «Чижора» (образовавшееся от слов «Чижова Вера»); содержание записки было следующее: «Извести меня «у меня болят зубы»,—я буду знать, что уже пришел манифест. Если знаешь о Викторе, сильно или слабо он влетел—напиши:—«занятия подвигаются туго, или успешно»... Моя хорошая, моя милая, мне очень тяжело».

И далее:

«Возьмите на себя труд заботиться о заключенных. Вы уже, вероятно, знаете, кто арестован; у некоторых нет никого из родных. Устройте все это как следует, если еще не устроили. Вообще постарайтесь все привести в известность, у вас почти все связи в руках. Если окажется возможным устроить почту со мной, как вам передаст податель этих записок, то пришлите подробно, кто взят. Все присланное зашифруйте этим шифром, так и буду знать. Будем помощью книг сноситься. Ключ пусть будет двадцатая страница каждой книги, а ставить точки на сороковой, только надо поискуснее. Я пришлю с шифром»...

Но охр. о. не только дешифрировало текст записок—оно разгадало и другие условности; в числе лиц, в них упоминавшихся, оказались: Е. А. Немчинова («Евгения Алекс.»); Е. К. Павликовская («Лиза»); В. В. Яковенко—впоследствии жена А. Вановского («Вера Владимировна»); И. С. Биск («Новус»); В. Г. Хан («Вульф»); В. А. Вановский («Виктор»); З. А. Вановская по мужу Пронина («Зина»); А. Ф. Шереметевская («Ал. Фед.»).

Нетрудно было догадаться и о том, появление какого «манифеста» ждал автор записок—участник с'езда, положившего основание Российской с.-д. р. п.

В конце-концов неудачная конспирация дала охранникам лишний обвинительный материал и новые указания для розысков.

А доносчик Костенков-Орлов действительно оказался «хорош»... для жандармов, на службу к которым он поступил в Риге.

Таково роковое стечение обстоятельств: дело, возникшее вследствие доноса дебютанта-воришки, завершилось предательством другого героя ночных похождений, уже осужденного за кражу.

Но злополучия «Союза борьбы» на этом не прекратились; ему был нанесен еще удар, но дружеской рукой.

5-XI—98 г. д. п. препроводил Московск. охр. о. копию перлюстрированного письма из Орла в Москву, в котором Б. Перес писал 22-X брату своему Л. С. Пересу: «Ну, Леонид, берегись. Ты ведь очень неохотно исполняешь всякие поручения, но есть такие, которые обязан исполнить всякий порядочный человек. Во-первых, зайди к Анне Мороз. Ей надо сказать, чтобы она немедленно передала Бланкам, что охр. отделение интересуется их квартирой, т.-е. что за ними, наверно, следят. Зубатов, допрашивая Евгению Гурвич, упомянул о них. Затем надо разыскать зубного врача Ревекку Лурье. Надо зайти к ней и узнать, где живет Зак, или Закс-Иевль, или в роде того... Заку надо передать, что у Евгении Гурвич взята почтовая расписка на его имя и что она на допросе покажет, что послала ему английский словарь, но сама с ним не знакома... Затем сходи в Технич. училище и вызови студента Пронина и передай ему записку. Затем сходи на коллективные курсы, вызови Эллу Германовну Гамбургер, (или) Марию Сергеевну Карасеву, (или) младшую Карпузи, (или сходи) к Анне Петровне Воскресенской и передай ей мою записку, (с ней) можешь познакомиться поближе и через нее приобрести знакомство. Когда исполнишь все поручения—письмо сожги».

К этому письму были приложения, из которых первое (письмо к Пронину) гласило: ... «Я сидел в Таганке рядом с Александром Алексеевичем [1] и узнал от него о женитьбе Вашей на Вановской. Поэтому обращаюсь к Вам с просьбой. Только-что вышедшая оттуда сестра моя слышала про рабочего, у которого нет ни денег,

[1] Вановский.

ни книг: его псевдоним «Хаим» [1]; у него была конспиративная квартира. Я знаю, что лицо, носящее псевдоним монахини, или игуменьи [2], имеет переписку (без цензуры) с А. А. Если у Вас есть возможность устроить доставку книг и денег этому рабочему, то займитесь этим поскорее, если нет,—то займемся сами. Напишите нам его имя (и т. д.) по адресу: Орел, мастерская картин для волшебного фонаря Перес. Сестру мою зовут Лидия Платоновна Семенова, а меня Борис Самуйлович Перес. На конверте имен этих не пишите... Я потерял из виду А. А-ча уже в июле, но со Львом Яковлевичем [3] говорил до дня освобождения 15-го сентября. Следовало бы устроить что-нибудь для Константина Константиновича Солодухо; он сидит без денег, без книг, без белья, больной, с ревматизмом».

2-е приложение—письмо к Воскресенской, писанное Л. Семеновой: «Я уже четыре дня на воле. Алексей Яковлевич [4] освобожден. Знаю, что Вы служите и потому сами никаких поручений исполнить не можете; обратитесь за исполнением их к Элле Гамбургер, или к Марии Карасевой... В Москве сидит Елизавета Кузьминишна Белевская. Не знает в Москве ни души и сидит уже три месяца без книг. Пошлите ей Дементьева «Фабрика». У нее, может, и денег нет, об этом тоже сообщите Гамбургер. Если есть возможность, то следовало бы хотя изредка писать ей... Сообщите адрес Гамбургер. Скажите ей, что записку, которую она мне дала в день ареста, не взяли, так как я переоделась. Записку передает мой брат, которого приветьте»...

Письма, подобные вышеприведенным, являлись находкой для охраны: лучше иных откровенных показаний они вскрывали связи, взаимоотношения и роль деятелей революционного подполья.

Перлюстрация давала иногда не менее, чем провокация...

Не лишним будет упомянуть еще о некоторых второстепенных эпизодах жандармского дознания. По поводу письма, найденного у рабочих Ястребова и Романова, охр. о. сообщило генералу Шрамму в апреле 98 г., что автором его была фельдшерица А. Н. Лосева—знакомая негласноподнадзорных Е. Павловой, Н. Жиряковой и М. Свентицкой. В 94 году Лосева была обыскана по сожительству с А. Флоровой, 11-IX—96 г. она виделась, как установлено наблюдением по «раб. союзу», с М. Семеновым.

В V—98 г. Московск. охр. о., сообщая жандармам сведения о московских универсантах В. П. Петрове и Б. Я. Васильеве (участвовали в ноябрьской демонстрации студентов в 1896 г.), уведомило еще, что первый из них был знаком с М. А. Садовниковым, который вел непосредственные сношения с рабочими мебельной

[1] В. Хан.
[2] М. Клевщинская (?).
[3] Карпов.
[4] Никитин.

фабрики Шмидта, агитировавшими в мае 97 г. за сокращение рабочего дня и, в частности, с Ф. Гавриловым—ходатаем по этому делу. К этому охр. о. присовокупило: «что же касается гектографированной брошюры «По поводу маевки», отобранной по обыску у Петрова, то появление ее впервые наблюдалось в кругу знакомых привлеченной по делу «Союза борьбы» Елизаветы Павликовской; упомянутое издание представляет из себя воспроизведение статьи, напечатанной в немецкой газете «Die Neue Zeit», 16 экземпляров которой и несколько переводов из нее были найдены на квартире родителей Павликовской, в вещах ее младшей сестры Ольги»...

Некоторые детали, относящиеся к делу о «Союзе борьбы», заключаются также в докладе Московск. охр. о. об А. Н. Покровском, по поводу поступления его на должность помощника секретаря Московской гор. думы.

Покровский, доносил Зубатов д. п., дал своему старому приятелю А. А. Иогансону адрес, на случай водворения с юга революционной литературы, свояченицы своей Е. Павликовской. Служебная сфера Покровского вполне благоприятствует развитию и проявлению его вредного направления, так как в числе лиц, допущенных к занятиям в городской думе, имеется немало негласноподнадзорных и сомнительно-благонадежных лиц.

В числе знакомых Покровского находится также Б. И. Сыромятников, за которым имеется агентурное наблюдение, как за главарем издательского кружка рязанцев, к которому принадлежит и брат его А. И. Сыромятников, удаленный в 1896 г. из столицы на родину.

«Независимо сего имеются указания, что Александр Покровский недавно получил с юга набор нелегальных изданий, который поместил на хранение у свояченицы своей, учительницы Капцовского городского училища Е. К. Павликовской, проживающей при школе, в доме 19 по Леонтьевскому пер., куда часто к ней ходят упомянутые выше Иогансон и Сыромятников. В составе этого транспорта имеются, между прочим, гектографированные брошюры «Новый рабочий день», «Где искать правды» и др.»...

Чем разрешилось дело о Московском «Союзе борьбы»—комитете Рос. с.-д. р. п., подробных сведений у меня нет. Имеются только данные о судьбе братьев Вановских, из которых Виктор был, несомненно, душой организации.

А. Вановский за участие в «Союзе» получил 3 года ссылки в Вологодскую губ.; в 1903 году он подвергался аресту по делу ярославской типографии «Северного Союза», а в 1905 году участвовал в киевском восстании военных (4).

В. Вановский еще за участие в «Русско-Кавказском кружке» подлежал двухгодичному т. з. и ссылке в В. С. на 6 л., но, в виду болезни (острое нервное расстройство), был помещен в больницу; в II—1900 г. он все же был отправлен в В. С., но через

2 года скрылся оттуда; в 1904 г. его опять арестовали (по делу типографии Екатеринославского к-та р. с.-д. р. п.), он снова бежал и еще раз был задержан в том же году в Ярославле. В 1907 г. В. Вановский работал, под фамилией Полидорова, в Н.-Новгороде, а в 1914 году вторично отбывал ссылку в В. С.—в г. Ялуторовске (5).

Сестры Вановских, О. А. Белова и З. А. Пронина, были счастливее своих братьев и отделались одним полицейским надзором.

Будет справедливым, пожалуй, в заключение помянуть добрым словом пристава московской городской полиции А. Вановского, сумевшего воспитать таких славных детей...

ДЕЛО Г. КУГУШЕВА.

Читатель едва ли обратил внимание на то, что рабочие Кузьмин и Сугробов, которым пропагандисты Любимов и Ситнин поручили устроить конспиративную квартиру, в мартовскую ликвидацию арестованы не были; из этого можно заключить, что к ним была близка агентура Зубатова, который оставил их в качестве «живцов». Расчеты охранника оправдались, и, как мы знаем уже, учительница А. Карасева познакомила вскоре Сугробова с «интеллигентом»—князем Г. Кугушевым, служившим в земстве, который уже был известен охр. о. (состоял под негласным надзором полиции). За новым пропагандистом установили, разумеется, филерское наблюдение (с 7-IV—98 г.). Проследки констатировали, между прочим, что 21-V Кугушев ходил на берег Москвы-реки, где просидел 1½ часа с двумя рабочими, ловившими рыбу; 24-V он, «забрав брюки в высокие сапоги», поехал на Воскресенскую площадь, где в вагоне, заменявшем тогда вокзал, сменил бывшую на нем «немецкую» фуражку на простой картуз и отправился к Серпуховской заставе, где встретил 4 рабочих, лежавших на траве, с которыми поздоровался «за руку»; после этого Кугушев с тремя из встретившихся пошел на лужок около фабрики Мещерина, а оттуда—в лес, на Канатчиковой даче, где зубатовские «очи» нашли более благоразумным оставить наблюдаемых в покое.

28-V. Кугушев пошел на Берсеньевскую набережную и около Крымского моста переправился на другую сторону реки—к великому огорчению филеров, не имевших возможности последовать за ним; на следующий день он ходил к фабрике Бутикова, долго прогуливался около, сидел в портерной, но никого не дождался.

31-V. Кугушев, обутый в длинные сапоги, поехал к Калужским воротам, сменил так кепку на картуз и отправился к Даниловской заставе, где встретил 3 рабочих, с которыми побеседовал, лежа на траве, более часа, затем повел их к Москве-реке, нанял за 1 рубль лодку и все поехали кататься; после прогулки компания вернулась

на Александровский плац; простившись с «интеллигентом», рабочие пошли на фабрику Флетчера.

2-VI. Кугушев имел свидание с двумя рабочими фабрики Бутикова, удившими рыбу на Москве-реке; 11-VI он виделся внизу Хамовнической набережной с рабочим, которого провели в спальный флигель фабрики Бутикова.

14-VI. Кугушев поехал на Смоленский рынок, где переменил фуражку на картуз и отправился в Даниловскую слободку, сел на лугу у пруда и начал разбирать «какие-то книжечки и бумажки»; вскоре к нему явился рабочий, который повел его к поджидавшим невдалеке четырем своим товарищам, после чего все шестеро удалились в глубь рощи, где уселись беседовать...

В это же время по-соседству образовалась другая сходка соглядатаев, которых предусмотрительный Медников командировал соответствующее число (филеры: Ефремов, Князев, Воеводин, Баранов, Будаков, Линев); к ним скоро подоспел наряд полиции, и Кугушев с товарищами был захвачен «на месте преступления»; компанионами его оказались рабочие с фабрики Бутикова: А. Сугробов, А. Сомов, Н. Дунаев и Г. Галушкин, а также А. Дунаев с фабрики Михайлова.

При личном осмотре задержанных нашли: у Сугробова—мимеографированное воззвание «Ко всем петербургским рабочим» СПБ-го «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (I—98 г.); у А. Сомова—«Манифест рос. с.-д. р. п.» и бр. «Об'яснение закона о штрафах»; у Г. Галушкина—брошюры «Рабочие Союзы» и «Листок Работника» (V—98 г.); у Дунаева—черновик письма к фабричному инспектору. При самом Кугушеве, успевшем раздать свои «книжечки и бумажки», оказался только в боковом кармане пиджака, запасный «триковый картуз».

При составлении протокола Кугушев заявил, что сношения он вел только с братьями Дунаевыми и Сугробовым, которых снабжал литературой, а двое других рабочих оказались на собрании «случайно». Один из Дунаевых заявил, что «был приглашен на собеседование Сугробовым, от которого получал и нелегальные издания».

На дознании, возникшем по этому делу при Московск. г. ж. у., Кугушев «признал справедливость приведенных данных»—о том, что познакомился с Сугробовым через А. Карасеву и что на собрании в Даниловской слободке читал рабочим петербургское воззвание, а Н. Дунаев показал, что давал читать «Манифест» и «Стачку лжи» товарищу по работе «Воробью», которым оказался ткач П. Михайлов; последний 25-VII—98 г. был обыскан, но безрезультатно.

Кроме вышеупомянутых лиц, были привлечены к дознанию еще рабочие, посещавшие собрания: И. Кузьмин, С. Синицын, М. Степанов, А. Федоров и В. Давыдов. А самый «завар» дела—А. С. Карасева—«на дознании допрошена не была в силу соображений розыскного характера» («Обзор» XXII—XXIII, стр. 95 и сл.).

ПРОПАГАНДИСТЫ П. КВИТА, Е. ПЕТУХОВА, В. РОЗАНОВ И ДРУГИЕ.

Интенсивность рабочего движения вызвала усиленное стремление «кающейся» интеллигенции к связи, непосредственной и прочной, с пролетарской массой; но протянутая рука пропагандиста часто попадала в грязные лапы осведомителей охраны. Тем не менее «интеллигент» искал рабочего-товарища всеми способами. Студент П. Квита, например, познакомился в XI—98 г. со слесарем Е. Григорьевым в Московском Историческом музее; при содействии нового знакомого он сошелся затем с рабочими К. Капустиным, Д. Байковым и М. Поддевкиным. Квита стал проповедывать своим новым друзьям о необходимости устроить кассу, начал снабжать их нелегальщиной.

«Тулупчик» явился, конечно, наиболее ретивым членом кружка; 10-I—99 г. у него состоялось собрание, на котором присутствовали рабочие: Д. Крылов, Е. Лангин (Басманов), Петр Моисеев, Георг Фрейман, Ф. Морозов, Н. Тениссон, П. Разменов, П. Беседа и Трофимов; Квита давал собравшимся «раз'яснения»; в заключение выбрали: Григорьева — библиотекарем, Капустина — посредником в сношениях с «интеллигентом» и Поддевкина—кассиром; последний собрал рабочие гроши-взносы и не замедлил донести на «товарищей»; Квиту скоро арестовали; возникло дознание, которое выяснило, между прочим, что в беседах с рабочими принимал участие еще универсант А. Нефедов.

В январе же месяце 1899 г. был ликвидирован кружок Е. Петуховой, о которой была речь в главе II. Возникшее по этому делу формальное дознание установило, что Петухова собирала у себя на квартире учеников своих—рабочих, пропагандировала их, снабжая нелегальными изданиями; по ее инициативе рабочие С. Козлов, Н. Френклер, П. Мартынов, С. Трофимов, И. Соболев, И. Беляков и опять Поддевкин соединились в кружок и устроили кассу. Мартынов был представителем кружка в сношениях с Петуховой.

Был ли Поддевкин кассиром в этом кружке — мне неизвестно.

Но предателем и на этот раз был все он же—пронырливый «Тулупчик»...

Несмотря на частые поражения, московская социал-демократия продолжала, однако, вести упорную атаку, хотя и устремлялась в нее «рассыпным строем».

После ареста Н. Н. Розанова на смену выступил брат его Владимир; он, впрочем, дебютировал не совсем удачно.

3-VII—98 г. д. п. сообщил Московскому охр. о. перлюстрацию письма к Э. Г. Гамбургер, в котором автор корреспонденции писал: «У меня в голове все невеселые мысли о том, что действительность постоянно разбивает наши мечты. Да, вы правы, что у нас нет опытности. Но и вообще у нас ничего нет, кроме благих намерений

и теоретического знакомства с делами. А главное—нет достаточно людей и денег. Будем набирать побольше энергии, чтобы не попятиться назад. Вспоминаю слова поэта: «Смело, друзья! Не теряйте бодрость в неравном бою!..». Дальнейшие соображения поверять бумаге не решаюсь. Если вам когда-либо захочется сообщить что-нибудь такое, то пишите лимоном»...

Письмо это было писано В. Розановым (впоследствии—муж Гамбургер), который и ранее был на замечании охраны, как и сестра его Наталья (6).

В IX—98 г. Зубатову уже было известно, что В. Розанов связался с рабочим Ф. Аникановым; в то же время он начал собирать средства для организации нелегальной библиотеки и, «чтобы внушить себе большее доверие, как представителю целого сообщества», отгектографировал квитанции с печатью и подписью «Московской группы социал-демократов», которые выдавал, принимая пожертвования.

Одновременно на политической арене г. Москвы появились три ветеринарных врача, приехавшие из провинции (7). Одному из них—Н. И. Гусеву—Розанов хотел передать Аниканова, но, считая себя скомпрометированным, Гусев отказался от непосредственных сношений с рабочим и передал его конторщику И. Грачеву. Зато товарищ Гусева—А. А. Петров—успешно повел пропаганду, завязав сношения со слесарем С. Молоковым и через него—с рабочими И. Фоминым, И. Гундобиным, С. Фаддеевым и И. Скворцовым.

Третий ветеринар—Н. В. Попов—тоже занимался пропагандой. На дознании, которое возникло при Московск. г. ж. у. о Розанове и Петрове, выступивший в качестве свидетеля крн. Ф. Л. Долин показал, что рабочего Скачкова он свел с Поповым при посредстве Э. Гамбургер, с которой сам он познакомился еще в 1897 г.

Интересно, когда генерал Шрамм потребовал обязать подпиской явиться для допроса в жанд. управление упомянутую Гамбургер, то охр. о. ответило, что она выбыла из Москвы неизвестно куда, тогда как Зубатов хорошо знал, что Гамбургер, вышедшая замуж за Розанова, жила с ним в это время в г. Смоленске...

В «интересах розыска» дозволялось препятствовать успешному ходу следствия.

То же самое повторилось, когда Казанск. г. ж. у. потребовало, по ходу производившегося им дознания, арестовать Гусева и обыскать Петрова. На телеграмму полковника Маркова по этому поводу Московск. охр. о. ответило: «Гусев 11-XII выбыл в Петербург» (так значилось в листках адресного стола, на самом же деле Гусев уже вернулся в это время в Москву и об этом было известно наблюдению).

На следующий день после получения телеграммы Маркова, 20-XII—98 г., Зубатов писал Семякину: автором письма, обнаруженного в Казани у Беликова, был Н. И. Гусев, действительно

имеющий сестру Наталью Ивановну, отдельно от него живущую; вместе с ним квартирует А. А. Петров. Что касается П. А. Смелова, то он жил в Москве с неделю, в минувшем октябре месяце, до получения распоряжения о воспрещении ему за вредное влияние на рабочих г. Казани жительства в столицах и столичных губерниях.

Названный выше Петров,—доносил далее Зубатов,—является ныне, вместе с А. М. Лукашевич, А. Е. Крутицким, Я. И. Кочаном и Г. Т. Миловым, организатором особого социал-демократического кружка, представители коего имели уже 8 и 15 сего декабря два собрания, созванных по инициативе А. Луначарского, на которых было решено приступить к агитации среди московских рабочих.

К группе этой, сообщалось далее в донесении, примыкают, помимо Н. и М. Гусевых, еще: негласноподнадзорные П. В. Балашев, Г. А. Соломон с женой своей М. Н. Соломон, О. Г. Смидович, Э. О. Слонимская, Ф. И. Яворовский и Н. В. Попов, а также А. П. Алексеевский и А. М. Стопани. Из перечисленных лиц Слонимская, Попов и Смидович уже замечены в сношениях с рабочими. За кружком ведется неотступное наблюдение, в целях полного выяснения его личного состава и деятельности, «а равно и места нахождения организуемой им типографии».

Результатом донесения было то, что немного спустя Зубатов получил возможность сообщить полковнику Маркову следующее: Гусев вернулся из Петербурга и снова поселился с Петровым, но «предпринятие каких-либо следственных действий по отношению к названным лицам в настоящее время является, согласно отзыва департамента полиции от 28 декабря за № 2269, по розыскным соображениям преждевременным и нежелательным».

Упомянутые «соображения» имели в виду, конечно, розыск типографии, об организации которой, как мы видели, охр. о. было осведомлено.

Вскоре, однако, комбинаторские предначертания Зубатова радикально изменились, как это видно из сообщения его Ратаеву, написанного в III—99 г.

В виду ликвидации пропагаторских кружков А. Петрова и В. Розанова, доносил Зубатов, «с которыми находилась в связи наблюдаемая А. С. Карасева, к принятию следственных действий по отношению ее в настоящее время препятствий не усматривается».

В чем же дело? Почему в действительности Зубатов пожертвовал теперь Карасевой, которую он не позволял трогать жандармам три месяца тому назад?

Очень просто: потому, что в это время Карасева отстранилась от непосредственного участия в деле «организуемой типографии» и передала его в руки другой приятельницы охранной «Мамочки»: им занялась А. М. Лукашевич...

КРУЖОК «ОРЛОВЦЕВ» И ДРУГИЕ «ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЛА».

В ночь на 1-X—98 г. в г. Орле был арестован семинарист В.К.Родзевич-Белевич; по обыску у него отобрали брошюры издания заграничного Союза русских с.-д. и Киевского к-та Рос. с.-д. р. п. Одновременно у Родзевича нашли письмо на имя А. Смирнова, в котором он писал между прочим: «Потрудитесь как-нибудь об'единить Ф. Краснохолмского с новыми лицами. Для них мною оставлено на 3 р. 75 к. литературы. Деньги на имя С. Дубровинского (адрес) или Ал. Вас. (Ильинского) поскорей. У Команецкого наши книжки легальные—надо бы возвратить. Кроме того, предвидятся ассигновки из земляческой кассы. Поддержите Эйгесов, Трубчинского, Москвитина и других. Оставляю вам письмо на имя Савинова, передать лично, или через Славскую, или Коноплянцева».

На запрос нач-ка Орловск. г. ж. у. об упомянутых в письме лицах, Московск. охр. о., следуя своей обычной тактике, ответило, что выяснить никого не удалось (хотя все были установлены). Однако, орловские жандармы сами дознались, о ком писал Родзевич-Белевич, и 19-IX потребовали арестовать В. В. Савинова и А. И. Смирнова, а также обыскать К. и В. Эйгес, О. Г. Славскую, А. М. Коноплянцева и В. И. Команецкого, а также А. В. Крымова (бывшего рабочего типографии газеты «Орловский Вестник»). Как ни хотелось Зубатову поберечь «в интересах розыска» главаря Орловского землячества А. Смирнова, но пришлось распорядиться о производстве просимых «следственных действий», что и было выполнено 26-X—98 г. без особых, впрочем, результатов.

Несколько ранее—7-X—был обыскан по тому же делу о Родзевиче-Белевиче негласноподнадзорный М. П. Русанов, у которого нашли брошюры «Задачи русской рабочей партии» (1898 г.) и «Основы социал-демократии», в виду чего он был арестован и отправлен в г. Орел, где его скоро освободили.

В том же октябре месяце Московск. г. ж. у. запросило сведения о К. М. Острове, являвшемся крупнейшей фигурой в кружке орловцев, в котором тогда преобладали соц.-дем. тенденции. Охр. о. сообщило генералу Шрамму, что Остров «давно известен своей политической неблагонадежностью и предосудительными знакомствами»; в XI—96 г. он участвовал «в демонстративных сборищах» (студенческих); 13-III—97 г. имел свидание с Н. Н. Сорокиным, удаленным потом из столицы. 22-III—97 г. сожитель Острова А. В. Ильинский был задержан на собрании у Медведевых; одновременно был арестован и Остров, у которого по обыску были обнаружены гектографированные брошюры «Коллективизм» Гэда и «Предисловие», трактующее о связи революционного движения прежнего времени с начинающим преобладать ныне социал-демо-

кратическим направлением; по этому делу Остров был исключен из университета с воспрещением жительства в столицах, столичных губерниях и университетских городах. К числу знакомых Острова принадлежали: И. Ф. Дубровинский, П. Н. Быков и братья К. и Е. Эйгес.

Наконец, 4-XII—98 г. был обыскан, вследствие требования Орловск. г. ж. у. (тоже по д. Родзевича-Белевича), только-что упомянутый К. Эйгес, у которого обнаружили рукопись «Манифест Коммунистической партии» и заметки по рабочему вопросу; сначала он был арестован, но 15-XII его освободили ([8]).

В заключение отмечу еще несколько фактов, хотя они и имеют косвенное отношение к жизни московских революционных организаций.

21-VIII—98 г. содержавшийся в Одесской тюрьме И. Корнблюм был подвергнут заключению в одиночном карцере за переговоры через окно с другими арестантами, при чем обыском за подкладкой его пиджака были найдены два письма, адресованные: «Здесь, Успенская ул., д. Инберга, кв. 10, Исааку Гитину» и «Ст. Одинцово Московской губ., дача Бровкина, Павлу Васильевичу Балашеву, для Бр. Аб.». Первое письмо было зашифровано, но содержание его имело частный характер, а второе было написано арестантом М. Гохбергом, привлеченным к дознанию о распространении в Одессе 19-IV—98 г. первомайских воззваний.

Адресуясь к «дорогой Бронтюс», Гохберг писал: «Ты, зная меня, имела основание отнестись недоверчиво к моему спокойному, бодрому состоянию. Бороться нужно до тюрьмы, а, попав сюда, нужно петь песни... 10 с. м. освободили студента и девицу, которые сидели по моему делу. В виду найденных у меня прокламаций и гектографа я не мог отрицать обвинения и на первом допросе заявил, что я гектографировал и расклеивал прокламации, а студент и девица участия не принимали. За нами тремя здорово следили шпионы, знали каждый шаг. Единственной уликой против Б. и Ю. было то, что они пришли ко мне в пятницу в 1 ч. дня (а в субботу ночью я расклеивал прокламации) и пробыли весь день, при чем Б., по словам шпиона, принес какой-то сверток. Заподозрили, что прокламации писал Б., а когда я заявил, что писал сам, мне предложили написать так же красиво, но я отказался, ссылаясь на волнение. Когда я доказывал, что Б. не мог принимать никакого участия, то, истощив весь запас аргументов, довольно голословных, я прибавил: «да что может быть общего между сионистом и социал-демократом!..». Кажется, что мне удалось Б. отстоять, да он и сам давал хорошие показания—его и выпустили без залога, а девица, кажется, маленько пострадает».

Давши, таким образом, невольно в руки жандармов документальное опровержение своих показаний, Гохберг во второй части письма разоблачил еще местные тюремные порядки. «Теперь пока лето

и окна сняты,—писал словоохотливый арестант,—можно отправлять и получать письма из города через уголовных... Я в этом письме должен быть краток—пишу и прислушиваюсь, не подобрался бы жандарм... Частенько разговариваем через окна, посылаем кому нужно записки, даже в женскую тюрьму. Меняемся даже подчас книгами, но все услуги обходятся дорого. Обращение с нами чрезвычайно вежливое. Я здесь прочел Зибера, Тайлора, Сеньобоса, Михайлова («Ассоциации»)... При пропуске они, кажется, ничем не руководствуются, кроме каприза и настроения духа: так, Ковалевского («Происхождение семьи») не хотели пропустить, а Михайлова, Волгина и др. дали... Привет сестре и Пав. Вас...».

По справкам оказалось, что П. В. Балашев, состоявший под н. н. п. и под наблюдением, действительно жил на даче в с. Одинцове с женой своей, сестре которой, Берте Абрамовне, и предназначалось письмо Гохберга.

Позднее возникло еще одно дело, связанное с Петербургом. 10-XII—98 г. д. п. обратился в Московск. охр. о. с запросом по следующему поводу: в конце октября или начале ноября к курсистке М. М. Прусс в Петербург приезжал из Москвы некий «Михаил Федорович» (женатый, окончил курс Московск. ун-та, сидел в тюрьме по политич. д.), который у нее имел свидание с рабочим К. С. Григорьевым, «вращающимся в противоправительственных кружках». Выяснить этого «интеллигента» охране не удалось.

Зимой 98 года появилась в Москве Е. Н. Адамович, старая социал-демократка, состоявшая в это время под н. н. п.; она хлопотала о допущении ее к преподаванию в 5-й Московской женской воскресной школе при Невском свечном заводе, но охр. о. воспрепятствовало этому, ссылаясь на то, что Адамович «имеет обширные связи среди местной революционной молодежи».

И еще несколько «политических дел», возникших в 1898 году, но особого развития не имевших.

В начале января помощник нач-ка Московск. г. ж. у. в Серпуховском и Подольском уездах разыскивал в Москве, но безуспешно, И. П. Тимофеева, бывшего слесаря на заводе Московского акционерного общества, который подлежал аресту по делу о распространении нелегальных воззваний и брошюр. В том же январе другой помощник ген.Шрамма(в Можайском уезде) просил Московск. охр. о. обыскать рабочего П. С. Рожкова, которого в столице не оказалось.

В конце августа рабочий московского завода Дютфуа Семеновский представил полиции «истрепанную» (хороший признак) гектографированную бр. «Для чего рабочим нужна касса и как ее устроить» (Москва, 96 г.) и мимеографир. воззвание «К московским рабочим» (о петербургской стачке 97 г.), которые он нашел в мастерской (в шкафу). Виновные обнаружены не были.

Два других добровольца—Давыдов и Кольцов—доставили жандармам гектографиров. листки, разбросанные 2 и 8 мая по ремонтируемым вагонам железнодорожных мастерских в г. Калуге. Воззвания, оттиснутые на полулистах писчей бумаги, были обращены к «Рабочим вагонного цеха Калужских мастерских»; содержание их было следующее: рабочим надеяться не на кого, «кроме как на самих себя»; они должны давать эксплоататорам дружный отпор «стачкой» и требовать: 1) повышения расценок вдвое и установления их для каждой вещи отдельно; 2) прекращения сверхурочных и праздничных работ; 3) удаления мастера Отто и «шпионов Моршакова, Кулешова и Борневского, которым начальство платит деньги за их подлые доносы». Затем воззвание рекомендовало рабочим: не принимайтесь за работу, пока не удовлетворят; ведите себя спокойно; будьте дружны; если кого арестуют или уволят, не беритесь за работу, пока не вернут пострадавших.

Департамент полиции предполагал, что калужские воззвания были отгектографированы в Москве, но подтверждения этой гипотезе не нашлось.

В мае же месяце возникло еще одно политическое дело: полиция донесла охр. о., что сверлильщик от Бромлея И. Ф. Петров «распространяет слух о том, что на заводе есть агенты сыскной полиции».

Дерзкого смутьяна схватили, доставили в охранку и допросили по всем правилам следственного искусства.

«Портерщица это наговорила!»—признался перепуганный распространитель «злонамеренных» (но вполне правдоподобных) слухов.

«К делу»,—пометил на переписке о Петрове удовлетворенный Зубатов.

РАБОЧИЕ И «ПОПЕЧИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ».

Если Зубатову часто удавалось подставить агентурную ножку ненавистному «интеллигенту» и неопытный пропагандист, споткнувшись, после первых же неуверенных шагов падал в крепкие об'ятия рослых полицейских надзирателей охраны, то гораздо труднее обстояло дело с агитаторами, выраставшими из самой гущи трудовой массы, охваченной глубоким, все нараставшим недовольством. И еще труднее было справиться с самой трудовой массой, так как никакой, даже самый искуснейший «розыск», никакие хитроумнейшие агентурные подвохи не могли оказать противодействия вышедшей из потенции, самодовлеющей силе рабочего движения.

1898 год был особенно богат выступлениями индустриального пролетариата, индивидуальными и коллективными—иногда в очень крупном масштабе, которые доказывали, что для него наступил уже «l'age de raison».

Царское правительство начинало сознавать, что время патриархальных отношений между «наемниками» и «работодателями» без-

возвратно минуло; оно сделало даже под давлением событий попытку несколько урегулировать их взаимоотношения, но сделало это, следуя бюрократическим традициям, в полумеру, так, что еще более обострило у рабочих чувство неудовлетворенности.

Применение закона 2-VI—97 г. о рабочем дне вызвало такую массу недоразумений, что департамент торговли и мануфактур вынужден был командировать в II—98 г.[1] своего чиновника, инженера-технолога С. Астафьева, для ревизии деятельности чинов фабричной инспекции и для выяснения конфликтов, возникших в губерниях Московской, Рязанской, Костромской и Ярославской, на почве применения неудачного закона.

Московская администрация, вернее—«отделение по охранению порядка и общественной безопасности», возглавляемое Зубатовым, заняло в деле разрешения рабоче-хозяйских «недоразумений» совершенно особую позицию.

Зубатов был достаточно умен для того, чтобы понять, что с одними филерами и провокаторами, казаками и «молодцами-фанагорийцами» рабочего движения не одолеть. Для того, чтобы голодного и обездоленного пролетария не завлекал в свои сети подпольный агитатор, нужно, думал Зубатов, чтобы власть по отношению к «рабочей скотинке» была «благожелательной» и «попечительной». Руководствуясь этими соображениями, Зубатов, с ведома благоволившего к нему обер-полицеймейстера Трепова—ставленника «августейшего» генерал-губернатора, начал производить первые опыты «полицейского социализма», которые вылились позднее в целую систему, нашедшую себе место в истории под именем «зубатовщины» (ей придется посвятить особую главу).

На ряду с усмирительными камерами Бутырской тюрьмы отец провокации решил завести «примирительную камеру» при полиции; пользуясь тем, что охране «законы не писаны», Зубатов начал вмешиваться во все более или менее крупные конфликты, возникавшие между рабочими и «хозяевами», стал поручать подведомственным ему чинам производить особые расследования о фабрично-заводских непорядках, стараясь, не без задней мысли, конечно, демонстрировать отеческую заботу начальства об экономических нуждах «рабочего класса» и строго карая в то же время всякую агитацию, в особенности политического характера.

Чуть ли не первым актом «попечительной власти» было вмешательство ее в «недоразумение», возникшее на почве неудовлетворения религиозных потребностей рабочего.

«14 января на чугунно-литейном заводе акционерного общества Густава Лист,—докладывал Трепов генерал-губернатору,—рабочими было проявлено некоторое волнение, выразившееся в самовольном оставлении работ. Сообщая об этом местному приставу, администрация завода просила об удалении с завода двоих рабочих, кои, будто бы, подбивали других к оставлению работ. Наличность полу-

ченных такого рода сведений вызвала необходимость выяснения самой формы забастовки, а в частности—поведения двоих рабочих, указанных администрацией завода. При этом расследованием, между прочим, было выяснено, что недовольство рабочих было вызвано тем, что администрация завода отказала им в чествовании тех дней, кои по обычаю ими праздновались (дни эти не были помещены в правила внутреннего распорядка и, независимо сего,—что новые правила распорядка были вывешены вместо 15 декабря лишь 13 января».

Результаты расследования были сообщены старшему фабричному инспектору, который 4 февраля уведомил о последовавшем утверждении инспекцией добавления к правилам внутреннего распорядка «дней, чтимых рабочими».

На той же почве регламентации рабочего времени возникло «брожение» на мануфактуре Гюбнера. Администрация фабрики вывесила новые правила на 12 дней позднее, чем следовало, и без предварительного утверждения их фабричным инспектором. Рабочие решили 2-I выразить протест—итти на обед не посменно, как требовалось, а всем одновременно, и кончить работу не в 7, а в 6 ч. вечера, что и сделали.

«В виду такого поведения рабочих и принимая во внимание вышеуказанное упущение фабричной администрации,—доносил д. п. исполнявший обязанности обер-полицеймейстера Яфимович,—мною, по соглашению с фабричной инспекцией, было признано необходимым: обязать администрацию фабрики немедленно, в ночь с 2 на 3 января, вывесить в спальных об'явление, что рабочая плата останется помесячной, с соответственной прибавкой за сверхурочную работу, потребовать окончания работы в те часы, которые обозначены в правилах; считать за забастовку окончание работ 3 января, в субботу, ранее установленного времени и учинить забастовавшим расчет 5 января, в понедельник, до выхода их на работу, так как расчет в присутствии военной силы сочтен неудобным из опасения возбудить брожение рабочих на примыкающих фабриках.

«Утром 3 января, по принятии вышеуказанных мер, рабочие не вышли в установленные часы на работу, но окончили ее своевременно. Таким образом, за удовлетворением законных требований рабочих, происшедший инцидент разрешился благополучно»...

На самом деле инцидент разрешился совсем не благополучно. Несмотря на констатированное «упущение фабричной администрации» и на признанную законность требований рабочих, полковник Яфимович нашел, что, так как «своеволие выразилось в достаточно рельефной форме, то поведение забастовщиков не могло остаться без обследования и взыскания»... В этих целях 5 января были арестованы и обысканы 20 человек рабочих, «замеченных администрацией фабрики и полицией».

После расследования, которое произвел помощник Зубатова ж. ротмистр Сазонов, из числа задержанных были выделены 7 рабочих, «проявивших наибольшую энергию в деле поддержания беспорядков»; по соглашению с товарищем прокурора Московск. окр. суда Коротким, решено было ходатайствовать перед министром вн. дел о воспрещении им жительства в столицах. Виновность этих «зачинщиков» была формулирована таким образом:

В. А. Кобозев «первый подошел к директору и завел разговор о расценке».

А. В. Галкин «останавливал рабочих, а когда подходил мастер, то старался незаметно стать к машине».

И. Н. Николаев обратился к своим товарищам рабочим, уговаривая их не ходить посменно обедать «и вообще выделялся своим криком и шумом».

И. И. Пыжилов «кричал при фабричном инспекторе, чтобы рабочие становились не в $6^1/_2$, а в 7 ч. утра».

Н. Т. Титов «ходил из красильного отделения в набивное спрашивать тамошних рабочих, будут ли они обедать все вместе или отдельно».

А. Е. Кулаков «выражал в спальне протест фабричному инспектору, выдавая себя за уполномоченного рабочих».

И. В. Меркулов «на допросах арестованных рабочих роль его осталась невыясненной в деле беспорядков, но впечатление от разговоров с ним получилось самое неблагоприятное»...

Таково было «своеволие, выразившееся в рельефной форме», за которое семи рабочим была уготована высылка.

Что касается остальных 13-ти арестованных, то «было признано желательным ограничиться выдержанием их под стражей по охране в течение двухнедельного срока». (9)

За что, собственно? Ведь против них не имелось даже и таких смехотворных обвинений, какие были пред'явлены «зачинщикам».

Может быть, на чистенького ротмистра произвели «неблагоприятное впечатление» их корявые, мозолистые руки?..

Новогодние сюрпризы продолжали сыпаться, как из рога изобилия.

2-I—98 г. московский губернатор сообщил Трепову, что в Богородске на фабрике Зотова 80 рабочих забастовали; в силу циркуляра (знаменитого—«семякинского») от 12-VIII—97 г. за № 7587, рабочих этих рассчитали и с проходными свидетельствами (так назыв. «волчьи билеты») удалили на родину; некоторые из них направились пешком в Москву с целью подать жалобу генерал-губернатору.

Для встречи гостей охр. о. командировало к Покровской заставе «почетный караул» в составе нескольких полицейских надзирателей, которые и встретили 3 января 4-х «ходоков»: П. Андреева,

С. Порохова, С. Михайлова и М. Бычкова; охранные кавалеры предупредительно усадили усталых и опешивших от столь торжественной встречи «зотовцев» и доставили их в д. 5 по Большому Гнездниковскому пер.—в охранку, где ротмистр Ратко, отличавшийся изяществом манер и чрезвычайной обходительностью, вступил с ними в дружескую беседу.

«Ходоки» откровенно поведали свое горе. Забастовка на фабрике П. С. Зотова была вызвана внутренними непорядками: об'явление о новом распределении рабочего дня вывесили только 29-XII—после возвращения рабочих из деревни с праздников; ткачам приходилось самим проделывать «присучку» и «затравку»—без особой платы (на других фабриках на то есть особые рабочие); за «основой» приходилось ходить из-за Клязьмы в контору, помещавшуюся в городе; плата выдавалась раз в месяц, тогда как, по закону от 3-VI—86 г. (п. 12-й), расплата должна была производиться каждые две недели; затем, хотя рабочий день по новому закону и сократили на час, но рабочие лишились зато 30 минут «чаевых», местных праздников и права кончать работу по субботам в 6 ч. вечера.

29-XII, рассказали далее «ходоки», выбранный рабочими староста Егор Елизаров изложил выработанные требования управляющему фабрикой В. А. Жаворонкову, который передал их «жалобу» хозяину, а тот предложил недовольным «расчет»; так же решил дело и фабричный инспектор Лялин.

В Москву «зотовцы» пришли, по их словам, чтобы «призанять у родственников деньжонок», дабы продолжать путь на родину (все они из Малоярославецкого уезда).

«Прибывшие более суток оставались без пищи»,—занес под конец в протокол опроса ротмистр Ратко.

Задержанных отпустили, рассказанное ими сообщили в д. п.

А «ходоки», надеявшиеся, что их пошлют «этапом», а в тюрьме накормят, пошли искать «деньжонок» и думали, опечаленные:

«Когда не следует—в каталажку сажают. А когда дюже хочется под арест—не берут!..».

— Вот и угоди на них!—могла сказать «благожелательная власть»...

Задача последней была, действительно, не из легких: надо было заботиться о том, чтобы и волки были сыты и овцы целы. Когда, например, в Иваново-Вознесенске забастовало около 10.000 рабочих и бежавшие с поля битвы администраторы Морозовской мануфактуры обратились к московскому генерал-губернатору с покорнейшей просьбой расположить (не на время, а на-постоянно!) около фабрики две роты солдат,—«попечительная» власть, блюдя интересы рабочих, в этом домогательстве фабрикантам, разумеется, отказала и ограничилась лишь тем, что послала 1-I—98 г. в Иваново-Вознесенск... две сотни казаков...

МОСКОВСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ ЗАГОВОРИЛ.

Прошу читателя запастись терпением: на этот раз моя хроника рабочего движения (за 1898 г.) будет особенно длинна и по своему однообразию, может быть, и скучновата. Но сократить ее не решаюсь. Для меня забастовка полдюжины ткачей из-за какой-нибудь «присучки» или «затравки» представляется не менее значительным событием, чем появление нового листка от имени какого-нибудь «союза-пятка» изнывающих в догматическом одиночестве интеллигентов.

В первой половине января имело место еще несколько «недоразумений», возникших тоже из-за нового распределения рабочего дня.

2-I из 150 рабочих кружевной фабрики Эрмен к 6-ти часам утра явились на работу лишь 5 мужчин и 20 женщин; фабричный инспектор Бубнов явился раз'яснять новый закон, и рабочие успокоились. «Подстрекатель» А. Тихонов был арестован, но, «в виду выяснившейся безвредности», вскоре освобожден.

7-I подтукмашники фабрики А. Корнилова заявили, что не желают работать на 2 смены; фабричный инспектор об'яснил, что недовольные через две недели могут получить расчет; рабочие смирились.

9-I слесаря мастерской Шабарова (до 80-ти человек) обнаружили недовольство новым распределением рабочего дня: прежде работали с 7 ч. утра до 7 ч. в., имея 1 ч. отдыха, ныне—с 7 до $7\frac{1}{2}$ ч. с перерывом в $1\frac{1}{4}$ ч.; они были также против введения помесячного расчета (вместо 2-недельного) и отказались подписать расчетные книжки. Рабочие А. Ефимов, М. Широков и В. Грачев пошли в качестве депутатов жаловаться фабр. инспектору Федорову, но тот, явившись в мастерскую, стал уговаривать хозяина «не сдаваться»; депутаты обругали за это Федорова (будто бы), и их отправили для вразумления в полицейский участок.

13-I рабочие завода М. Ефремова: Е. Бубнов, М. Пирогов, В. Голубев, Н. Сенин, Г. Громов, Б. Крючков, И. Крылов, С. Васильев и А. Самохин заявили претензию на то, что к 10-ти рабочим часам прибавили 30 минут на сбор по звонку и на мытье рук. Хозяин струсил и уступил.

12-I рабочие велосипедной фабрики Меллера «проявили волнение». Явился фабр. инспектор и раз'яснил рабочим «неверно ими понятые правила внутреннего распорядка»; рабочие встали на работу. При этом «полицией от администрации фабрики были получены сведения о вредном влиянии одного из рабочих на своих товарищей не только фабрики Меллера но и других». Агитатор почему-то остался без воздействия. Не была ли тут замешана агентура Зубатова?

8-I отказались работать 34 рабочих красильной фабрики И. Пухова, требуя прибавки или расчета; получили последний.

Затем начались «недоразумения» из-за заработной платы и других нужд рабочего обихода.

Ткачи суконной фабрики Кудряшевых М. Байдаков и М. Шумов подали фабр. инспектору Федорову «прошение» о повышении заработной платы на 10% и о том, чтобы расценивать не с кусков, которые неодинаковой длины, а с аршина; они просили еще о том, чтобы доставка воды на довольствие рабочих производилась за счет хозяина, а также об увольнении артельного старосты—поставщика продуктов. Фабр. инспектор настоял на прибавке 8% и уладил вопрос о воде. Но за «подстрекателей» Байдакова и Шумова, которых хозяин уволил, не заступился.

15-I на коробочной фабрике Фландена 11 рабочих забастовали, жалуясь на то, что коробки, которых долго не отправляют, портятся, почему их приходится переделывать безвозмездно, а плату хозяин понизил до 16 р. вместо прежних 9 р. при харче и квартире, что давало на 2 р. больше. Фабр. инсп. Мусатов заставил хозяина платить за переделки, а то, что рабочие на жилье и продовольствие стали получать только 7 р. (!), оставил без внимания.

27-I на суконной фабрике Пункса и Беренгофа вывесили об'явление о том, что «во избежание прогула, вследствие несвоевременной доставки шерсти, работы прекращаются». Афишку сорвали; тогда вписали то же самое в рабочие книжки. Рабочие обратились с жалобой к фабр. инсп., требуя продолжения работ до 25-III; Пункс согласился продлить до 10-III но, обозлившись, решил прекратить 15-II. «Настроение рабочих угрожающее,—доносил пристав местного участка,—собираются устроить скандал. Зачинщики: Е. Е. Булыгин, М. Г. Авдонин, П. Д. Петров»... Дело кончилось миром.

19-II директор Невского свечного завода Гибсон заявил полиции, что кочегар С. А. Нестеров «подговаривает рабочих потребовать повышения платы или устроить забастовку» и что, вызванный в контору завода, он «с нахальством» заявил: «я знаю лишь фабричного инспектора»; оказалось, что последний (Мусатов) уже говорил с Нестеровым, но тот остался «непреклонным» и расчет получить не пожелал. Гибсон, опасаясь, что кочегар испортит котел, согласился уплатить Нестерову помимо жалованья еще за две недели, но упрямый рабочий ответил, что «с ним поговорит, когда захочет, а пока 2 недели имеет право оставаться на работе». Тогда Нестерова с городовым отправили в участок, где его «смирили», и он согласился взять расчет. «Вообще Нестеров,—доносил местный пристав по этому случаю,—личность, вовсе неподходящая к московским рабочим»...

25-II на заводе бр. Бромлей обрубщики в числе 30-ти человек обратились к помощнику заведывающего заводом с требованием увеличения сдельной платы, а когда им в этом было отказано,—рабочие прекратили свои занятия и ушли с завода. 27-II избранные

артелью обрубщиков рабочие подали от ее имени заявление обер-полицеймейстеру, в котором изложили свои претензии на невыдачу им заводской администрацией сдельной книги и на то, что их заставляют исполнять без особой платы работы, не указанные в правилах внутреннего распорядка. Заявление обрубщиков было того же числа сообщено фабричному инспектору, который затем уведомил, что требования рабочих Бромлея удовлетворены и что «указанные ими некоторого рода непорядки на заводе существовали только потому, что рабочие до сего времени не жаловались на них»...

Из ответа старшего фабричного инспектора по делу бромлеевцев видно, что полицейское вмешательство в сферу фабрично-заводских распорядков уже начало стеснять представителей министерства финансов; их стало задевать то, что жалобщики шли не к ним—официальным арбитрам,—а в полицию.

Мы видели, впрочем, как фабричная инспекция заботилась о нуждах своих подзащитных, советуя хозяевам «не сдаваться», как она вступалась за них, только понукаемая треповской палкой. Немудрено, поэтому, что рабочие охотнее направлялись со своими претензиями в участок, чем к фабричному инспектору; беззащитные, они решались искать заступничества даже у своих злейших врагов.

25-II, например, в охр. о. пришли ткачи А. Хренов и К. Баранов с жалобой на своего хозяина—Ш. Зак, на фабрике которого по случаю прогула, вызванного порчей котла (не по вине рабочих), им выдавали только 40 коп. суточных, при чем, после уплаты 9 к.—шпульнику, 1 к.—за отопление, 17—за харчи, у них на все остальные потребности оставалось всего 13 коп. Зубатов поручил ротмистру Ратко составить протокол о заявлении ткачей и направить его к старшему фабр. инспектору. Федоров на это ответил: Зак по регламенту прав.

Слава о Трепове—покровителе рабочих—заметно росла в среде темной фабрично-заводской массы. Так, например, рабочие фабрики Шульц-Шуберт подали 26-II об.-полиц. безымянную челобитную, в которой просили его, как «заступника угнетенных», «обратить благосклонное внимание на бедный рабочий люд» и, в частности, на них, так как Шуберт, по неимению средств, прикрывает фабрику и они остаются без работы. Трепову удалось уговорить Шуберта произвести расчет тремя неделями позднее; двое рабочих, О. Корчашкин и Огурцов, остались недовольны, скрылись, было, но их разыскали, доставили в охранку и усовестили.

Того же 26-II на имя Трепова поступило другое анонимное заявление, в котором его просили обратить внимание на то, что в пекарных заведениях по 16—30-ти малолетних работают 11½ часов и более, без отдыха. На сообщение об этом фабричная инспекция ответила, что сделано распоряжение о подчинении, где требуется, пекарен действию фабричных правил.

В качестве «заступника угнетенных» Трепов со своим «благожелательством» забегал иногда вперед, не дожидаясь, когда рабочие проявят «беспокойство». Так, 4-III он писал, напр., Федорову:

«Администрация завода Лист имеет намерение учинить расчет 2-го апреля, выдав заработную плату не по 1-е число этого месяца, а по 22-е марта...

«Принимая во внимание, что праздники рождества христова и св. пасхи являются для рабочего люда самыми светлыми и радостными днями, когда для него дорога каждая копейка, и то обстоятельство, что всякий сколько-нибудь несправедливый расчет с рабочими может, как это свидетельствуют примеры недавнего прошлого, вызвать среди них беспорядки,—было бы желательно своевременно устранить причины, могущие повести к каким-либо недоразумениям в этой сфере.

«В виду вышеизложенного имею честь просить ваше высокородие сделать соответствующие распоряжения подчиненным вам органам о наблюдении за вполне правильным предпраздничным расчетом с рабочими на фабриках и заводах и мирным соглашением интересов той и другой стороны»...

В каком же виде достигалось это «мирное соглашение»? Мы сейчас увидим. 14 рабочих фабрики С. Саксе принесли жалобу на то, что им неправильно записывают прогулы и штрафы (в большей сумме); употребляют их кухара на посторонние ему работы; что хозяйка пользуется помоями артельной кухни и пр. 23-III фабр. инспектор произвел расследование и признал основательными претензии рабочих почти по всем пунктам. А 1-IV рабочие фабрики Саксе П. Чернов и М. Пушкин заявили через охр. отд. жалобу на то, что 26-III они ходили, по поручению артели, к фабр. инспектору узнать решение дела, а хозяин оштрафовал их за прогул. Инспектор принял сторону фабрикантши и лицемерно ответил: оштрафованы потому, что «принесение жалобы не могло занять целого дня».

28-III ткачи фабрики Сходневой В. Камзолов и Д. Спиридонов подали обер-полиц. жалобу на то, что их рассчитали по 25 коп. за кусок вместо 28 к. и не додали: одному—44 р. 95 к., а другому—27 р. 85 к. На запрос Трепова фабр. инсп. Бубнов ответил: табель висела старая и потому (!) претензия не основательна; тем не менее оказалось еще, что рабочим были записаны лишние штрафы за прогулы: Спиридонову—4, а Камзолову—2...

Соломоны министерства финансов в тех случаях, когда нельзя было спрятаться за формалистику регламентов, направляли жалобщиков в суд, прекрасно понимая, что заниматься тяжбами рабочему не под силу.

Ткач К. Одинокий с фабрики Буш и Саксе заявил обер-полиц. 23-III, что за два месяца работы его переводят на 4-й станок, при чем он терял много времени на заправку и приведение работы

предшественника в порядок, а вознаграждения за потерянное время ему не давали. На соответствующий запрос стар. фабр. инспектор ответил: предлагал, по соглашению с фабрикантами, Одинокому вознаграждение в 65½ коп. (!), он отказался и ему предложено обратиться в суд.

Другой рабочий той же фабрики С. Мозгов подал 30-III заявление обер-полиц. о том, что хозяева оставили его на работе, при условии, если он признает долг им в 2 р. 50 к.; «не зная долга вовсе, но нуждаясь в работе», он согласился, а потом его все же разочли под благовидным предлогом—за грубое обращение с мастером и притом—несправедливо: за неделю до срока найма. Фабр. инспектор направил Мозгова в суд.

С. Грибов с фабрики Савостьянова заявил 24-III обер-полиц. жалобу на неправильный расчет (ему, между прочим, не доплатили за переработку 3-х вершков в 173 платках); фабр. инспектор уведомил Трепова, что соглашения не последовало и Грибов направлен в суд.

Но и с мировым судьей рабочему было не легче. Вот картинка.

5-V рабочий иконостасной фабрики Ахапкина подал обер-полиц. заявление о том, что хозяин ему был должен за прошлый год 12 р. 60 к. и еще за декабрь—7 р. 20 к.; последние деньги ему заплатили потом, но не додали 90 к., а когда он жаловался фабр. инспектору, то 90 к. отдали, но столько же и вычли «за прогул» того дня, когда он ходил жаловаться инспекции. Относительно 12 р. 60 к. рабочий подал иск мировому судье, но тот сказал: «пока работаешь—обращайся к инспектору или принеси удостоверение в том, что он не счел себя в праве решить это дело». Инспектор же послал жалобщика к судье, заявляя, что никаких удостоверений дать не может. А из разговора инспектора с хозяином рабочий узнал, что старые расчетные книжки сожжены. Охр. о. посоветовало измыкавшемуся истцу еще раз пойти к фабр. инспектору и к судье...

Но были, разумеется, случаи, когда не удовлетворить требований рабочих было нельзя. Бронзовщики, напр., с фабрики Шнейдера жаловались 9-III на неаккуратную уплату заработных денег; охр. о. препроводило заявление рабочих фабр. инспектору, который сообщил потом, что выдача произведена, а фабрикант, уже подвергавшийся штрафу в 100 р., снова опротоколен.

18-III рабочий зеркальной фабрики Кемна П. Степашкин подал обер-полиц. заявление о том, что 2-III он расшибся и не работал, а на следующий день приказчик послал его за это «гулять» на неделю, как принято в подобных случаях делать на этой фабрике; он потребовал расчета—отказали, а потом уволили, но не уплатили добавочных за письменные и праздничные работы. Фабр. инспектор обязал Кемна расплатиться и ввести у себя фабричные правила.

19-III А. Тимофеев, рабочий фабрики Добржиановской, подал заявление ген.-губ., жалуясь от имени товарищей, что, хотя фабр.

инспектор признал расчет с рабочими на двух станках, как за один, неправильным, но ничего не сделал; на запрос Трепова инспектор поспешил уведомить, что за отсутствием расценка для парных станков хозяин оштрафован и правила расчета изменены.

По примеру своего принципала стали проявлять политику «благожелательства» даже чины участковой полиции. Так, пристав 1-го уч. Лефортовской части донес 13-III Трепову, что на фабрике Корякина не введены расчетные книжки нового образца, нет хожалых, за прописку документа берут 10 к., за больничные контрамарки по 5 к. лишних. Фабр. инспектор Бубнов выступил с наивной защитой фабриканта, утверждая, что хожалых не полагается, а «за прописку берут столько потому, что нанимают паспортиста и пр., сами же хозяева не пользуются».

Как-будто не подлежало сомнению, что писца содержать были обязаны рабочие!

Блестящими образчиками «попечительной» политики охр. о. могут служить два дела, возникшие все в том же марте месяце; я приведу официальное описание их, чтобы сохранить неприкосновенными черточки, метко рисующие некоторые стороны дореволюционного быта московских рабочих.

«6 марта рабочий кондитерской фабрики Сиу и К° Н. Палатко заявил полиции, что его с фабрики уволили по следующему случаю: 4-го числа того же месяца, во время обеда рабочих в общей столовой, заявитель обнаружил в рыбных щах присутствие куска сварившейся мыши, что видели и другие, переставшие вследствие этого есть; а за ужином рабочие выразили вновь неудовольствие, требуя себе больше каши и указывая, что в ней замечается песок. Вследствие сего заявления помощником местного пристава, совместно с участковым фабричным инспектором и в присутствии полицейского врача, был произведен осмотр кухни и столовой и освидетельствована пища рабочих. Затем, в виду того, что полицией от фабричной администрации были получены сведения об увольнении с фабрики некоторых рабочих за буйный характер и за то, что они своим поведением вызывали к неудовольствию и возбуждали других,—было произведено расследование, коим выяснено, что двумя рабочими действительно был обнаружен в щах кусок, похожий на разваренную мышь, но удостоверить этого не представилось возможным, так как присутствовавший при этом служащий при фабричной кухне «дядька» вырвал из рук рабочего найденный кусок и, бросив его на пол, растоптал ногами. Вызванный в охранное отделение, Луи Сиу об'яснил, что действительной причиной увольнения рабочих [1] была его догадка, что на фабрике «работает

[1] Уволены были: Н. Семенов, Я. Федотов и В. Гришин—те самые, которые выловили «кусок, похожий на разваренную мышь», и показали его «дядьке», предусмотрительно уничтожившему это «вещественное доказательство».

целая шайка», почему он и счел за лучшее избавиться от этих людей. В действительности же по расследованию оказалось, что никакой «шайки» здесь не было и Луи Сиу, признав себя компетентным в распознавании политической и нравственной благонадежности своих рабочих, присвоил себе такие права, которые предоставлены специальным правительственным органам, а своим денежным расчетом пренебрег все законом установленные порядки и формальности. Инцидент этот является весьма характерным с принципиальной стороны, как попытка фабриканта заменить личным усмотрением и денежной сделкой с рабочими законное направление рабочих претензий, в смысле передачи их на рассмотрение подлежащей власти. А так как хозяйские столовые для рабочих находятся в ведении фабричной инспекции и неудовольствие рабочих в данном случае подлежало ее рассмотрению и не могло быть. разрешено на почве найма, то о вышеизложенном было сообщено старшему фабричному инспектору отношением от 19 марта сего года за № 2442, при чем был высказан взгляд, что казалось бы справедливее, приняв на фабрику уволенных с нее рабочих, удалить того из служащих при фабричной кухне, который позволил себе не допускать рабочих пред'явить начальству найденный ими в пище посторонний предмет, показавшийся им мышью, и тем самым вызвал лишнее неудовольствие среди них и не дал возможности проверить справедливость жалобы рабочих.

«На последнее предположение обер-полицеймейстера со стороны фабричной инспекции никакого ответа не последовало».

Комментарии—излишни...

БОРЬБА ЗА ТРУДОВОЙ ГРОШ.

Другая история из практики благожелательной власти не менее знаменательна и столь же назидательна. Привожу, тоже текстуально, «справку» охр. о. об этом деле:

«19-го марта сего года рабочие льно-ткацкой фабрики Моносзон через своих доверенных подали прошение, в котором жаловались на крайне низкий заработок, большие вычеты и другие неправильности. Прошение это, при отношении от того же числа за № 3088, было препровождено старшему фабричному инспектору, который отношением от 23 того же марта за № 228 уведомил о том, что при расследовании этой жалобы выяснилось, что, действительно, заработок на означенной фабрике является, в сравнении с другими подобными ей, весьма низким, хотя работа и производилась по засвидетельствованному фабричным инспектором расценку. Что же касается вычетов, то, будучи включенными в правила внутреннего распорядка, они являлись законными, но, по сравнению с размером ежемесячного среднего заработка, для рабочих затруднительными. Для характеристики порядков на озна-

ченной фабрике может послужить хотя бы то, что здесь не имелось даже фабричного бака для воды, а администрация фабрики пользовалась водой из кухни артели рабочих, уплачивая ей за это лишь по 50 коп. в месяц; когда же на этой фабрике в январе сего года случился пожар, то рабочие принуждены были для гашения огня воспользоваться, за недостатком воды, принадлежащим артели квасом, при чем, когда рабочие после пожара обратились к заведующему о возмещении понесенных ими по сему случаю убытков, им было в этом отказано. Вычитая с рабочих на уплату поставщикам продуктов (артель ведет хозяйство самостоятельно) каждые две недели, заведующий фабрикой (еврей) позволял себе задерживать уплату по счетам поставщиков по 6 месяцев и более (долг доходил до 1.500 с лишком рублей), несмотря на то, что деньги эти составляли вычеты из заработка рабочих. Благодаря этим задержкам в уплате, поставщики доставляли рабочим продукты худшего качества и по более высокой цене. Принимая во внимание бедственное положение рабочих, заведующему было предложено участковым фабричным инспектором удовлетворить хотя некоторые желания рабочих, при чем заведующий нашел возможным: 1) записанный в книжки некоторых рабочих, по ошибке конторщика, за выданный для работы сорт товара по 15 к. за аршин (вместо табельной 12-ти) оставить по этой цене до окончания работы этой ткани; 2) за перебор артельной воды и израсходование кваса уплатить рабочим 34 рубля; 3) в виду малого заработка рабочих, а также установления вычета за квартиру среди зимы, т.-е. во время самого неблагоприятного для них времени, не производить его за время с 1-го января по пасху; 4) употребить все меры к тому, чтобы незамедлительно учинить расплату с поставщиками харчей и впредь задержек в этом не делать.

«Тем не менее эти меры отозвались на увеличении заработка в очень незначительной степени. Когда в субботу 28 марта наступил срок окончательного расчета, все рабочие от получения расчета отказались, так как большинству из них почти ничего не причиталось, а некоторые еще оставались должны за харчи и с них фабрика требовала уплаты. По поводу этого отказа рабочих получить расчет местный пристав, в присутствии участкового фабричного инспектора, составил протокол. При этом необходимо добавить, что те же рабочие, независимо вышеуказанного прошения, подали таковое же на имя его императорского высочества московского генерал-губернатора. Когда рабочим на последнее их прошение, на основании предложения его высочества, было об'явлено решение, согласно с теми условиями, которые установила фабричная инспекция, они согласились получить расчет».

Вмешательство охраны в фабрично-заводские распорядки не всегда вело к прекращению «брожения», но иногда наоборот— вызывало таковое. В конце мая, напр., рабочие Прохоровской

мануфактуры заволновались настолько, что начальство опасалось возникновения беспорядков; недовольство было вызвано поведением нового мастера И. Михайлова, который заменил другого—Гульшина, уволенного по настоянию охр. о. Михайлов слишком часто назначал штрафы; был настолько груб, что один рабочий, заступаясь за обруганную жену, бросился на мастера с подвесками (и был за это уволен). Михайлов вызывал искусственный простой станков, ввел месячный срок найма и т. д. 27-V ожидалось выступление рабочих, около фабрики были сосредоточены полицейские силы (до 200 человек)...

Предосторожности оказались напрасными: рабочие не поддались на провокацию. Но 25-VI все же 12 присучальщиков Прохоровской мануфактуры забастовали, жалуясь на малый заработок; инспектор уговорил их встать на работу, а фабриканта обязал: не принуждать к сверхурочной работе; вести учет ей; переделать расценки сообразно толщине основ, не принуждать присучальщиков обучать неумелых, не преследовать забастовавших и «обратить внимание на мастера Михайлова», хотя, как мы видели, внимание на него уже было обращено месяц тому назад, когда ради его безопасности потревожили 200 городовых.

После апрельского перерыва (пасхальные праздники) «недоразумения» начались снова,—на этот раз требования рабочих касались тоже заработной платы, уровень которой стоял так низко, что не покрывал прожиточного минимума.

22-V рабочие фабрики С. Саксе: Е. Сергеев, А. Николаев и С. Антонов подали обер-полиц. заявление, в котором об'яснили следующее. Сергеев: мне дали станок 95 с выработкой на вершок, которую, как неверную, распустил, вновь заправил и с 29-IV по 18-V выработал всего 1 р. 59 к.; потом перевели на лицевую, затем на № 47; я потребовал добавочной платы—не велели артели меня кормить. Николаев жаловался на то же: с пасхи пришлось переменить 3 машины. Антонов зимой вырабатывал 20 р., после пасхи—8 р. в месяц, а расход: квартира (при фабрике—нары)—50 к., харч (артельный)—5 р. 60 к., шпульнику—1 р. 60 к.; всего—7 р. 70 к.; на семью, подати и другие потребности оставалось 30 коп...

И еще хуже: с 18 по 21 выдавали «берд» и Антонову приходилось бездействовать; стал претендовать—отослали паспорт к фабр. инспектору (Котельникову). Пошли к последнему рабочие жаловаться—он послал их к старшему инспектору; были у Федорова—не дождались; явились к нему на следующий день—им сказали: нет разбирательства в этот день; вернулись на фабрику—не пустили; а паспорта—у инспекции...

Жалобу рабочих направили старшему фабр. инспектору, который уведомил: предложено рабочим обратиться к мировому судье...

Мне неизвестно, захотел ли судья подсчитать, сколько осталось у рабочих после всех этих мытарств от 30 коп., оставшихся у них

«на семью, подати и прочее»; возможно, что, как был тому пример, он направил жалобщиков опять к фабр. инспектору...

25-V заволновались рабочие на фабрике Саксе (не первый раз!), выражая недовольство на малый заработок, вызываемый низким расценком и частою сменой станков; по их словам (переданным полицейским приставом), «они не знают даже, с чем и как поедут домой к Петрову дню». Охр. о. сообщило об этом «брожении» фабр. инспекции.

9-VI семьдесят рабочих на заводе Гоппера отказались возобновлять условия с прежней платой; их разочли и наняли вновь 30. После этого явилось еще 100 человек с требованием прибавки. В. Гоппер предложил выбрать для переговоров по делегату от каждой мастерской; рабочие сделали это и стали на работу, а к этому времени явилась вызванная заводчиком полиция, которая от имени администрации заявила: прибавки не будет. 14 токарей в качестве протеста взяли расчет.

Но предприниматели не только не повышали нищенской заработной платы, а еще старались ее убавить. 7-VIII на этой почве возникло недоразумение на красильно-набивной фабрике Грессера, рабочие которой (81 человек) отказались работать и получить расчет в виду того, что хозяин (с согласия фабр. инспектора) понизил расценок, ссылаясь на «плохой сбыт товаров»; забастовка подействовала, и фабрикант обещал не изменять заработной платы еще 3 недели.

Возникало брожение в июле месяце и среди рабочих сборного и токарного отделений московских мастерских Брестской ж. д.; в числе 350 человек они устроили кратковременную забастовку, будучи недовольны новыми расценками. Согласно правилам, которые были введены после пасхи, сдельные рабочие имели право зарабатывать лишь полуторный оклад поденной платы; кроме того, были сделаны сбавки на некоторые предметы выработки в токарном отделении. Котельщики, токаря и слесаря потребовали повышения заработка, но начальник мастерских Серафимович и помощник его Гиккель—виновники стеснительных нововведений—ответили отказом. Движение развития не имело.

«Брожение» захватило не только фабрично-заводских рабочих.

Бастовали, например, 15-V каменщики, работавшие в здании Московск. технич. училища; они требовали сокращения на час рабочего времени, улучшения харчей и постройки барака для жилья. 1-VI бастовали 11 рабочих у бондаря В. Колокольникова. 13 землекопов подрядчика городской управы Богданова жаловались 4-VIII «на чрезмерную работу». 21-VII явились в Москву из Серпухова 137 рабочих, «самовольно» ушедших с работ в бывших третьяковских спальнях и требовавших с хозяина своего Н. Коншина расчет, так как были недовольны «дурным содержанием». Обращались с жалобой к обер-полиц. рабочие ткацкой фабрики Пфейфера В. Малтеров, З. Костромской и А. Капралов. Заявляли

«громко претензию» 18 рабочих типографии Бонч-Бруевича, оставшиеся без работы...

Были случаи единоличного протеста: 24-VII на заводе Бромлей рабочий И. С. Степанов оскорбил мастера Белова, записавшего ему неправильно штраф, и был за это уволен. 20-XI разыгралась история на фабрике Буш, где ткач И. И. Егоров, заподозренный в умышленной порче материи, был оштрафован; рабочий протестовал; ему об'явили расчет, а он, в день увольнения, «набросился с бранью на мастера А. Крушек, закричал: «ты хочешь бить меня молотком!» и вынул из кармана складной нож, как бы в защиту себя», но был схвачен и отправлен в участок...

Моя хроника московского рабочего движения за 1898 г., конечно, не может претендовать на исчерпывающую полноту; но этот краткий перечень дает, мне кажется, весьма яркую, хотя и пеструю картину несомненного под'ема сознательности пролетарских масс, под'ема, которым этот знаменательный год был отмечен и в других индустриальных центрах России.

И в то время, как царское правительство расписывалось в благодарности синим мундирам «за энергичные действия при водворении порядка среди рабочих» (приказ по корпусу жандармов за № 68, по делу о волнениях на станции Соляная-Пристань Грязе-Царицынской линии), грозная волна недовольства рабочего класса катилась уже к мраморным ступеням Зимнего дворца.

Кроме забастовок в Иваново-Вознесенске и у Зотова, о котором упоминалось выше, серьезные волнения были еще на вагоностроительном заводе Франко-русского общества в Нижнеднепровске (19-III—98 г.), где рабочие требовали сокращения рабочего дня, новых расценков и усиления врачебной помощи (во время стачки был убит управляющий Белоножкин, арестовали человек 10). 15—16-V произошло крупное «недоразумение» на Брянском заводе в Екатеринославе (возникли из-за столкновения рабочих с черкесом-сторожем; была сожжена заводская контора, выслали до 500 человек). 29-VII возникли беспорядки на фабрике Якунчикова, в с. Нары-Фоминские, для прекращения которых было отправлено из Москвы 200 казаков (арестовали 39 рабочих). Наконец, 4-IX разразилась многолюдная забастовка на Бежецком рельсо-прокатном заводе, в Брянском уезде (10).

Соответственно росту массового рабочего движения, усиливались и полицейские репрессии. По весьма неполным данным, которыми я располагаю, за один 1898 г. было подвергнуто разным административным взысканиям до сотни рабочих (11).

Надо ли говорить о том, что ни подлавливание ретивых «интеллигентов», ни разбрасывание по захолустьям рабочих «подстрекателей» не могли остановить исторического хода событий. Жизнь переросла тесные путы бюрократических свивальников. Пролетариат научился говорить, встал на ноги и пытался уже действо-

вать; на дикие выходки насильников ответ его был еще не тверд, но ясен; смысл этого ответа можно, пожалуй, формулировать словами одного молодого рабочего, сказанными им своему патрону.

Табельщик фабрики Дюфурмантеля Иван Смирнов, 18-ти лет (докладывал полиц. надзиратель охр. о. 16 ноября), давал товарищам своим «книжки»; хозяин, дважды заметивший «проделку», сказал Смирнову: этого не следует делать, а тот ответил: «я образован,—желаю, чтобы и другие были образованы».

Что мог возразить на это буржуа? Он смог только уволить дерзкого табельщика.

Ответ Смирнова был глубоко содержателен; он значил: я сознательный и хочу, чтобы такими были и мои товарищи.

Иван знал, что ему надо,—в этом было знамение своего времени; он хотел, чтобы и другие Иваны знали то же,—в этом таился залог будущего.

ГЛАВА IV.

Всеобщий Еврейский Рабочий Союз в России, Польше и Литве («Бунд»).—Лодзинские транспорты. Типография в Бобруйске.—Ликвидация 27-VII—98 г.—Провокатор Каплинский.—Минский с.-д. комитет.—Поиски бундовских типографий.—«Лидеры» «4 летучих».—Двинский транспорт.—Еврейское рабочее движение в Вильне.—Рабочее движение в Гомеле.—Рабочий кружок в Орше.—Предатели Вилькийский и Валт.—Конкуренция охранителей.—Союз приказчиков.—Еще транспорты.—Покушение на фон-Валя.—«Долой самодержавие!».—Провокаторы А. Гинсбург, Судаки и Грамм.

БУНД.

Еврейское рабочее движение в исторических судьбах русского пролетариата сыграло немаловажную роль и по праву занимает в его прошлом видное место. Рабочие, как индустриальные, так и ремесленные, в пределах так называвшейся «черты оседлости» рано встали на путь классовой борьбы; этому способствовали и более высокий культурный уровень населения западной окраины бывшей Российской империи и специфически угнетенное,бесправное положение всего еврейского народа.

Еврейское рабочее движение имеет уже своих летописцев; у него даже есть и своя писанная история. Ознакомившись с некоторыми работами в этой области, в которых были использованы и богатые данные сделавшегося доступным архива д. п., я нашел, однако, в этих трудах, помимо некоторых неточностей, и довольно чувствительную неполноту, которая делается заметной даже при сопоставлении опубликованных материалов с теми, которые имеются в моем частном архиве. Это заставляет меня посвятить Бунду особую главу, хотя в некоторых случаях мне, быть может, и не удастся избежать некоторых повторений (1).

Еврейское рабочее движение, зародившееся в начале 90-х годов, оформилось на с'езде, имевшем место в Вильне 25—27 сентября 1897 г., когда возник, как известно, Всеобщий Еврейский Рабочий Союз, который принято называть ради краткости Бундом. Мы

уже видели, что представители этой организации принимали самое деятельное участие в созыве и работах Минского с'езда, положившего основание Российской социал-демократической рабочей партии.

В главе 1-й (ч. II-я) я отметил, что в момент образования упомянутых выше революционных организаций, ни д. п. и подведомственные ему сонные «государевы очи»—жандармы, ни сам всеведущий начальник московской охранки о Бунде и даже о партии никакой агентурной осведомленностью не располагали.

Когда, после успешного разгрома южных организаций, Зубатов встал фактически во главе всего политического розыска империи, первой его заботой было желание обзавестись хорошим осведомителем в бундовской среде; для этого ему надо было сделать пробный улов, и с этой целью он закинул свои сети в тихие воды жандармских воеводств, где при невольном попустительстве одряхлевших генералов еврейский пролетарий плодился и множился с угрожающей быстротой.

Зубатову вообще очень везло; не изменило ему счастье и в этом случае: за четыре месяца он успел выяснить центральных деятелей Бунда, нанес затем последнему сокрушительный удар и в то же время обзавелся ценной агентурой, о которой он мечтал.

И достиг этого блестящего результата Зубатов исключительно благодаря работе своих «летучих».

Надо признать: в розысках по делу Бунда медниковские молодцы проявили чудеса бдительности служебного рвения; в незнакомых городах и местечках, не зная местных обычаев, не понимая ни слова по-еврейски, московские филеры целыми месяцами толклись около еврейского «гетто», жившего обособленно и относившегося крайне подозрительно ко всяким пришлым элементам; они удачно, «на-глаз», намечали себе «лидеров» и затем цепко держались за них, тащились за ними из города в город и плели таким образом свою шпионскую сеть.

Но было бы ошибкой приписывать розыскные успехи московских охранников чрезвычайному искусству «летучих» филеров; не подлежит сомнению, что всякое наружное наблюдение, как бы оно ни было виртуозно, можно заметить и, следовательно, парализовать; поэтому, если «летучим» удавалось с успехом выслеживать своих «лидеров», то главным образом потому, что последние вели себя не всегда осмотрительно. В числе лиц, состоявших под наблюдением, встречались нередко и весьма осторожные люди, хорошо понимавшие значение конспирации, но последняя строилась на неясном, иногда и на ошибочном представлении розыскной техники противника и обусловливалась почти полным неведением его способов наружного наблюдения (2).

В силу этого конспирация революционеров, не знавших достаточно розыскных приемов охраны, являлась мало действительной.

К каким печальным результатам вела малейшая неосмотрительность в практике революционного дела, мы сейчас увидим. Для этого я приглашаю читателя еще раз в непрезентабельную компанию московских филеров, чтобы сопутствовать «летучих» в их провинциальных похождениях.

Мы уже знаем, что Б. Эйдельман, как это было констатировано наблюдением, виделся, находясь в Минске, 28-II с неизвестным, под кличкой «Черный», который по установке оказался А. Мытниковичем, он же Мутник. После от'езда «Лохматого», филеры, оставшиеся в Минске, занялись новым наблюдением, при чем дальнейшие их проследки установили факт свидания Мутника 11-III с другим персонажем—«Школьником»—(как окрестили «летучие» А. Кремера), который обратил на себя их особое внимание своей деловитостью. Таким образом, на первых же порах в розыскной оборот московских охранников попали два члена Центрального комитета Бунда.

Наблюдение за Кремером и Мутником выяснило в течение марта их знакомство с супругами А. М. и Р. А. Фин, А. Цепринской, Я. Кацнельсоном и М. А. Поляком. 27-IV Кремер имел свидание с Е. А. Гурвич (поднадзорной); слежка за последней выяснила ее связи: Э. Хургину, Е. И. Гурвич, Я. Л. Кугель, М. А. Уфлянда (бывший ссыльный), Р. П. Каплан.

30-IV Кремер имел конспиративное свидание с М. Левинсоном (3-й член Ц. К. Бунда), который в тот же день получил от одного рабочего «тяжелый сверток» (со шрифтом) и отнес его к С. К. Слуцкому.

В том же апреле наблюдение из Минска закинулось в Лодзь, куда 11-го числа выехал Мутник (взявший по пути, в Бресте, чемодан и корзину); сначала он бездействовал здесь, а затем вступил в сношения с Б. М. Фрумкиным, Б. И. Шмуельзоном, М. Френкель, Р. Г. Зак, Ш. Р. Сегаль и И. Ю. Пейсахзоном.

ЛОДЗИНСКИЕ ТРАНСПОРТЫ. ТИПОГРАФИЯ В Г. БОБРУЙСКЕ.

3-V Мутник увиделся с приехавшим в Лодзь Б. З. Баневуром, который остановился в «Европейской» гостинице; вечером того же дня Мутник увез отсюда домой тяжелый сверток. Поселившийся по соседству с Баневуром «старшой» филеров Е. Сачков сделался на следующий день свидетелем того, как Мутник и Баневур вынесли из номера, занимаемого последним, опять «свертки размером 10×8×4 вершков» и отнесли их к Ф. М. Фрумкиной. 5-V Баневур доставил Мутнику еще «свертоκ», купил корзину, наполнил ее у себя и сдал служащему для отправки в Киев. После этого Мутник привез к Баневуру еще корзину, которую, уже наполненной, вечером взял Фрумкин, сдал ее на хранение вокзальному сторожу и

на следующий день поместил в склад сукон Бродача, где он служил. В ночь на 6-V Баневур уехал под наблюдением в Вильну, а Сачков после его от'езда подобрал в покинутом им номере бумажки, в в числе которых оказался уголок странички какого-то нелегального издания...

11-V в Лодзи появился состоявший под н. н. п. И. Х. Миль, который, повидавшись с Мутником и Фрумкиным, взял у Пейсахзона корзину, отправил ее в Москву и ночью же уехал в Варшаву.

Следующие дни ознаменовались рядом собраний: 14-V—у Фрумкиной (были: брат ее, Пейсахзон и Мутник); на следующий день, с участием тех же лиц (у Френкель и Сегаль) и 16-V у Фрумкина (те же участники). В то же время филеры заметили обращение среди членов наблюдаемого кружка свертков определенного размера (формата журнала «Нивы»): один Пейсахзон унес 11-V от Фрумкиной домой, другой Мутник доставил 17-V Фрумкиной, третий принес к себе опять Пейсахзон, четвертый Фрумкин привез 24-V к сестре своей...

Циркулирование «свертков» даже без предательского уголка нелегальной брошюрки было довольно красноречиво. Но загадка лодзинских встреч и «конспираций» получила вполне определенное раз'яснение в Киеве, где за корзиной, отправленной туда Баневуром, было установлено специальное наблюдение. Груз этот, вместе с чемоданом, прибывшим багажом из Минска, был получен 9-V М. В. Мыслицкой, которая поместила все это у себя в квартире. После кратковременного обследования связей получательницы (были выяснены: И. Н. и С. Н. Пересвет-Солтаны, С. М. Гадомская Е. В. Зеньковецкая и др.), у Мыслицкой был произведен обыск, который обнаружил у нее транспорт заграничных нелегальных изданий (3).

Лодзинские транспорты послужили для Зубатова доказательством того, что предпринятый им розыск стоит на верном пути; задавшись целью вывернуть бундовское «нутро», он не спешил с общей ликвидацией, а наоборот—расширил рамки обследования.

Вместе с Милем в Варшаву залетели и московские филеры; наблюдение,которое велось за ним с момента его возвращения из Лодзи, установило, между прочим, что 15-V он имел условное свидание с Ш. В. Горфейном и его товарищем Б. Шварцем, которым передал какие-то «листы». Проследками за Милем в течение мая месяца был выяснен ближайший круг его знакомых, а именно: И. Д. Левин, Ф. М. Каплан, Ш. Кайзер, Ф. Г. Вайнштейн, Ш. В. Перельман, Р. Я. Леви, Г. Кольцов и Р. Ш. Зеликсон, а также примыкавшие к этому кружку: М. И. и Е. М. Шафир, Р. М. Пеймерин, Б. Цитрон, И. В. Перельман...

28-V Миль выехал в Вильну и увиделся там с Х. Я. Капланом и Р. Н. Фридманом. Эта встреча имела не менее роковые последствия, чем минское свидание Эйдельмана с Мутником: филерская слежка захватила Петербург и Белосток и повела к разгрому группы «Рабочего Знамени» (об этом будет в свое время рассказано).

Я уже упомянул, что Баневур из Лодзи поехал в Вильну; здесь он дал наблюдению адрес своей постоянной квартиры, что позволило установить его личность; в то же время филеры выяснили его знакомых: М. С. Димент, С. М. и Я. М. Гордон и А. З. Миркина. 19-V Баневур выехал в Минск, где на следующий день увиделся в квартире Л. И. Рогаллера с Кремером и Левинсоном, посетил Ел. Гурвич и уехал в Киев.

В это время Минск делается центром розыскного внимания, кружковые связи быстро развертываются и наблюдение приводит к наглядным результатам. 1-VI «летучие» взяли от Евг. Гурвич П. В. Румянцева. На следующий день у Ел. Гурвич состоялось собрание,в котором участвовали Евг. Гурвич, А. Кремер, М. Левинсон и Е. Серман; последний унес к себе от Гурвич, пряча под пальто, тяжелую сумку; вечером он же и Левинсон переправили, «сильно конспирируя», какие-то вещи к К. С. Смульскому.

4-VI в Минске появился С. Каплинский; повидавшись с Кремер, Левинсоном, Серманом и Слуцким и взявши у Цепринской сверток, он выехал вместе с Ш. В. Вильтер в г. Бобруйск. 16-VI Каплинский вернулся в Минск; после свидания с теми же лицами, он вечером следующего дня отправился, имея тяжелую корзину, в компании с М. Кригель опять в Бобруйск.

Поездки Каплинского в Бобруйск очень заинтриговали охранников, и часть «летучих» не замедлила осесть в этом захолустном городке. Первый день слежки закончился весело: 5-VI Каплинский и Вильтер (а с ними и филеры) провели вечер в местном театре, в компании трех молодых людей, которыми оказались: Г. В. Сороко, литограф М. Я. Жислин и сожитель его Е. Шапиро. Но уже через три дня наблюдение отметило многознаменательный факт: ночью 8-VI Г. Сороко, приехавший поездом, приходящим из Гомеля, привез с собою около 4 пудов бумаги, которую он, при помощи жены М. Х. Сороко, встретившей его на вокзале, доставил к себе на квартиру....

15-VI Каплинский, супруги Сороко и Вильтер с мужем своим Г. Вильтером уединились днем в лес; с наступлением темноты они занялись перенесением вещей от Сороко в квартиру Каплинского: последний 18-VI привез к себе М. Кригель.

Дальнейшее наблюдение констатировало, что три пары наблюдаемых составляют тесный и очень изолированный кружок лиц, не имеющих обыденного дела.

7-VII Ш. Вильтер выехала с вещами в Минск, где оставила у Цепринской корзину, и затем отправилась в Вильну, повидалась там с Х. Капланом и проследовала в г. Гродно. 23-VII Г. Сороко, занимавшийся в своей квартире столярным ремеслом, отправил с березинской товарной станции мебель: комод в г. Вильну, а гардероб, стол и другой комод —в г. Гродно.

ЛИКВИДАЦИЯ 27-VII—1898 г.

Бегство Вильтер и отправка вещей из Бобруйска заставили Зубатова поспешить с ликвидацией наблюдения филеров летучего отряда. Поэтому в города Минск, Бобруйск и Белосток были командированы из Москвы полицейские отряды с охранниками во главе, которые, при содействии провинциальных чинов жандармерии и полиции, произвели в ночь на 27-VII—98 г., по указанию филеров, многочисленные обыски и аресты. Одновременно были ликвидированы местными силами группы, за которыми велось наблюдение в городах Лодзи, Варшаве, Вильне и других местах. Всего было задержано (за исключением Белостока) 55 человек и обыскано более 20-ти (4).

Результаты следственных действий превзошли ожидания Зубатова: помимо нелегальных изданий, отобранных в значительном количестве, были захвачены типографии в Бобруйске, Минске и Белостоке.

В частности, в квартире Каплинского обнаружили, кроме типографских принадлежностей, много печатных и рукописных материалов (на еврейском языке—жаргоне), из которых следует отметить: только-что оттиснутый № 9—10 центрального органа Всеобщего Еврейского Рабочего Союза—«Голос Рабочих» (667 экз. и 90 отдельных листов); бундовские издания: «Сон на 1-е мая» (IV—98 г.); «Война Польской социалистической партии против Евр. Раб. Союза» (VII—98 г.); «Еврейский Щеточный Рабочий Союз в Польше и Литве» (V—98 г.); воззвание «Ко всем варшавским работникам и работницам» (Варшавск. с.-д. комитета, V—98 г.); первомайские листки: «К белостокским работникам и работницам» (Белостокск. раб. ком-та, IV—98 г.); «Ко всем минским работникам и работницам» (Минск. с.-д. к-та, IV—98 г.); «Ко всем еврейским работникам и работницам» (Центральн. к-та, IV—98 г.).

В числе рукописей оказались: копии секретных циркуляров министра вн. дел от 5-IV—98 г. и департамента торговли и мануфактур от 12-III—98 г., статья «Полиция или фабричная инспекция?» и «К 50-летнему юбилею Мартовской революции 48 года в Германии»; корреспонденции: из Москвы (о фабрике Гюбнера), Волковысска, Вержболова, Варшавы, Витебска, Белостока, Ковны, Николаева и др. мест; «Отчет кассы в пользу политических арестантов» (с 1-X—97 г.) и «Отчет Центр. Комитета Союза» (с 1-XII—97 г. по 10-VI—98 г.); «Воззвание Интернационального Секретариата сапожников к сапожникам в России».

В вещах, отправленных в Вильну и задеражанных на ст. «Вилейка», кроме мебели с тайниками для помещения наборных касс и других типографских принадлежностей, были найдены, между прочим, нелегальные издания: печ. «Манифест Рос. с.-д. партии»; (на русс. и евр. яз.); бланк с текстом в заголовке «Рос. с.-д. р. п. 189...г. №... Листок

для сбора пожертвований» и в конце: «Тип. Рос. с.-д. р. п. Отчет будет помещен в «Рабочей Газете» (на русск. яз.); приложение к газете «Голос Работника», № 2, 14-III—98 г. (на евр. яз.); бр. «Майская книжка».

В Минске, у Д. Е. Шермана, обнаружили типографские принадлежности, в том числе раму с набором воззваний на евр. языке от имени Вс. Евр.Р.Союза; кроме того, были найдены: печ. воззвание к рабочим от Виленск. с.-д. к-та, с датой 26-VII—98 г.; опросные листы для собирания статистических сведений по разным мастерским (то и другое—на евр. яз.); бланки для сбора пожертвований в пользу арестованных от имени Минского с.-д. к-та; тетрадь с рукописными стихотворениями («Луч в остроге», «На могиле Ф. Лассаля» и др.).

У Евг. Гурвича отобрали много оригинальных и переводных статей соц.-дем. содержания, например: «Вопросы бедности», «Германия накануне революции» и пр.

У С. Слуцкого взяли библиотечку с.-д. изданий, в том числе: гектографир. бр. «Слово на Пурим» и «Сказание о том, что каждый рабочий обязан знать», а также: «Сборник на 1-е марта 1881 г.» (изд. еврейск. с.-д., 1897 г.) и подделки под легальные книжки («дозволено цензурой») «Счастье Рувима из Бердичева», «С праздником!» и др. (все на евр. языке).

У П. Гордон нашли рукопись «Развитие революционного движения в России», подписанную: «Д. Вогулин».

В Гродно, где, повидимому, предполагалась постановка типографии, был задержан комод Г. Сороки, попавший тоже в число вещественных доказательств, благодаря своим конспиративным приспособлениям...

В числе захваченной добычи для охранников особенно ценными оказались цифровые записи, обнаруженные у некоторых арестованных и затем дешифрованные в д-те полиции специалистом этого дела, чиновником И. А. Зыбиным.

Шифры, найденные у Евг. Гурвич (более 50-ти), касались, главным образом, записей по выдаче нелегальных изданий для чтения (преимущественно рабочим), например: «Китаевич—Ист[ория] рев[олюционного] движения в Рос[сии»], «Роткин—Бельг[ийские] раб[очие»], «Кто чем жи[вет»], «Гефкервелт—Подпольная Россия», «Мерц—Майский Работник», «Тюмен—Плеханов о Чернышевском» и пр. Эти записи указывали на то, что Гурвич заведывала нелегальной библиотекой; в то же время они давали указания на личности пропагандируемых, из которых некоторые, например, упомянутые выше Китаевич и Роткин, играли видную роль в жизни местных рабочих кружков.

Еще более важными оказались шифрованные записи, отобранные у Кремера и Румянцева — в них заключалось до 40 адресов (касавшихся 30-ти городов и местечек), которые имели то

или иное специальное назначение в революционной «подпольной» работе (5).

В распоряжении охранников, таким образом, оказался значительный материал, годный для возбуждения формального дознания о большинстве арестованных. Но Зубатов не спешил с передачей дела в руки жандармов; у него была, как я упомянул ранее, своя цель, которую он считал более важной: ему нужно было, пользуясь ликвидацией, навербовать «сотрудников». В этих видах, с соизволения д-та п., все арестованные 27-VII по делу Бунда были доставлены из провинции в Москву, где их подвергли полной изоляции и строгому «прижиму». Для заключенных в столичных одиночках бундистов, оказавшихся вдалеке от родных и знакомых, московский тюремный режим был очень тяжел; тем охотнее, думал Зубатов, истомившийся арестант должен был пойти на разговоры с галантным ротмистром Ратко, которому была поручена предварительная обработка дела.

И надежды Зубатова оправдались: предатель нашелся.

ПРОВОКАТОР С. КАПЛИНСКИЙ

«Г. Ротмистру Ратко. Имею честь Вам заявить, что после освобождения моей с под стражею, намерен и так решил, что я буду энергично действовать для того, чтобы найти тот лицо, который меня втянул в деле, за которого я привлечен, и как только я узнаю кое что об этом лице, а так же с кем он имеет сношения, я немедленно дам знать Вашему Высокородию.

С почтением *С. Каплинский.*

Таков подлинный текст «запродажной расписки» бундовского Азефа. Неискренность ее тона бросается в глаза; Каплинский прекрасно сознавал, разумеется, что от него потребуют не только «кое что» о каком-то мифическом лице, втянувшем его в дело; но форменно «покаяться» он все же не желал—этому мешал остаток революционной совести. Двойственность настроения Каплинского, отразившаяся в приведенном выше документе, осталась характерной и для всей его последующей деятельности в качестве осведомителя охраны (6). Но для Зубатова не имело большого значения, искренне или с задними мыслями вступил с ним в контакт бобруйский типографщик; «ноготок увяз—и птичка пропала»: Каплинскому, давшему в руки охранников такой документ, ничего другого не оставалось, как сделаться платным доносителем.

Из 55-ти человек, арестованных по Бунду, слабость проявил еще Баневур, который 28-IX—98 г. подал на высочайшее имя прошение о помиловании, 6-X того же года он написал еще слезницу, прося перевести его в Виленскую тюрьму; оба его ходатайства были оставлены без внимания, очевидно, потому, что в них не было

обещаний сообщить «кое-что»; за это и пришлось ему отправиться в В. С.

Зубатову приходилось дорожить единственным своим приобретением; он был достаточно опытен, а Каплинский очень осторожен, и потому новообращенный прошел все фазы обвиняемого и даже получил наравне с товарищами несколько лет гл. надз. пол. (7). Единственным послаблением было то, что Каплинскому разрешили жить под особым надзором п., а потом и отбывать наказание в пределах Западного края; снисхождение оказали и М. Кригель, сделавшейся его женой: она осталась при нем. А чтобы эти поблажки не бросались в глаза, те же льготы дали и друзьям Каплинского— Е. Шерману и супругам Сороко...

Таким образом, новому агенту охраны были обеспечены лишние «языки», столь необходимые ему при исполнении своих замысловатых обязанностей.

Как человек опасливый и малограмотный, Каплинский старался возможно реже писать начальству, но донесения сотрудника «Павлова» (агентурный псевдоним, данный ему в честь «Павлыча»—Медникова) расценивались высоко. Обыкновенно Каплинский сообщал такие сведения, использование которых не могло его провалить; охр. о. тоже, дорожа им, как единственным солидным сотрудником по Бунду, прикрывало источник агентурных указаний, разрабатывая их наружным наблюдением. Избегая, по системе Зубатова, слишком близкого, непосредственного участия в практической, революционной деятельности, Каплинский старался занимать позицию человека бывалого, оказывал изредка технические услуги и благодаря прежним связям имел возможность узнавать многое (8).

Агентурные сообщения «Павлова» многочисленны. Вот что писал, например, Зубатов Ратаеву 30-X—01 г. за № 13658, на основании сведений, доставленных «Другом» (так величал Каплинского старший филер Грульке, через которого о. о. вело с ним сношения в Вильне). «Типография Бунда, печатающая газету этого союза «Голос Рабочих», находится в настоящее время в г. Варшаве, куда недавно она была переведена из г. Кишинева; обстоятельство это находит себе подтверждение еще и в нижеследующих фактах. Незадолго до июльской ликвидации по г. Вильне, известная своими революционными связями чулочница Райхельсон, собиравшаяся ранее поселиться в Кишиневе, выехала для какой-то конспиративной работы в Варшаву, где и живет с женихом своим, участником «новгородской истории» (освобождение арестованных толпой в г. Вильне) и, по всей вероятности, нелегально, так как на запрос мой начальник Варшавского охр. о., отношением от 2-го сего октября за № 6852, уведомил меня, что «Геня Райхельсон, по сведениям адресного стола, вовсе не значится ни проживающей, ни проживавшей когда-либо в гор. Варшаве».

Затем, работавшая в бундовской печатне, во время нахождения последней в гор. Лодзи, выбывшая потом из гор. Вильны в Петербург и жившая там, повидимому, нелегально, перчаточница Цывья Мовшева Гурвич в последнее время тоже направилась в Варшаву, наведавшись по пути на несколько дней в г. Вильну. Потом исчезнувшая одновременно с Райхельсон поднадзорная Гершанович, по имеющимся сведениям, жила после этого в Варшаве же, откуда в недавнее время скрылась за границу (в Берлин). Наконец, на-днях только наблюдаемый в гор. Вильне филерами летучего отряда заготовщик Моисей («Сапожников»), член Виленского социал-демократического комитета, выбыл в Варшаву, только-что получивши некоторые документы (между прочим, воззвание «К христианским рабочим-столярам м. «Янова», где идет стачка), для передачи в типографию Бунда.

Тем не менее, принимая во внимание плодовитость жаргонной периодической литературы, издаваемой в России (№ 24, августовский, «Голоса Рабочих»; № 6, сентябрьский, «Белостокского Рабочего»; № 7—8 «Варшавского Рабочего»; № 5, июльский, «Классовой Борьбы»), можно с уверенностью сказать, что Бунд располагает не одной печатней, не говоря уже о запасных комплектах для таковых, которыми теперь организации запасаются «на всякий случай». Как на деятелей этих типографий, помимо упомянутых выше Райхельсон и Гурвич, можно безошибочно указать на известных вашему высокородию Леона Гольдмана (розыскной циркуляр д-та п. 1900 г., № 470), жену его Мери Гинсбург; Кусиеля Портного (циркуляр 27-I—1900 г., № 189), а также на Хаю Лею Амстердам (муж ее Абрам утонул в Витебске), заведующую доставкой в типографию материалов и раздачей сработанной литературы, чем до недавнего времени занимались арестованный ныне в Житомире нелегальный Еля-Давид Кац и сожительница его Мера Жолудская. Упомянутый выше Гольдман летом сего года находился в Полтаве, где имел сношения с «большим человеком в революционном деле»—Менделем Берковым Гуревичем (поднадзорный, известный местному наблюдению филеров летучего отряда, как сожитель бывшего ссыльного Избицкого и как знакомый большинства наблюдаемых), а также с бундистом, виленским мещанином Иосифом Шлемовым Антокольским, находящимся ныне в Вильне и собирающимся на-днях выехать легально заграницу.

Из других крупных социал-демократов евреев в настоящее время находятся: приятель ссылаемых в Сибирь Герцыка и Александрийского Левин—в Бердичеве (с женой); обысканная в Вильне в ночь на 31 июля с. г. Скоповер (циркуляр от 30-V—98 г., № 519)—в Риге, привлекавшийся в Варшаве мещанин Фрактовник—в гор. Гродне (под наблюдением филеров отряда). Работавшая недавно в Вильне Цыля Гольдина—в Киеве и Иосель Таршие—в Вильне»...

В донесениях Каплинского за 1899—1902 г. г. заключались еще следующие указания (приводятся наиболее существенные): поднадзорный токарь Гирш Шахнович, живущий в Минске (сын домовладельца, у которого квартировал «Друг»), рассказывал о печатании в Киеве газеты «Вперед», хвастался, что им изобретен новый способ тиснения при помощи пресса, на котором он и «намерен сделать пробу».

Затем: на интернациональном социалистическом конгрессе в Париже было 12 делегатов Бунда. В мае 1900 г. в Вильну приезжали Е. Кац и К. Портной; последний был перед этим в Женеве с Герцыком.

В Гомельском с.-дем. комитете принимают участие: А. Драпкин, ведущий сношения с заграничным комитетом Бунда, С. Гезенцвей и Двося Богорад, прибывшие в июле из Витебска; Горелик, заботящийся о доставке в организацию нелегальной литературы, и Шадовский, составивший устав профессионального союза, изданный комитетом, и ездивший в Вильну 28-IX на с'езд представителей нелегальных приказчичьих организаций и 19-X—за революционными изданиями. Благодаря усилиям этих лиц, к августу 1900 г. Гомельский комитет учредил кассы столяров, портных, модисток и др.—всего 8; основал стачечный фонд, устроил нелегальную рабочую библиотеку (186 брошюр), организовал кружки для чтения нелегальщины в Новозыбкове, Ветке и Быхове; провел стачку тандетников и затратил на все эти предприятия 185 р. 25 коп.

28-VII того же года М. Бас отвез из Могилева в Вильну и Ковну 300 р. на помощь забастовщикам.

В IX—1900 г. видные бундисты находились: Портной—в Варшаве, Бернадик и Гинсбург—в Вильне, Герцов—в Женеве, Гольдман—в Одессе, Левинсон и Кремер—в Париже.

1-X того же года в Белостоке происходил очередной с'езд Бунда.

Живущие в Вильне: Стоцик—активный член группы, издающий с.-д. рабочую библиотеку (вышло 3 выпуска), Ленский—сотрудник бундистской прессы, Крапивник—участник местной с.-д. организации...

Нечего говорить, что в связи с этими указаниями Каплинского, за всеми главными персонажами устанавливалось энергичное наблюдение летучих филеров, которые рыскали по всем городам Западного края; правда, преобладание еврейского населения, а также ловкость и осторожность бундистских деятелей (Е. Кац, например, заметив слежку, сходил иногда с поезда и шел пешком до следующей станции), сильно затрудняли наблюдения, но, благодаря «дружеской» помощи, они всегда имели верных «лидеров» и, теряя их в одном месте, находили в другом. В результате, конечно, получились бесконечные «ликвидации», массовые обыски и аресты лиц, «вошедших в сферу наблюдения».

Догадаться, что причиной провалов являлся Каплинский, было очень трудно, так как данные филерских проследок совершенно затушевывали первоисточник. Вот несколько примеров. Наблюдение констатировало, что Герцык, указанный Каплинским, 11-V—1900 г. отправил из Двинска в Одессу посылку; об этом «Друг» ничего не знал, багаж задержали и в нем оказалась партия нелегальщины. Или еще более разительный факт: Каплинский сообщил, что Гольдман и Гинсбург, поженившись, перешли на нелегальное положение и уехали на юг работать в какой-то тайной типографии; несколько позднее «Друг» указал, что эти нелегальные должны находиться в Кишиневе; туда послали филеров, знавших Гольдмана по наблюдению в Вильне и Одессе; это повело к тому, что 5-III—02 г. в Кишиневе была обнаружена типография «Искры»...

МИНСКИЙ СОЦ.-ДЕМ. КОМИТЕТ.

Указание Каплинского, приведенное выше, на Г. Шахновича, как на человека, интересующегося печатным делом, заставило обратить на него особое внимание; начиная с февраля 1900 г. Шахнович сделался об'ектом наблюдения «летучих», пребывание которых в Минске с 1898 г. стало хроническим. По донесениям филеров, в квартире Шахновича стала замечаться «какая-то» особенная работа («перекладывают на столе листы бумаги», появились неизбежные «свертки» и т. д.).

К этому времени состав местного с.-д. коллектива был уже намечен предыдущим наблюдением; таким образом, назревала «ликвидация»... Но зубатовские предначертания неожиданно рухнули—стряслась одна из историй, довольно часто разыгрывавшихся в провинции на почве соревнования между властями полицейскими и жандармскими.

28-II помощник пристава 1-й части г. Минска донес жандармскому управлению, что «разыскивая шубу» (украденную, будто бы), он зашел в квартиру одного еврея (в районе 5-й части) и нашел там какие-то «непонятные книжки». По указанному адресу (в доме Скуратовича) немедленно был произведен обыск, которым в помещении, занимаемом рабочим Ф. А. Родкиным, обнаружили тайную типографию, гектограф, библиотеку нелегальных изданий и печать Минского с.-д. комитета. В числе печатных принадлежностей были: наборы заголовков «Рабочая Газета» (на русс. яз.) и «Голос Рабочих» (№№ 9—10, вероятно, повторение) и около 6 пудов шрифта. Библиотека состояла из коллекции революционных воззваний, брошюр и журналов (между прочим, были: «Голос Рабочих», № 15, XII—99 и какой-то гектографированный, который, по заявлению Родкина, был оттиснут в его квартире). Утром следующего дня были задержаны явившиеся в д. Скуратовича Р. Ш. Соршер и С. Н. Машкелейзон, у которых тоже нашли поличное. 28-II был еще арестован

гимназист Н. И. Гурвич, у которого нашли нелег. брошюры, и обысканы безрезультатно: А. Н. Шостак, И. В. Теумин, И. Л. Виленкин и В. Д. Медем.

Позднее к этому же делу привлекли еще арестованных 28-II, во время чтения нелег. брошюр, М. Гилемсона и З. Ш. Минделя.

Провал конспиративной квартиры Родкина произошел вследствие добровольческого доноса, который был сделан не только полиции, но и жандармам; последние получили «агентурные сведения» относительно склада «в доме № 18» (Скуратовича) еще 23-II; ад'ютант г. ж. управления и пристав Печанский придали доносу настолько серьезное значение, что сами ходили, переодетые, наблюдать за подозрительным домом, но ничего не выглядели.

В д-те п. были не особенно довольны усердием минской полиции, которая, не спросясь, «отрезала голову у туловища». 2-III Зволянский телеграфировал, предлагая Зубатову «немедленно ликвидировать все полученные наблюдением летучего отряда указания по Минску», командировав туда чиновника охр. отд-ния «с надлежащим числом филеров».

В ночь на 6-III—1900 г. под руководством московских охранников в Минске было арестовано 13 человек и обыскано 23 (9). В смысле материальных результатов ликвидация ничего особенного не принесла, но моральный удар, нанесенный ею, был весьма чувствителен: организация потеряла таких работников, как И. Теумин, Б. М. Фрумкин и др.

Аресты, имевшие целью парализовать предмайскую агитацию, продолжались в течение марта и апреля, так что более 30 минчан соц.-демократов встретили рабочий праздник под замком (10).

Однако, к концу года Минский комитет успел оправиться снова, как это видно из сообщений Зубатова Ратаеву от 20-XII за № 13384, в котором он писал, между прочим: «центр социал-демократического кружка в г. Минске проявляет за последнее время усиленную агитационную деятельность, уже вызвавшую ряд забастовок (в магазинах Гобермана и Рубинштейна, в переплетной мастерской «Россия», в г. Борисове), грозящих получить еще большее распространение в ближайшем будущем. В то же время агентурным путем и наблюдением филеров летучего отряда по г. Минску намечен ряд деятелей, несомненно принимающих ближайшее участие в предприятиях местного комитета, а также выяснен обширный круг лиц, находящихся с ними в сношениях... В виду сказанного я с своей стороны полагал бы своевременным произвести, оставив в стороне представителей группы социалистов-революционеров, аресты виднейших социал-демократических агитаторов в Минске, каковы: Каплан, Виленкин, Медем, Розенблюм, Гольберг, «Тевель» (Сладков?), Валт, «Набережный»—всего человек 15—20».

В другом донесении того же времени Зубатов сообщал еще д-ту п., что руководителями рабочих кружков в Минске являются: у сле-

сарей—М. Левин; у щетинщиков — Г. Рабинович и «Мейшка»; у портных и столяров—П. Мержевецкий; у заготовщиков—«Орка»; у переплетчиков—Зверин, «Лейзер» и «Сеел»; у типографщиков—М. Камермахер; у портных—щетинщик «Лейба», у белошвеек—«Роза» и «Сара» и у приказчиков—Дынерштейн.

«Мейшке», «Лейба», «Роза», «Сара»... Имен охранники знали много!

А комитеты продолжали действовать.

ПОИСКИ БУНДОВСКИХ ТИПОГРАФИЙ.

Зубатову начинала уже надоедать розыскная возня с ожесточенными и увертливыми бундистами, которых трудно было поймать «с поличным» и еще труднее «заагентурить». Начальнику московской охранки, побалованному июльским триумфом, хотелось иметь более конкретные и выигрышные результаты розыска, предпринятого на широкую ногу; он мечтал об уловлении бундовского «цека» и, в худшем случае—типографий, которых у Еврейского Р. Союза имелось несколько, о чем можно было заключить по изобилию литературы, появлявшейся за его подписью (одних периодических изданий он имел в 1900 году более дюжины (11).

Но бундовские «шлепалки» не давались в руки московской охранки, как заколдованный клад. Правда, зубатовский «Друг» сообщал, как мы уже видели, часто сведения относительно технических предприятий революционеров, но делал он это крайне скупо: участвуя в постановке типографий, хорошо зная, где они находятся и кто в них работает, Каплинский чаще всего ограничивался указаниями общего характера и делал их нередко «задним числом». Благодаря этому из нескольких типографий, на которые Каплинский указывал охране и устройству которых он лично содействовал, взята была лишь одна—и то случайно—в Кишиневе (12).

Помимо коварства своего «Друга», Зубатову в своих поисках бундовской техники приходилось испытывать и другие препятствия — уже со стороны своих официальных соратников, которым он не доверял и которые, завидуя его лаврам, его недолюбливали.

Летом 1900 г., например, «летучие» забрались в Одессу, и у них возник конфликт с местным ж. упр-м, начальник которого запротестовал против появления во «вверенном ему районе» чужеземных филеров. Зубатову пришлось доказывать основательность своего распоряжения. На запрос д-та п. по поводу возникшего недоразумения Зубатов писал в июле месяце Семякину: «О приезде в Одессу наблюдаемой Мери Гинсбург и возможной постановке ею, при участии разыскиваемого Ели-Давида Каца, в названном городе тайной еврейской типографии нач-к ж. упр-ния г. Одессы был поставлен мною в известность письмом, которое вручено полковнику Безсонову командированным, за старшего, в Одессу филером ле-

тучего отряда Александровым. К сказанному имею честь присовокупить, что наблюдение в г. Одессе представляет особый интерес как потому, что лидерами его являются приезжие нелегальные лица, так и вследствие того, что оно имеет в виду возникновение технического предприятия, которое, как свидетельствуют примеры (Смоленск, Белосток, Бобруйск, Кременчуг), не имеет прямого отношения к деятельности местных групп, а должно служить организации, захватывающей ряд городов, в данном случае— Всеобщему Еврейскому Рабочему Союзу в России и Польше, являясь душой его Централ. комитета, выяснение состава коего и составляет конечную цель обширного наблюдения, осуществляемого ныне филерами летучего отряда департамента полиции на северо-западе и юге России и в сети коего Одесса представляется частным, может быть, временным пунктом».

М. Гинсбург и Л. Гольдман, жившие в Одессе под фамилией супругов Риман, разрешили тяжбу между охранниками тем, что уехали в другое место...

Подобное же недоразумение возникло у Зубатова и в Варшаве, где в то время уже существовало свое охр. отделение, во главе которого стоял подполковник Ковалевский, удостоившийся этой чести за свои подвиги в Одессе (он ведал там розыскной агентурой). В Варшаве «летучие» завелись еще в самом начале своих западных рекогносцировок. Самолюбивому подполковнику очень не нравилось пребывание московских ищеек, и он устраивал им всякие каверзы. Зубатов не раз жаловался на Ковалевского; вот что он писал Ратаеву в декабре 1900 года:

«В сообщениях моих от 31 августа, 2, 20 и 26 октября и 14 ноября с. г. были изложены факты, свидетельствующие о ненормальностях в постановке и ходе наблюдений, предпринимаемых Варшавским охр. отд-м и тех затруднениях, которые испытывают филеры летучего отряда департамента полиции... Неблагоприятное положение розысков тайной еврейской типографии, находящейся в г. Варшаве, остаются неустраненными до самого последнего времени.

«В ночь на 23-е декабря Варшавским охр. отд-м, по требованию местного губ. жанд. управления, был обыскан и, в виду обнаружения поличного, арестован наборщик Рахмиель Франтовщик[1], хорошо известный под кличкой «Нос» филерам летучего отряда. Не далее как 22-го числа, из квартиры Франтовщика провели со свертком наблюдаемую «Зеленую», у которой перед этим было собрание (Залкинд, Гуревич, «Шестая», «Проворная», «Горбоносый» и двое неизвестных).

«Старший филеров летучего отряда д-та п., кол. рег. Сачков о предстоящем обыске у лидера ведуемого им наблюдения преду-

[1] По иной транскрипции Р. М. Фрактовников.

прежден не был... Задержание такой личности, как «Нос», и в то время, когда приезд в Варшаву члена Минского комитета Якова Каплана, уже повидавшегося с подругой «Зеленой» (обе посещали квартиру Франтовщика) мог дать весьма важные указания, во всяком случае дурно отразится на результатах розыска печатни «Голоса Рабочих», и повторение таких неожиданностей в интересах дела представлялось бы совершенно нежелательным»...

Бундовская «печатня» так и осталась для поссорившихся охранников скрытой «за семью печатями».

А Зубатов, лишенный жандармами филерского «Носа», в деле розыска типографии «Голоса Рабочих» остался, как говорится, с большим «носом»:..

БУНДОВСКИЕ «ЛИДЕРЫ».—ДВИНСКИЙ ТРАНСПОРТ.

1900 год вообще не дал летучему отряду особых побед. Шпионский оракул—двуликий «Друг»—прорицал, сидя в Двинске, замысловатые: «большой человек—Урсик», «большой человек—Абрам» и т. д., а «летучие» сбивались с ног, чтобы «подловить» на гиблых Завальных улицах Вильны, «потаскать» хотя малость по городу, как-нибудь «установить» своих бродяжистых «Капельку», «Красавца» и других иксов бундовского подполья.

Тем не менее «летучим» удалось наметить себе «лидеров», за которыми они и гонялись, насколько позволяла недоглядка наблюдаемых. В числе лиц, которые были рекомендованы Каплинским особому вниманию московских филеров, были 8 бундистов; «послужной список» их, составленный в Московск. охр. отд-нии 3-VII—1900 г., привожу ниже.

Кац Самуил, филерская кличка «Цыган», живет в Двинске (собственный дом, на Огородной улице); организовал местный союз щетинщиков. 10 мая посетил дом Каплина, по Петербургской ул. (кв. учителя Иоффе), куда 2 мая была проведена Двося Богорад («Петровская», приехавшая из Витебска, где она замечена в сношениях с Борухом Цейтлиным и Хаей Абрамовой, центральными личностями местной группы). 11 мая С. Кац виделся с Евелем Давидом Кац и щетинщиком Герцовым.

Кац Еля-Давид, мещанин («Красавец»), разыскивается департаментом полиции, живет нелегально, работал в лодзинской типографии. 10 и 11 мая виделся в г. Двинске с С. Кацем и Герцовым; с последним затем выбыл в г. Вильну, где 13 мая посетил состоящих под особым надзором полиции Гирша и Меру Сороко и кроме того имел сношения с Абрамом Бернадиком и Мерой Гинсбург. 28 мая Е. Кац выбыл в г. Варшаву, откуда, заметив наблюдение, скрылся, а в последних числах (июня) появился в городе Вильне.

Герцов Уриаш Мовшев («Капелька»), щетинщик из Минска; живет нелегально; 10-го числа виделся в Двинске с С. Кацем

и Е. Кацем, 11 мая отправил взятые из дома Семашко, по Подольской улице, ящики: один—в С.-Петербург, другой—в Москву, по квитанции № 447; в тот же день он сдал под квитанцию № 454 тючок (адресованный в г. Одессу «на пред'явителя»), оказавшийся частью заграничного транспорта нелегальной литературы. В ночь на 12-е мая «Капелька» выбыл из Двинска вместе с Е. Кацем, при чем уезжая они сдали два чемодана багажом до г. Вильны.

Гинсбург Мера («Коса»), жила в г. Вильне, на Завальной улице, в доме Фейгензона; 21 мая имела первое свидание с Е. Кац; 11 июня проводила в Либаву Елену Гершанович; 14-го ее посетила Цывля Гурвич. 18-го Гинсбург выбыла из Вильны; на проводах была одна из сестер ее жениха—Ольга или Юлия Гольдман. 19-го Гинсбург приехала в Одессу, где поселилась вместе с Леоном Гольдманом, на Ямской улице в доме № 72 Ширмана.

Гольдман Леон Исааков («Похожий»), разыскивается департаментом полиции; живет по вышеуказанному адресу в Одессе, где имеет быть поставлена тайная типография, работавшая в Лодзи; имеет сношения с Гореликом и другими.

Александрийский В. («Товарищ», он же «Иерусалимский»), живет в г. Ковне; 16 мая 1899 года виделся в г. Вильне с арестованным впоследствии Иоселем Пясковичем; 8 июня сего года был в Ковне с наблюдаемым «Первым» и «Вторым»; 17-го он имел свидание с Цывлей Гурвич; 30-го выехал из г. Ковны на лошадях в г. Мариамполь.

Гурвич Цывля Лейзерова («Приезжая»), поднадзорная; 14 июня была в Вильне у Меры Гинсбург, 17-го виделась с Александрийским, после чего выбыла в г. Лодзь, где и проживает.

Бернадик Абрам («Зеленый» и «Серый»), жил в Вильне, откуда выбыл для работы в тайной типографии в г. Одессу 16 июля виделся с Е. Кацем; посещал супругов Сороко.

«Первый»—повидимому, рабочий; 16 июля виделся в Ковно с Александрийским; затем выехал с ним в г. Вильну, откуда 18 числа уехал в г. Двинск, где остался в доме Семашко, по Подольской улице, откуда 11 мая Герцов взял ящики.

В этот список лидеров были присоединены потом, в качестве лиц, подлежащих немедленному задержанию, еще: К. Портной, Б. Левин, З. А. Горелик и Ш. Таршис (которого разыскивало тогда и Ковенское г. ж. у.—подлежал вместе с И. А. Пликайтисом обыску).

Наблюдение «летучих», в связи с агентурными указаниями Каплинского, позволило розыску установить несколько существенных фактов, имевших отношение к жизни бундовской организации и деятельности более видных ее членов; отмечу некоторые из них в хронологическом порядке (за 1900 год).

Март месяц. Состоялись с'езды: 9-й щетинщиков и 3-й Вс. Евр. Р. Союза (13).

Апрель. Портной и Е. Кац уехали из Вильны в Варшаву.

Май. Во второй половине месяца М. Гинсбург вернулась в Вильну из Лодзи, где она работала в бундовской типографии вместе с Е. Кац и Портным.

Июнь. Приехала в Вильну Ц. Гурвич. 18 числа Гинсбург выехала в Одессу, где ее встретил Л. Гольдман.

Июль. Б. Левин агитирует в Сморгони и Белостоке. 26 числа Бернадик отправился из Вильны в Одессу (для работы в нелегальной типографии).

Август. Портной работает в Варшаве. 6 числа Кремер и Левинсон скрылись из Вильны за границу.

Октябрь. Е. Кац поселился в Кишиневе для конспиративной работы.

Декабрь. Гинсбург из Вильны отправилась в Полтаву, где свиделась с Г. Левиным и Л. Гольдманом,с которым уехала «на технику»...

Но в практическом отношении, кроме выяснения личностей и связей некоторых бундовских главарей, «летучим» в 1900 году удалось выследить только отправку транспортов нелегальной литературы из Двинска. Наблюдая в помянутом городе за Герцовым, приятелем Е. Каца, филеры заметили, что 11-V наблюдаемый сдал багажом посылку, адресованную в Одессу, на пред'явителя квитанции № 454.

За получением этой посылки было установлено наблюдение; однако, на приманку никто не явился; оказалось, по сведениям «Друга», квитанция была потеряна отправителем. По требованию Зубатова, Одесское ж. управление из'яло посылку и препроводило ее в Моск. охр. отд-ние. В транспорте оказалось до 250 нелегальных заграничных изданий, в том числе женевские брошюры Союза рус. с.-д.: «Что такое государственный преступник» (1900 г.), «Стачка» (1899 г.) и «Письмо к московским наборщикам» (1899 г.), а также: «Рабочее Дело», №№ 4—5 (XII—99 г.), «Майский Листок» и приложение к нему (картина «Марсельеза»). Из жаргонных изданий были: орган центрального комитета Союза щетинщиков «Будильник» (№ 4, майский—на красной бумаге и № 5, V—1900 г.); «Чего хотят социал-демократы в России» (изд. Бунда, XII—99 г.) и «Пасхальное сказание в новой редакции» (Женева, IV—1900 г.).

Помянутый транспорт был оставлен при охр. отд-нии «в качестве уличающих вещественных доказательств, впредь до предприятия следственных действий в отношении отправителей его, находящихся под наблюдением», как упомянул об этом Зубатов в сообщении своем Семякину по поводу одесской посылки.

Однако, отправитель транспорта Герцов, несмотря на совершенное им «преступление», к дознанию привлечен не был; боялись повредить «Другу», с которым «Капелька» был близок.

А когда в следующем году Герцов был арестован, его «без всяких разговоров» отправили в В. С. на 4 года.

ЕВРЕЙСКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ВИЛЬНЕ И ДРУГИХ МЕСТАХ.

«Еврейское рабочее движение переросло на много начавшееся еще раньше русское рабочее движение... Нет ни одного города в России, за исключением Петербурга и Москвы, где не было бы большинства бундовских рабочих. Почти все нелегальные типографии устраиваются ими. Вся развозка и доставка литературы исполняются ими же... То же самое и с заграничным комитетом Бунда. Этот комитет принимает самое деятельное участие в Союзе русских социал-демократов. Вся организаторская работа исполняется ими, деятелями Союза являются почти исключительно они... Бунд—совершенно автономная часть Российской с.-д. р. партии, отдельно собирает деньги и без контроля редактирует свои издания»...

Так писал (в перлюстрированном письме в 1900 году) И. Н. Рабкин в Нью-Йорк старому соц.-демократу, доктору Ингерману. В этой характеристике преувеличений было немного. Как мы увидим сейчас из беглого обзора событий, имевших место в «черте оседлости» за один 1900 год, еврейское рабочее движение не только раскинулось территориально, но и сильно возросло в своей интенсивности, которая местами вскоре стала переходить в открытую акцию пролетарских масс.

Особенно сильным рабочее движение было на родине Бунда—в г. Вильне, где оно выразилось, прежде всего, в целом ряде стачек профессиональных рабочих. В 1900 году в Вильне бастовали: в мае месяце—чулочницы и сапожники; в августе—слесаря; в сентябре—хлебопеки, в ноябре—парикмахеры.

Пропаганда в Вильне и ранее велась настойчиво и с успехом. Одним из видных местных агитаторов был А. Девенишский, арестованный на виленском вокзале 12-XI—99 г. с революционными изданиями и шифрованными записями (14).

17-IV—1900 г. на улицах г. Вильны были распространены первомайские издания, при чем только полицией было подобрано: 41 экз. воззваний «На 1-е мая», 61 экз. листка «К виленским рабочим и работницам» и 88 экз. газеты «Рабочий Листок», № 17 (1900 г.). Упомянутые выше воззвания были оттиснуты на еврейском языке и некоторые из них были еще сырыми.

Последнее обстоятельство имело свое показательное значение: оно могло свидетельствовать о том, что нелегальные издания, появившиеся в Вильне, печатались в этом городе или где-нибудь поблизости; к этому заключению приводили и другие факты, имевшие место несколькими днями ранее. Так, 13-IV в г. Варшаве была задержана М. А. Жолудская, только-что прибывшая из Вильны, при которой нашли 800 экз. майских воззваний на еврейском языке—тоже еще «сырых».

Сообщая об упомянутом выше случае Московск. охр. отд-нию, д. п. высказал предположение, что печатня находится около Вильны, и потому предложил усилить наблюдение в этом городе и «снестись с сотрудником Павловым». В ответ на это Зубатов донес: в Вильну приехал некий Катц, из Двинска, где он работает в типографии; разыскиваемые Е. Кац и К. Портной «23-24-IV от Вильны-Двинска поехали в Варшаву-Лодзь»; из Витебска филеры ведут в Двинск барыньку, взятую от И. И. Ковалевского; из Вильны взяли неизвестного, по приметам похожего на Катца, и сопровождают его в Двинск, «где, вероятно, типография».

Так вещала шпионская пифия Каплинский, под боком у которого с его ведома, несомненно, а, может быть, и при его помощи, печатались революционные воззвания, которые продолжали сыпаться, как из рога изобилия. Так, 23-VII (в день поминовения умерших) на Повонзковском кладбище, в Варшаве, полиция подобрала до 500 прокламаций на евр. языке. 28-VII в Вильне и окрестностях были разбросаны воззвания (гектограф. и печатные) по поводу «новгородской истории» (столкновение с полицией); по доносу городового Антоневича обыскали в качестве распространителей этих листков домовладельца М. Блоха и его жильца М. Левина; по обыску у них ничего не нашли, но к дознанию их привлекли. 31-VII виленская полиция подобрала около фабрики Бунимовича 7 экз. воззвания (гектограф.), обращенного к рабочим этой фабрики. В тот же день мещанин Лев Равицкий представил в полицию другое гектографированное воззвание, найденное им около своего дома...

Бундистская пропаганда проникала и в захолустные городки. В Пинске, по сведениям жандармов, «брожение среди рабочих, главным образом, у портных, началось с приездом гласноподнадзорного С. П. Рабиновича; брожение это выразилось в наклонности к стачке в связи с большею требовательностью в отношении хозяев». 30-V (1900 г.) в городе были разбросаны и расклеены гектографир. воззвания на евр. языке, от имени Пинского комитета Всеобщ. Евр. Раб. Союза; 25-VII распространение таких же листков общего характера с призывом к об'единению повторилось; один экз. воззвания обнаружили у портного Бермана, который нашел его будто бы за ставней окна...

Это было все, что знали жандармы, и д-ту п., огорченному слепотой «очей государевых», пришлось взывать к начальнику Москов. охр. отд-ния, нет ли у него хотя каких-либо агентурных указаний на пинских агитаторов; но таковых и у Зубатова не нашлось.

В несколько лучшем положении оказались жандармы в Дисне, где об'явился доносчик из хозяйчиков. В первых числах июля, рапортовал д-ту п. начальник Виленского г. ж. у-ния 11-VIII—1900 г., среди дисненских щетинщиков была замечена соц.-демократическая пропаганда; еще в апреле рабочие мастерской Герера М. Л. Блоштейн, Х. Баланов, Г. Д. Конаца, Л. Донду и Х. Шубат потребовали

сокращения рабочего дня с 12-ти до 8-ми часов; хозяин, поискав новых рабочих в Креславке (никто не пошел), согласился на 11 ч. рабочий день; щетинщики не удовлетворились этим и побоями заставили бросить мастерскую работавших с ними мальчиков, находя совместный труд с ними невыгодным для себя. Тогда Герер пошел с жалобой к жандармам, которым заявил, что рабочие читают заграничный «Будильник», обращаются с ним грубо и обещают убить его, если он будет жаловаться. Вследствие этого доноса за рабочими Герера установили наблюдение, которое выяснило, что они собираются у парикмахера Ш. А. Гольдберга и что на их собрания ходят еще музыкант Финкельман, еврейка Э. Г. Меллер и гласноподнадзорный Х. Л. Гиндин...

Чем кончился наступательный союз хозяина-доносчика с жандармами—мне неизвестно.

Нечто в том же роде произошло в м. Беленковичи, Витебской губ. 5-VIII к местным жандармам явился мальчик Ш. Каменецкий вместе с хозяином своим сапожником А. Бейзером и заявил, что его только-что побили в Кривинском лесу подмастерья Л. Клаз, Х. Черняк, И. Берлин, М. Заводник, Я. Бейзер и Х. Рабинович за то, что он не пожелал присоединиться к ним с целью устроить забастовку «ради сокращения рабочего дня и увеличения платы». Заявители не ограничились этим; они рассказали еще: у рабочих мастерской есть «листки»; девица Майзилес читала им «что-то» в лесу; Рабинович высказывался: «надо уравнять деньги, чтобы было у каждого одинаково»; то же говорили сапожник Филимон и учитель Геллер. А. Бейзер показал еще, что у Я. Бейзера, Черняка и А. Кузнецова есть запрещенные издания...

У последнего из названных лиц по обыску нашли рукописное стихотворение «революционного содержания», начало которого (в вольном переводе) таково:

«За свободу рабочих меня посадили в тюрьму,
За право рабочих меня заковали в цепи,—
За то, что я принял гостя,—гостя свободы и права»...

Эти стихи вспоминал, наверное, Кузнецов, сидя в клоповнике беленковичской полиции....

Приподнятое настроение еврейских рабочих начинало искать себе выхода, но выступления эти, не регулируемые дисциплиной организационного аппарата, имели чаще всего персональный характер, а иногда принимали и уродливые формы.

Доставалось и жандармам. 1-XI—99 г., например, был избит в Вильне унтер-офицер Черняк, которого наблюдаемые завели в глухую местность, и когда он зашел в дом, чтобы установить их квартиру, они поймали его на лестнице и побили камнями.

5-VIII того же года вечером, на Завальной площади, проходившему там (переодетым) жандармскому ун.-оф. Дубовскому один

прохожий нанес, повидимому, железной перчаткой, удар по голове, настолько сильный, что лаковый козырек фуражки был пробит, а голова сыщика поранена; товарищ Дубовского, шедший сзади него, получил в то же время удары палками и, напуганный, бежал, оставив на месте расправы сбитую с головы фуражку (Нападение жандармы приписывали еврею Бастатскому с товарищами).

В той же Вильне 13-VIII утром толпа напала на слесаря Ш. Котлера и на вступившегося за него извозчика Гордона; слесарь О. Заблоцкий ранил Котлера ножом в спину; причиной нападения было нежелание Котлера примкнуть к стачке слесарей мастерской Гурвича, требовавших повышения заработной платы.

26-VIII в Креславле четверо неизвестных избили палками и облили серной кислотой Г. М. Строговича, служившего управляющим в щетинном заведении своего родственника Х. Хурина и, по собственному признанию, относившегося к рабочим, которые забастовали, «строго», (Хурин, не найдя в Креславле рабочих, перенес свою мастерскую в м. Друя, Дисненского уезда, где оно было вскоре подожжено [15].

Я не имею в виду давать здесь хроники хотя бы за один 1900 год повседневной борьбы еврейского пролетариата, вообще очень богатой содержанием; я нашел нужным отметить лишь некоторые факты, которые представляются на мой взгляд типичными. Но в числе явлений этого порядка есть одно, которое по своей показательности заслуживает особого внимания.

23 мая в «Новгороде»—виленском предместье—толпа евреев напала на урядника и отбила у него трех рабочих, им арестованных.

Периодический орган местного соц.-дем. комитета правильно оценил знаменательность этого события; воспользовавшись удобным поводом, он постарался дать начавшемуся стихийному движению большую осмысленность и глубину.

«Этот случай,—писала «Классовая Борьба» (№ 2, V — 1900 г.) по поводу «новгородской» истории,—еще раз убедил нас в том, что самодержавная власть, возбраняющая нам говорить и писать о дурном обращении с нами со стороны ее представителей, никогда не дает нам права совещаться о наших интересах и требовать улучшения нашего положения... Не против отдельных лиц, не против единичных фактов должны мы бороться,—нет, мы должны восставать против всей системы подобного управления. Поэтому мы должны беречь свои силы, организоваться, потому что только сильное, прочное рабочее движение в состоянии будет свергнуть иго самодержавия»...

Эту истину пролетариат усвоил быстро.

В 1900 году виленские «новгородцы» отняли у полиции трех арестованных. А пять лет спустя «толпа» освободила тысячи политических узников.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ГОМЕЛЕ.

В истории еврейского пролетариата г. Гомель занимает одно из первых мест; рабочее движение в этом городе началось еще в начале 90-х годов; в 1897 году, как мы видели (гл. 1-я), оно имело честь встретить на своем пути самого Зубатова; в следующем году гомельские рабочие уже праздновали 1-е мая, летом и осенью они вступили в экономическую борьбу (стачки ремесленников), а зимой во главе движения встал местный комитет Рос. с.-д. р. п., который на первых же порах выпустил пару воззваний (одно—по поводу зимней стачки: «Власьев созвал на совет хозяев портных») (16).

Флегматичный ротмистр Власьев почувствовал, что далее бездействовать нельзя и, получивши какой-то вздорный доносик, протелеграфировал 22-I—99 г. д.-ту п.: «сегодня получил сведения о месте хранения в Гомеле запрещенных книг; необходимы агенты».

В тот же день Ратаев сообщил о депеше Власьева Зубатову и уведомил его, что «директор приказал послать в Гомель 3—4 филеров и по получении точных указаний о месте хранения ликвидировать дело». 24-V трое «летучих»—Г. Александров, Д. Кочурин и Соколов—неслись на помощь обеспокоенному ротмистру. На деле оказалось, однако, что у Власьева точных указаний на место хранения нелегальщины нет, и филерам попрежнему пришлось выискивать себе «лидеров» на свой вкус и нюх. После двухмесячного наблюдения Власьев учинил 31-III—99 г. «ликвидацию»—8 человек арестовал (17) и около 25 обыскал, но «вещественные доказательства» обнаружил только у рабочего И. И. Сенаторова (8 экз. гектогр. воззваний к рабочим мастерских Роменск. ж. д. от имени Гомельского комитета).

Едва «летучие» покинули Гомель, организация выпустила новое воззвание—по поводу мартовских арестов. В мае разразилась стачка рабочих Гомельских железнодорожных мастерских. По ходатайству Власьева, д. п. снова приказал 12-VI—99 г. командировать в Гомель московских филеров, на которых он смотрел, очевидно, как на панацею от всяких революционных зол (18). На этот раз наблюдение «летучих» затянулось до самой осени.

Между тем экономическая борьба гомельских рабочих и агитация среди них продолжались с неубывающей силой. 18-VIII—99 г. хозяева портновских мастерских Б. Баскин, А. Степт и И. Фишелев заявили полицеймейстеру Раевскому, что подмастерья их бросили работу, требуя повышения заработной платы и рабочего дня от 6-ти ч. утра до 6-ти ч. вечера. Забастовщиков М. Л. и Н. Л. Плотниковых, З. М. Сурина, Е. Я. и И. Я. Злотниковых, Н. Шендерева, М. Сиротина, В. Дановича и некоего Хаима полиция задержала. Арестованные заявили: «будем работать, сколько сил хватит, а не столько, сколько требуют хозяева». Считая дело

«политическим», Раевский оставил рабочих под арестом, но Власьев «в интересах розыска» освободил их (19).

В организации стачки принимал деятельнейшее участие И. Злотников, замеченный по сношениям с приезжавшим из Киева нелегальным Рихтерманом (жил в Гомеле с 23 по 30 июня, по первоначальной установке—сапожник Хонон Полещук). Агитация, которой сопровождалась стачка портных, имела целью вызвать общую забастовку ремесленных рабочих. На общественном бульваре (по правой стороне) вечерами происходили собрания, иногда весьма многолюдные; 23-VII на сходке было до 20 человек; 29-VII—около 50; 3-VIII—свыше 100, а 8-IX явилось не менее 200 рабочих и работниц, помимо 50, собравшихся в квартире Косового. На этих собраниях руководящую роль играли, судя по наблюдениям филеров: Злотников, Хайкин, Шлейфер и Райский.

Одновременно появились гектограф. воззвания (на жаргоне) от имени Гомельского с.-д. комитета, которые были разбросаны на улицах и в мастерских. В одном воззвании «К нашим рабочим» указывалось на тяжесть 16—18-часового рабочего дня и на то, что слесаря завоевали сокращение его до 14 часов;... «без об'единения, говорилось в прокламации, ничего не добьешься»... Ремесленные рабочие часы в сутках суть от 6 час. до 6 ч. в., включая полчаса на завтрак и $^1/_2$ часа на обед и отдых, говорит ст. 431-я Устава промышленности; но полиция и жандармерия «не станут заботиться о соблюдении этого закона, а еще будут помогать хозяевам притеснять нас сколько возможно»... Во всех литовских городах рабочие достигли 10-час. р. дня. Чтобы достигнуть этого, следует сплотиться в союз, как сплотились хозяева, которые решили не принимать рабочих без записки хозяина о причинах увольнения. «Наша помощь лежит в нас самих;... наше требование следующее: десять часов рабочего дня и еженедельная плата. Да здравствует борьба пролетариев!»—так заканчивался первый листок.

Другое воззвание, написанное витиевато, начиналось с обращения: «Работники и работницы всех ремесл! Знаете ли вы разницу между человеком с чувством свободы и человеком с рабскими чувствами?.. Вы должны, говорилось далее, сами себя освободить, собственными средствами, которые состоят в вашем об'единении, в вашей сознательности... Соединитесь со всеми рабочими и вместе начинайте вашу священную борьбу за ваше освобождение. В один фронт, братья и сестры! Все под знаменем свободы, до последней капли крови, до последней искры жизни сражаться за освобождение всего рабочего класса!»...

Кроме этих жаргонных листков, 15-IX—99 г. было распространено еще воззвание (гектографированное) на русском языке, тоже за подписью Гомельского с.-д. комитета, обращенное «К нашим рабочим»; в нем говорилось по поводу августовской стачки портных, что полицеймейстер только по жалобе хозяев заарестовал рабочих,

при чем одного—«за старую книжку журнала «Русская Мысль»... «Об'единимся все без различия религии и нации, пола и возраста,—гласила заключительная часть листка.—Силой дружной и смелой ударьте на врага—и победа обеспечена. Да здравствует борьба и об'единение рабочих масс!» (20).

Это воззвание было распространено в значительном количестве; 26 экз. его были подобраны ночными сторожами на Технической ул. и несколько—хозяевами мастерских; 15 экз. нашли в канаве около железнодорожного моста (их доставили жанд.-полиц. полковнику Шлейферу, у которого часть была кем-то похищена)...

Стачки, собрания, прокламации,—все это встревожило д. п., и он распорядился о скорейшей ликвидации гомельского наблюдения. В ночь на 2-X—98 г. все чины жандармские, а также городской и уездной полиции (даже и не чины, как, например, писец пристава—Словашевич), вкупе с 15 полицейскими надзирателями охр. отд-ния, командированными из Москвы, и в сопровождении 60 городовых отправились в поход на гомельских «демократов» (по обывательской терминологии). «Военные операции» были намечены в таких обширных размерах, что некоторым «чинам» пришлось руководить двумя, даже тремя обысками. «Следственные действия» производились в порядке, не предусмотренном никакими законами, даже положением об охране; многие «чины» шли обыскивать и арестовывать, не зная, кого именно они должны этим осчастливить; в имевшихся у них предписаниях, скрепленных Власьевым, значились только адреса: дом—такой-то, улица—такая-то; загадку разрешали «летучие», которые порхали из одного места в другое, выискивая, кто «Шляпу», «Тощего», кто—«Веснушку», «Шуструю» и т. д. (чтобы не напугать справками наблюдаемых, установку их личностей откладывали часто до момента ликвидации, и они таким образом оставались известными лишь по кличкам). Не находя «икса», филеры водили полицейские наряды из одной квартиры в другую, поднимали на ноги целый дом, пока не находили свою жертву...

Беспокойную ночь 2-X—99 г. гомельчане помнили наверное долго: охранники потревожили с полсотни квартир и до 20 человек из'яли из обращения (2). Но материальные результаты ликвидации оказались совсем неотвечающими широте операционного размаха. По обыску обнаружили: несколько нелегальных брошюр у рабочих Л. Н. Глускина и Фабрикантова с товарищами, список революционных изданий (у Шлейфера), переписку...

Впрочем, подполковник Касаткин (нач-к ж.-п. отделения), участвовавший в ночной экспедиции, обнаружил у пом. прис. пов. Г. Ф. Калашникова «красный флаг». Власьев этому был очень рад, так как имел «зуб» против помянутого «защитника рабочих», считая его «заваром» всего дела; тем горше было его разочарование, когда оказалось, что революционное знамя украшено гербами и крестом,

при чем Калашников без труда доказал, что отобранный «флаг»— платок, приобретенный им на какой-то выставке.

Ликвидация принесла Власьеву больше хлопот, чем утехи; особенно много заботы доставило ему размещение арестованных, для изоляции которых в городе не оказалось мест; содержавшимся при полиции не на чем было спать. Власьев вышел из затруднения, отправив 5 арестованных в Минск, а других — в уездную тюрьму г. Вилейки, куда от ст. Младечно гомельским «демократам», не имевшим теплой одежды, пришлось ехать еще 25 верст, при чем некоторые из них «чуть не померзли», как рассказывали сопровождавшие их «нижние чины»...

Для производства расследования в порядке охраны о гомельской рабочей организации из Москвы был командирован жандармский офицер А. Г. Петерсон, состоявший при охр-м отделении в качестве «экстерна»; ему Зубатов поручил озаботиться приобретением «языков». Молодой поручик, носивший, кстати сказать, синий мундир по явному недоразумению, начал допросы по «московской системе»—деликатненько и с подходцем; но «собеседниками» его оказались люди, не понимавшие «тонкого» обращения; гомельские рабочие, не отличавшиеся, правда, большой степенью развития, обладали, однако, сильно развитым чувством пролетарского достоинства, и перед расследованием Петерсона, к тому же не очень искушенного в зубатовской диалектике, встала глухая стена.

Многие из допрашиваемых ограничивались молчанием, ссылаясь на то, что плохо понимают русский язык; другие отнекивались, оправдываясь незнанием «этих дел»; более шустрые просто издевались над допрашивающим и диалог с ним принимал иногда юмористический характер.

— Вы—социал-демократ?—прямо «в лоб» задает вопрос арестованному Петерсон, стараясь придать своей маловнушительной физиономии наиболее свирепый вид.

— А что такое «демократ», господин полковник?—спрашивает в ответ, смеясь колючими глазами, подмастерье Злоткин, не без ехидства повышающий сразу на четыре чина господина поручика.

— А что такое «аристократ» вы тоже не знаете?—дает реплику Петерсон.

— В романах я читал, что это человек, который ничего не делает.

— Положим, это не совсем так,—возражает допрашивающий.— А демократ, это—противоположность...

— Значит, господин полковник, это—люди, которые всегда работают?..

В конце-концов раздосадованный Петерсон, забыв московские наставления, сочно поминал «матушку» и шел утешаться в обществе дебелой Ольги Ивановны (Власьевой), которая старалась, в интересах мужа, быть со столичными гостями дамой, «приятной

во многих отношениях», и проявляла, в порядке провинциального хлебосольства, чудеса кулинарной изобретательности...

Но если дознание от рабочих добиться ничего не могло, то «хозяйчики» охотно шли давать показания против подмастерьев, на которых они были злы; один из таких хозяйчиков—Елькин—был даже избит за это рабочими. Особенно пространные об'яснения дал Б. Ш. Баскин, имевший портновскую мастерскую, тоже подвергавшийся за свое доносительство физическому воздействию.

В общем, жандармские допросы и расспросы выяснили некоторых «агитаторов», которые большей частью были уже известны наблюдению. По данным этого расследования портной Б. Фабрикантов, бастовавший в XII—98 г., бил стекла в мастерской Ямрома, допускавшего работу вечерами по субботам; собирал майскую сходку, участвовал в нападении на Баскина.

И. Скляров руководил стачками у Шейнина, устраивал у себя на квартире совещания по этому поводу, помогал деньгами оставившим работу.

И. Злотников участвовал в августовской забастовке, подготовил таковую в мастерских Фишелева и Степта и присутствовал на загородных сходках.

Е. Ильевский помогал Злотникову сагитировать рабочих у Степта.

А. Ганеля бастовал, работая в мастерской Шейнина.

Л. Фейгин бил вместе с другими портного Елькина.

Г. Баскин нанес побои сапожнику Стерлину за то, что он допускал работу позже 8 час. вечера.

А. Лившиц участвовал в рабочей кассе и подбивал швей мастерской Г. Рейзлина не работать поздно вечером.

Р. Соркина посещала рабочие собрания, происходившие у Е. Берковича, занимавшегося раскидыванием воззваний.

Х. Хайкин был уволен сапожником Ганелиным «за дерзкое поведение и вредное влияние» на подмастерьев и участвовал в избиении сапожника Великовича, заставлявшего работать позже 8 ч. в.

М. Шляфер «просвещал одного портного в мастерской Левина и доказывал последнему, что хозяевам будет даже выгоднее, если подмастерья будут работать меньшее число часов».

И. Шехтер ездил летом к новозыбковским «демократам» за рабочим знаменем и устроил в местности «Лубны» майское собрание.

М. Плоткин бастовал в августе месяце, участвовал в нападении на Елькина и хранил кассовые деньги.

З. Телешевский «бунтовал рабочих у Шейкина» (сидел под арестом ранее в г. Харькове).

Однако, ни повторная ликвидация, ни расследования по столичному образцу не могли искоренить об'единительного стремления гомельских рабочих. Несмотря на понесенные потери, организация через неделю после арестов 2-Х заявила о своем существовании, и

Власьев, произведенный в чин подполковника, имел неудовольствие найти на пороге своей квартиры 5 серых конвертов с гектографированными воззваниями Гомельского комитета по поводу октябрьской ликвидации. По содержанию своему помянутые листки были незначительны, но они доказывали, что организационное зернышко цело и жизнеспособно.

Весною 1900 года Гомельский с.-д. комитет вошел в состав Еврейского Р. Союза и деятельность его приняла более планомерный характер. Но и Власьеву удалось в то же время обзавестись секретным сотрудником, который сумел проникнуть в центр организации (22), благодаря чему гомельский жандарм получил возможность иметь вполне серьезные агентурные сведения.

Вот что доносил, например, Власьев 3-VIII—1900 г. за № 733 Л. А. Ратаеву.

«В дополнение всего изложенного в письме моем от 8 минувшего июня за № 640 сообщить честь имею о нижеследующем:

«На происшедшем 25 минувшего июля общем собрании членов «Центрального Комитета» председателем его Алтером-Залманом Вениаминовым *Драпкиным* был предложен выработанный им проект реорганизации всех существующих в Гомеле комитетов, каковой после недолгих обсуждений, как признанный вполне целесообразным, был всеми одобрен, почему тогда же принят и утвержден комитетом.

«Согласно этого проекта, реорганизация состоит в том, что Гомельские комитеты—«Федеративный» и «Представительский»—окончательно упраздняются, взамен их образуется один комитет под названием «центр», составляющийся из так называемых «цеховых президентов».

«По этому проекту, в цехе на каждые 10 человек рабочих избирается один «представитель»; таким образом, число представителей в каждом цехе зависит от количества рабочих в известном цехе; из представителей же цеха избирается один более опытный, именуемый: «цеховой президент»... Кроме «центра», для обсуждения и решения текущих вопросов должны устраиваться, по мере необходимости, сходки: «представительские»—из представителей всех цехов и «ремесленные», состоящие: из президента и двух более способных массовых рабочих своего цеха, т.-е. будущих представителей.

«Бывший «Центральный Комитет», оставаясь при прежнем составе членов, на прежних же основаниях и при той же руководящей и главенствующей роли, переименован в «Гомельский комитет Всероссийской социал-демократической рабочей партии». Каждый представитель, имея под своим руководством не более 10 человек рабочих, обязан надлежащим путем развивать их умственно и, достаточно подготовив их, вести между ними пропаганду.

«Президент же имеет общее наблюдение и руководство всем цехом и служит передаточной инстанцией всего необходимого от комитета представителям.

«В этом же собрании произошло разделение труда между членами комитета по ведению пропаганды в среде рабочих г. Гомеля в следующем порядке: на Раису *Иоффе* возложена обязанность пропагандировать шляпочниц и модисток; на Хайкеля *Файнштейна*—столяров и портных; на моего сотрудника—слесарей и сапожников; Алтер Драпкин должен посещать собрания «центра»; кроме того, Раиса Иоффе состоит как бы секретарем комитета, хранит все адреса и ведет всю относящуюся к деятельности комитета переписку.

«В последнее время к Гомельскому комитету примкнул некто *Езерский* Мирон—еврей, занимающийся преподаванием уроков в частных домах; он, не принимая постоянного участия в деятельности комитета, исполняет лишь отдельные его поручения; он, по словам моего сотрудника, три года тому назад был одним из главных агитаторов впервые возникавшего в г. Гомеле рабочего движения; ему наследовал Нотка Гезенцвей, а потом уже работали: Ицко Захарин и проживающий ныне в г. Речице Минской губернии еврей Драгунский, Лев-Лейба, занимающийся там преподаванием частных уроков.

«В настоящее время в комитете возбужден вопрос об избрании заместителя секретаря, на случай его ареста; вопрос этот будет разрешен тайным голосованием членов; сотрудник мой имеет много шансов быть избранным.

«История гомельского рабочего движения», представляемая мною в копии, отдельно посылкой на ваше имя, ныне окончена, ее писали по частям: Соломон—не установленный, Езерский Мирон, Гезенцвей Нота и Драгунский Лев-Лейба; скомпановал же ее в одно целое Езерский Мирон; эта история ныне передается из рук в руки каждому члену комитета для прочтения, по окончании чего будет переписана и отправлена по одному экземпляру: в Женеву, в «Центральный Всероссийский Комитет», который уже сам перешлет ее на «Парижский конгресс», и 2-й экземпляр—в «Бунд», и один экземпляр будет в гомельском складе; при чем из опасения возбудить на почте какое-либо подозрение, решено переписать эту историю возможно мельче, чтобы получилось не более 4—5 листов самой тонкой почтовой бумаги.

«Упоминаемый в этой истории «Бунд» есть «Всеобщий Еврейский Союз в Литве и Польше», имеющий свое отделение в Минске, члены его и адреса их известны только Алтеру Драпкину, который и отправит историю по назначению; в Женеву же история будет отправлена Раисой Иоффе.

«По словам Алтера Драпкина, в Минске многие члены Бунда в недавнее время были арестованы, но тот же час на их места вступили заместители, и «Бунд», таким образом, ни на минуту не прекращал своей деятельности, состоящей в обязанности снабжать комитеты еврейской и в известном количестве русской нелегальной литературой. Красное знамя, упоминаемое на странице 9-й посылаемой

вам истории, по окончании праздника 1-го мая, обыкновенно там же сжигается, при чем присутствующие напевают: «сгорай наше знамя, как должно сгореть все то, что существует...».

«Личность упоминаемого в письме моем за № 640 члена комитета Хайкеля ныне установлена; это—мещанин Ковенской губернии *Файнштейн* Хайкель Львов-Лейбов, по ремеслу столяр, работающий в г. Гомеле в фортепианной мастерской И. С. Рудько»...

Народная поговорка гласит, что счастье неравнодушно к людям известного сорта. Подполковник Власьев имел достаточно оснований попасть в категорию таких счастливчиков и фортуна ему благоволила: в доносчиках нехватки у него не было. После Бартошкина, Елькина, Баскина и других явился новый доброволец—портной Ш. Мейзлин, которого 15-X—1900 г. рабочие побили за то, что он пошел работать в мастерскую Пекельника, бывшую под бойкотом; доносчик сообщил Власьеву сведения о соц.-дем. кружке, существовавшем в м. Ветке, к которому принадлежали: В. Певзнер, М. Горовой, Г. Ратнер, И. Гершгорн, Сандлеров и И. Казакевич.

По этому делу было возбуждено расследование, при чем один из обвиняемых, упомянутый выше Казакевич, находясь под стражей в Москве, «покаялся» и после одной из бесед с ним, в начале июня 1901 года, Зубатов заявил самодовольно: Казакевич «набивается в сотрудники», но с условием, чтобы Власьев ничего не знал [23] ...

По сведениям Майзлина, руководителем кружка в Ветке был член Гомельского с.-д. комитета Х. Файнштейн. Я не знаю, были ли приняты услуги Казакевича; в утвердительном случае гомельскому агитатору суждено было попасть «между трех огней»: спереди—доносчик, а по бокам два сотрудника охраны (Файнштейн был приятелем власьевского осведомителя)...

РАБОЧИЙ КРУЖОК В Г. ОРШЕ.

Уездный городок Могилевской губ. неожиданно сделался ареной розыскных действий: в ночь на 6-XI—1900 г. в г. Орше разразилась «ликвидация», которую учинил бывший помощник Бордяева ж. ротмистр Поярков, сосланный в провинцию за слишком беспутное поведение.

В г. Орше повторилась в миниатюре история, свидетелями которой мы были при обозрении гомельского рабочего движения. На почве грубейшей эксплоатации труда ремесленных подмастерьев и учеников, бытовое положение которых почти не было нормировано законодательным путем, зародилась борьба, при чем рабочие, лишь слегка тронутые социалистической пропагандой, легко вступали на путь резких агрессивных действий, а «хозяйчики» в отместку бегали с доносами на них к полиции и жандармам.

Рабочий кружок в Орше возник под влиянием заезжих пропагандистов; организационный почин сделан был, повидимому, выслан-

ным из Витебска под надзор в г. Оршу В. А. Конюховым и А. Дорфманом. Последний, пристроившись в столярной мастерской Абрамсона, образовал кружок, в который вошли: З. П. Брашнин, И. Г. Эйделянт, М. М. Криглоз, З. Молочник, Б. М. Кирзон, Ш. Я. Вассерман, А. С. Шапиро, М. М. Экштан, Ш. Г. Фейгин, Ш. Л. Функман, И. С. Турин, М. Б. Лаговьер и др.

В апреле месяце среди оршанских рабочих циркулировал рукописный листок, приглашавший их отпраздновать «подобно другим» 1-е мая. Затем кружок обзавелся нелегальной литературой, которая была получена из Витебска и частью из Минска. В конце августа по городу были разбросаны воззвания «Ко всем рабочим и работницам России» (напечатанные в типографии «Южного Рабочего»). Одновременно члены кружка собирали в пользу кружка деньги, которые хранились в сберегательной кассе на имя Эйдинова. Помимо пропаганды, велась и агитация, результатом которой были забастовочные попытки: рабочие поодиночке, а иногда по нескольку человек, отказывались от работ, требуя повышения заработной платы (поштучной) и сокращения рабочего дня (от 6 ч. утра до 7 ч. вечера).

Неподатливых хозяев, например, столяра Грусмана, кружок бойкотировал, а подмастерьев, соглашавшихся работать у них, старались застращать, прибегая иногда к насилию. Так были избиты шапочник Урин и столяр Халат; последний вследствие преследований принужден был уехать на родину. Жалобы и доносы пострадавших и явились источником сведений, на основании которых Поярков ликвидировал кружок.

Первоначально, в ночь на 6-IX, были арестованы рабочие З. П. Брайнин, И. Ш. Нахбо и И. Б. Эйдинов и, кроме того, 15 человек подверглись обыску ([24]).

У Нахбо была отобрана партия нелегальных изданий, перенумерованных и сильно потрепанных; они составляли кружковую библиотеку. В числе этих изданий были печатные на жаргоне журналы: «Голос Рабочих», №№ 11 (XII—98 г.), 12 (III—99 г.), 14 (VIII—99 г.), 16 (III—1900 г.) и 17 (IV—1900 г.), «Будильник», № 4 (V—1900 г.) и «Еврейский Рабочий». Из брошюр на еврейском языке имелись, между прочим: гектограф. отчет о Лондонском социалистическом конгрессе, а также «Манифест Рос. с.-д. р. п.» и «Секретный циркуляр мин. вн. дел» (обе—изд. типографии Бунда); на рус. языке были: журнал «Рабочая Мысль», № 7 (VII—99 г.) и «Библиотека Раб. Мысли», № 4, (изд. Спб. «Союза борьбы за о. р. к.»); «Свобода» (изд. Рабочей партии политич. освоб. России) и «Самодержавие и печать в России» (Берлин, 1898 г.).

В числе листков, найденных у Нахбо, представляют интерес гектограф. издания «Н-ского рабочего комитета» (бундовского), жаргонные: «Беседа с социал-демократом»; «Как живут и борются рабочие за границей» («Стачка парижских землекопов») и «Кровавое столкно-

вение бельгийских рабочих с правительством»); «Новая победа французских рабочих» и «Что слышно у нас в России» (Нечто о несчастных случаях и о страховании рабочих); а также: «Листки» на русском языке: 14-й—«Международный с'езд углекопов в Бельгии», 16-й—«Как ответили бельгийские рабочие на убийство товарища», 17-й—«Стачка газетных мальчишек в Нью-Йорке» и 18-й «Подготовительная конференция (совещание) к будущему международному социалистическому конгрессу».

У Брайнина было найдено воззвание «Ко всем рабочим и работницам России» (тип. «Ю. Р».); а у Эйдинова—листок с перечнем революционных брошюр и клочок бумаги с записью иностранных слов, смысла которых обысканный, повидимому, хорошо не знал, а именно: «Конвент, якобинец, педераст» и т. д.

Отмечаю эту мелочь—в ней капелька подлинной жизни; рабочий не понимал ясно, что такое «конвент», «якобинец», но, к счастью, ему не было знакомо и значение слова, о котором любой кадет Пажеского корпуса или воспитанник Царскосельского лицея спрашивать не стал бы...

ПРЕДАТЕЛИ Д. З. ВИЛЬКИЙСКИЙ И Э. Ф. ВАЛТ.

Расследование, которое велось о бундовской организации при Москов. охр. отд-нии прикомандированными к нему ж. офицерами А. И. Спиридовичем и Б. А. Герарди, не дало результатов, на которые рассчитывал Зубатов: охотников получать иудины сребреники почти не находилось. Молодым охранникам повезло только в одном случае. В марте месяце 1900 г., в связи с наблюдением за И. Шадовским, которого указал «Друг» (Каплинский), был выяснен ковенский кружок, во главе которого стоял Ш. И. Пяскович. 5—6 апреля эта группа бундистов была ликвидирована и 13 человек, арестованных в Ковне были доставлены в Москву ([25]). На редкость, двое из новых узников решились вступить на путь предательства.

Первым сдался шляпочник Давид-Шлем Зусьманов Вилькийский, который согласился быть секретным сотрудником Зубатова и потому 8-VII—1900 г. был освобожден; «работал» он потом не особенно продуктивно в бундовских организациях г. г. Ковны и Вильны (агентурный псевдоним его был «Судный»).

Другим предателем оказался резчик Эльяш-Шлиом Рахлев-Файвишев Валт, который 2-VIII—1900 дал «откровенку» поручику Герарди и обязался сотрудничать; его освободили, и он поехал на родину; первое время он сообщал кой-какие сведения, но затем эмигрировал в Трансвааль, откуда изредка продолжал писать Медникову—чаще всего просьбицы о пособьице...

Но не о таких сотрудниках мечтал Зубатов. Ему нужна была «центральная агентура», так как было слишком очевидно, что

«Друг» играет в прятки; это приходилось терпеть, так как другого осведомителя такого же калибра не находилось.

Впрочем, Зубатов в это время уже не считал розыск единственным средством борьбы с революцией; находя, что одними репрессивными мерами рабочего движения не остановить, он попытался внести в него деморализацию, задумал взорвать его изнутри; роль минёров в отношении Бунда должны были сыграть инспирированные им руководители Еврейской независимой рабочей партии. На некоторое время Зубатову удалось вызвать в рабочих рядах междуусобицу, принимавшую иногда острый характер.

Вот что писал, например, Двинский с.-д. комитет в гектографированном воззвании своем (V—1900 г.) «К двинским работникам и работницам». «В последнее время нашлись «вредные люди, которые называют себя оппозиционерами»... Не согласуясь с тактикой городской организации, они употребляют всякие средства, принципами любой революционной и свободно сражающейся группы не дозволенные, чтобы препятствовать помянутой организации в ее деятельности... Шпионнически выяснивши ее участников, они стали теперь нападать на них и бить на улице... В субботу, перед пятидесятницей, эти люди гнались за двумя, которые спаслись на извозчике; в первый день праздника они еще побили кой-кого, на следующий день поколотили еще двоих...

«В виду таких обстоятельств является невозможным вести городскую работу, и Двинский с.-д. комитет вынужден прекратить свою деятельность»...

Новая тактика Зубатова вызвала соответствующую отповедь в бундовских периодических изданиях. Один из выпусков журнала «Der Wecker» (№ 6, 1900 г.) почти целиком был занят этой темой.

«Вы, конечно, помните,—писал орган союза щетинщиков в статье «Шпион Зубатов»,—что творилось в Польше и Литве в июле 1898 г. Массу людей перехватали, рассадили по тюрьмам, сослали в отдаленные местности Сибири, забрали наши две типографии... Достигнув таких результатов, Зубатов вообразил, что еврейский «Бунд» низвергнут в прах... Но совсем не то получилось. Сейчас же после арестов вышел первый номер «Классовой Борьбы», затем состоялся с'езд Бунда. «Голос Рабочих» печатался в других типографиях, и в прошлом году Зубатов мог уже видеть 13-й майский номер его»...

«Русское правительство воображает,—писал «Der Wecker» в следующей заметке («Случай абсолютизма»),—что мы без его опеки существовать не можем. Мы вечно должны испрашивать его соизволения. Оно диктует нам, что читать; о каждом своем шаге мы должны об'являть надзирателю участка, полицейский превращается в педагога и воспитателя.... Если бы главные представители правительства не были так ослеплены,.. они поняли бы, наконец, что рабочее движение не есть дело рук нескольких «подстрекателей», которых

нужно держать в тюрьмах для прекращения движения: рабочее движение *должно быть и будет* и никакие аресты его не задушат»...

Справедливость этого утверждения Зубатов начал сознавать; но, подманивая левой рукой наивных рабочих, на правую руку он решил надеть «ежовую рукавицу»; это видно из его доклада директору д-та п., составленного в I—1901 г. Признавая, что переловить всех бундистов, да еще с «поличным», нет возможности, умудренный опытом глава всероссийского сыска предложил: дела о бундистах проводить в порядке охранного расследования; всех «серьезно заподозренных» все время держать под стражей; дела эти разрешать через особое совещание (административно) и всех «обвиняемых» ссылать в Западную Сибирь... (Прил. IV).

Для несознательных—полицейская «легализация».

Для сознательных—охранная узурпация.

Одних—мытьем, других—катаньем.

КОНКУРЕНЦИЯ ОХРАНИТЕЛЕЙ.

1901 год начался для северо-западных розысков московской охранки с «междуведомственных» неприятностей. В виду бездеятельности виленской жандармерии, местная полиция, желая отличиться перед генерал-губернатором, занялась самостоятельно искоренением еврейской «крамолы».

В ночь на 17-I—01 г. пристав Черняев задержал, в виду «жульнического поведения», Персона, при котором оказалась книжка заграничного издания «Андрей Кожухов» (роман Степняка-Кравчинского), каталог нелегальной библиотеки (свыше 2000 номеров), кассовые и прочие записи. На следующий день тот же полицейский арестовал наборщика В. Камермахера, имевшего при себе с десяток революционных воззваний ([26]); поводом к задержанию последнего послужило, будто бы, заявление хозяина типографии Мермелинского о том, что Камермахер «заглядывал в окна его заведения и тем вызвал у него подозрение»... Это вторжение полиции в сферу ведения охранных органов вызвало горячее об'яснение жанд. генерала Черкасова с виленским полицеймейстером Нахимовым и не менее пылкую жалобу Зубатова в д.п. на перестаравшегося пристава, лишившего «Галку» (Ф. Б. Биндер), за которой наблюдали «летучие», ее жениха Персона...

В конце того же января возникли недоразумения между московскими филерами и петербургскими, приехавшими в Вильну наблюдать по делу группы «Рабочая библиотека». По сообщению Каплинского, лидер «летучих» Александрийский заметил за собою наблюдение, которое за ним установили питерцы; по жалобе Зубатова, последним было предписано оберегать только вокзалы. Александрийский, пытавшийся укрыться от сыщиков, был арестован 8-II—01 г. в м. Кашедарах ([27]).

Потом опять возникли осложнения с виленской полицией: пристав Кончевский задержал «за праздношатательство» А. Ш. Вайнштейна и Г. И. Кикоеля, у которого отобрал № 5-й нелег. журнала «Минский Листок».

26-IX—01 г. произошла новая «случайность»: полиция производила (будто бы) розыски по делу о краже у Гордона и при обыске в доме Кмецинской обнаружила в пристройке корзину с еврейским шрифтом, раму, валик и другие типографские принадлежности, а также одно бундовское воззвание (1901 г.); кроме того, под полом, в сенях, нашли нелегальн. издания, печать витебской мещанской управы и явочный штамп пристава 6-го участка г. Вильны. Во время обыска явился хозяин квартиры, негласноподнадзорный Г. Х. Бейлин, которого и арестовали...

Благодаря всем этим неудачам, наблюдение «летучих» развивалось настолько медленно, что Зубатов даже не мог предпринять предмайской ликвидации. Между тем агитация, развитая Бундом по случаю приближавшегося рабочего праздника, сопровождалась сходками, носившими массовый характер и происходившими весьма успешно. Так, 7-IV состоялось собрание под видом спектакля в Вильне, за Зеленым мостом, на котором присутствовало около 200 человек, среди которых агитировала Г. Райхельсон и др. 11-го числа произошла сходка в Ковне, у Петровского спуска (за городом), в которой участвовали поляки-ремесленники, в том числе поднадзорные Б. Вержбицкий, Федорович и др. 14-IV устроили собрание столяры в Минске, за городом в лесу. 17-IV происходила массовка рабочих в Двинске, на Мясницкой ул. (было до 200 человек), которой предшествовало распространение 15 и 16-IV жаргонных воззваний Центрального и Двинского комитетов Бунда, при чем их было разбросано так много, что 17 штук подобрали на улицах филеры...

На «летучих» листки впечатления не произвели: никто из них по-еврейски читать не умел.

СОЮЗ ПРИКАЗЧИКОВ.

Каплинский продолжал держаться своей прежней тактики: сообщать охранникам кое-что и во всяком случае не все. В общем, осведомленность Зубатова о деятельности Бунда оставалась попрежнему очень поверхностной, как это можно усмотреть из нижеприводимых итогов наружного и внутреннего наблюдения в Северо-Западном крае, которые были сообщены в мае 1901 г. Москов. охр. отд-м д-ту п.

«В последнее время особо энергичную деятельность проявляет недавно сформировавшийся нелегальный союз приказчиков, комитет коего и центральная касса находятся в Вильне. Упомянутая организация стоит в таких же отношениях к Бунду, как и союз щетин-

щиков, имеющих свои отделения в г. Ковне, Минске, Белостоке, Двинске и других, при чем во главе их стоят центральные сходки, являющиеся собранием представителей кассовых сходок, формирующиеся из членов, избранных профессиональными группами (бранзами, по жаргону) и занимающихся, главным образом, денежными сборами. Центральные сходки, решающие вопросы о стачках и другие общего характера, помимо представительства в комитете, имеют еще через избранных лиц связи с местными социал-демократическими группами.

«На ряду с этим наблюдением, осуществляемым в г. Вильне филерами летучего отряда, за последнее время было констатировано особое оживление кружковой деятельности. 31 марта один из главных агитаторов—Шерешевский—выехал на неделю в Гомель, где остановился у сапожника Бирдбраера, известного по прежним розыскам.

«1 апреля выбыл за границу на Эйдкунен Герик Цикох, хороший знакомый Г. Стоцик, ныне арестованной.

«3-го числа того же месяца сподвижник Александрийского Ицек Нехамов Ашпиз, повидавшись с приехавшим в этот день в Вильну (из Ковны) наблюдаемым там типографщиком «Наумом», проводил в Двинск Липу Гинсбург с Гершоном Плюдерманом, поехавшим за транспортом для Риги.

«6-IV Шерешевский и приказчик из магазина Гоца организовали большую вечеринку рабочих. 12 апреля знакомый вышеупомянутого Плюдермана «Чуркин» [1] поджидал кого-то с утренним поездом на вокзале, где как-раз в это время был задержан привезенный из Белостока транспорт номера 23-го «Голоса Рабочих». На следующий день Ашпиз, «Чуркин» и ближайшая знакомая их, приятельница социал-демократки Елены Гершанович, Лина Антокольская проводила в Минск известного по своим замыслам «Пине» [2], находящегося ныне в Гомеле.

«21-IV в д. Рудиша, по Стефановской ул., состоялось собрание, в котором участвовали: Шерешевский, «Чуркин», приказчица магазина Гальперина «Соня» [3], «Учитель» [4] и другие, из коих некоторые дежурили поблизости.

«25-го сходка повторилась, при чем у приятеля Цикоха, Овсея Шимелева Каплана, собрались: друг Александрийского и Ашпиза Иосель Таршис, «Дельный», [5] два неизвестных и живущий нелегально Янкель Эпштейн («Сокол», по Минску—«Беглый»), вернувшийся из-за границы и работавший раньше в Белостоке.

[1] М. М. Гарбер.
[2] Если верить Каплинскому, «Пине» замышлял совершить покушение на Зубатова.
[3] Р. Ю. Новогрудская.
[4] А. И. Вайнштейн—впоследствии член Ц. К. Бунда.
[5] Б. Л. Зальманзон.

«4 мая Гершанович, «Чуркин» и «Дельный» посетили табачную фабрику Дурунча и вели агитацию по поводу происходившей там стачки. На 6-е число Эпштейн уезжал по конспиративным делам в г. Минск...

«15 мая Шерешевский встретил прибывших, повидимому, из Варшавы Калмана Крапивника (подлежавшего аресту еще в январскую ликвидацию) и еврея, коему кличка «Бурый», у которых оказался большой чемодан весом около двух пудов.... [Их провели] в д. Клячко к «Чуркину», куда вслед затем наведались Таршис и поднадзорный Давид Шлиомов Антокольский, ныне выбывший в Полтаву.

«19 мая «Дельный» со свертком в парусине, весом до 15-ти фунтов, пошел в д. Дрелинга, в дачной местности Поплавы, где поселился Крапивник, у которого в это время собрались: «Курчавый» с неизвестной еврейкой, приказчик «Алтер» [1] и его сожитель (кличка «Мартышка») [2], Ошер Боровской (был обыскан по делу «Рабочей Библиотеки») и другие.

«21-го числа у Крапивника до 5 часов дня были:«Бурый», «Дельный», «Нос» [3] и знакомый Янкеля Эпштейна, под кличкой «Карлик» [4].

«На ряду с описанными фактами наблюдением установлено, что наиболее часто посещаемым местом является кухмистерская приказчиков в доме 11—Шапиро, по Рудницкой улице, известная по предыдущим розыскам и служащая пунктом конспиративных сношений, а также книжная лавка Гасельника, выполняющая функции того же характера.

«Из вышеизложенного нельзя не усмотреть,—заканчивал свое донесение Зубатов,—что наблюдаемый кружок является центром, в котором сосредоточивается виленская революционная жизнь данного момента и, в частности, развившегося союза приказчиков.

«Так как наблюдению по г. Вильне приходится иметь дело чаще всего с лицами, отличающимися крайней непоседливостью, и выбрать момент, когда все наиболее видные деятели из них могли бы одновременно и с успехом быть арестованными, представляется крайне затруднительным, а также, имея в виду, что агентурная осведомленность по г. Вильне, вследствие некоторых обстоятельств, ослаблена и будет восстановлена только спустя некоторое время, то представлялось бы желательным, не затягивая наблюдения, ныне же, при первом удобном случае, ликвидировать его по г. Вильне»...

Ликвидация, однако, была отложена, повидимому, до восстановления «агентурной осведомленности», которая, действительно, сделалась вскоре обстоятельной.

[1] П. Г. Лейзгольд.
[2] Ш. Я. Ливер.
[3] А. С. Пинкус.
[4] Ш. Б. Драпкин.

Вот резюме данных наблюдения по делу Бунда за июнь месяц 1901 года (сообщение Зубатова П. Н. Лемтюжникову—временно замещавшему Ратаева).

21-VI в Вильне появился известный по наблюдению в Минске (1898 г.) за Евг. Гуревич еврей под кличкой «Араб»; немедленно по приезде он свиделся с М. Гарбером, Ш. Драпкиным, Шерешевским и другими. На следующий день упомянутые лица были замечены наблюдением уже в Минске, где 23-VI, во втором часу дня, за городом в роще «Антоновка», у бывшей корчмы, состоялось собрание, на котором, помимо виленцев Гарбера, Драпкина, Шерешевского и приехавшей с ними женщины (организационные клички: «Макс», «Хаим», «Залман» и «Бася»), участвовали еще известные наблюдению минчане: Ю. Волин, М. Евенчик, Б. Слуцкая, З. Шостак Г. Рабинович, Гольдберг, Виленкина, Ш. Чемерисский, С. Вольман, Э. Форер, М. Кантор, а также известные филерам, по указаниям агентуры, но неустановленные: «Залман», «Броха» и «Роза». Сходка, на которой было около 100 человек, продолжалась до 11 ч. вечера. На следующий день начался раз'езд: Гарбер с товарищами вернулся в Вильну; «Бася» заехала на две недели в Сморгонь, куда отправились трое других участников с'езда...

В том же донесении Зубатов дал описанным событиям агентурное освещение. «Сходка в Минске 23 июня,—писало охр. отд-ние,—была устроена по случаю годовщины основания местного отдела союза приказчиков. На этом праздновании были делегаты из Вильны (члены тамошнего Центрального совета: «Макс», «Хаим», «Залман» и «Бася»), Двинска, Гомеля (Канторович) и Сморгони. Председательствовал на собрании Волин, начавший с чтения отчета кассы и хроники борьбы с хозяевами. Затем говорил «Мотька», член-корреспондент минского совета приказчиков, и опять Волин. Потом выступил оратором «Макс» («Чуркин»), доказывавший, что приказчики такие же пролетарии, как и рабочие, и характеризовавший сионизм, как движение буржуазное. Следовавшие после этого речи Чемерисского и Грапа носили чисто политический характер и резко осуждали политику легализации социал-демократического движения.

В заключение виленские делегаты обратились с приглашением приехать к ним в день годовщины учреждения союза—29 или 30 июня. Из сообщенных ими сведений усматривается, что организованных приказчиков и приказчиц в Вильне до 300; они делятся на цеховые группы, имеющие совет из 4—5 человек, избирающий представителя в Центральный совет (до 20-ти человек), который тайной баллотировкой выделяет из себя Центральный комитет союза, членом коего из делегатов является, повидимому, «Макс», считающийся в Вильне интеллигентом»...

Может показаться странным, что Зубатов не воспользовался минским торжеством для того, чтобы нанести удар союзу приказчиков. Но это могло произойти потому (если не было «высших» легализа-

торских соображений), что о с'езде он узнал, когда участники его уже раз'ехались. Вообще за май-июнь месяцы «летучие» произвели только два ареста: 16 мая—К. Крапивника (в Белостоке, с паспортом на имя Шапиро) и 19-VI—М. Л. Левинсона (в Вильне, у З. Лассера и Ю. Левита, давших ему ночлег).

Ликвидация виленских розысков была произведена только в ночь на 31-VI—1901 г.; в ней участвовали 20 полицейских надзирателей Москов. охр. отд-ния, во главе с командированными из Москвы ж. офицерами Петерсоном и Спиридовичем. «В целях установки намеченных лиц» было произведено 55 обысков; 27 человек были подвергнуты задержанию (28).

Крупную поживу дал охранникам А. О. Бернадик—у него нашли 2.600 экз. нелегальных изданий, в том числе печатные на рус. языке: брошюра «Четвертый с'езд Всеобщего Еврейс. Раб. Союза в в Литве, Польше и России» (изд. Ц. К. Бунда, VI—01 г.) и воззвания: «К обществу» и «К еврейской интеллигенции»—о тайном циркуляре «об еврейской наглости» (от имени Ц.К. Бунда,VI—01 г.); кроме того, у Бернадика отобрали паспорт на имя Ш. И. Немзера. У Гарбера, жившего вместе с Я. Г. Швабским, обнаружили два рукописных отчета центральной кассы, рукописи воззваний «преступного содержания», отметки о денежных взносах и другие конспиративные записи, относившиеся к союзу приказчиков. У С. И. Гликман забрали 28 экз. революционных изданий, книжку с записями о занятиях в нелегальных кружках, а у З. О. Цыпина (Шерешевского), жившего с Ш.Драпкиным,—около сотни запрещенных изданий, рукописи, шифрованные записи и печать журавического мещан. старосты, с мастикой. У Б. П. Кессель нашли жаргонный «Варшавский Рабочий» №№ 7—8 (V—01 г.) и у А. Вайнштейна—письмо о бундовских делах и др. рукописи. У Л. И. Быкович, Л. П. Гехтер, З. Гинсбург, М. Л. Гурвича, Б. Л. Зальманзона, Р. Х. Новогрудской, А. М. Кисина, Ц. Скоповкер и Х. М. Ходоса—отобрали мелкую нелегальщину и компрометирующую переписку...

На этот раз пленники «летучего отряда» остались на месте битвы: в московских тюрьмах уже сидело полсотни бундистов (29).

Для новых жертв нехватило места.

ЕЩЕ ТРАНСПОРТЫ (ГРОДНО. ХАРЬКОВ).

Помимо блестящей постановки типографского дела, В. Еврейский Рабочий Союз организовал контрабандные пути, которые обслуживали нужды и Росс. с.-д. р. партии по части водворения из-за границы произведений нелегальной литературы. Было уже упомянуто о том, как задержали транспорты в Киеве и Одессе. После ареста Александрийского, занимавшегося устройством переправы политической контрабанды, Каплинский указал на его заместителя—Бенце Левина; «летучие» взяли его в наблюдение, которое привело

их в Гродно; здесь наблюдаемый, бывший вдвоем, заметил за собой «хвост» и поспешил с товарищем скрыться (27-VI—01 г.), оставив на вокзале свои вещи. При осмотре покинутого Левиным багажа оказалось, что корзина содержит 462 экз. революционных изданий на еврейском языке, а в узле, завернутом в одеяло, нашли 484 брошюры (часть на русском языке). В транспорте этом были, между прочим, в значительном количестве издания Бунда (жаргонные): «Рассказ английского рабочего» (XI—1900 г.); «О лондонском рабочем конгрессе», происходившем в 1896 г. (III—1900 г.); «Основы социализма» Геда и Лафарга (VI—1901 г.); а также «Религия и ее значение» М. Термана (изд. рус. революц. комитета в Нью-Йорке, 1900 г.) и «Подпольная Россия» Степняка (Лондон, 1896 г.). Из русских изданий следует отметить: «Очерки из истории английских рабочих союзов» (изд. союза рус. с.-д., Женева, 1900 г.); «Листок Рабочего Дела», № 7 (IV—01); «Суд над Карповичем и Лаговским» (Женева, 1901 г.); «Доклад о русском с.-д. движении международному социалистическому конгрессу в Париже» (1900 г.).

Эта добыча не особенно обрадовала Зубатова—что толку было в «вещественных доказательствах», хотя бы и весьма об'емистых, когда сами обвиняемые оказались в «нетях»?..

А крупных бундистов, которых «летучие» хорошо знали, но поймать никак не могли, в это время было уже более двадцати; в разряде таковых числились: М. О. Цейтлин, Ц. Гурвич, С. Маршак, Х. Н. Розенфельд, Ш. Х. Мерингоф, К. Н. Иоффе, М. Е. Коган, М. Х. Юрчик, Г. Ш. Райхельсон; Д. Л. Богорад, Г. Ш. Плюдермахер, Ц. М. Скоповкер, Г. Л. Гониондзский, М. Л. Гинсбург, Л. И. Гольдман, И. Х. Миль, Г. Я. Ледер, М. Я. Левинсон, А. И. Кремер, А. Я. Мытникович, И. Таршис, И. Гольденберг, О. Ш. Каплан...

Но «лидеры» оставались неуловимыми, а в руки Зубатова свалился опять мертвый груз: по наблюдению за неизвестным под кличкою «Калмык» было установлено, что он оставил на станции Харьков, на хранение, корзину, взятую, кажется, в Белостоке; получать ее являлся один молодой человек (ему дали кличку «Трус»), но, заметив что-то неладное, во-время скрылся. Корзину эту 13-X—01 г. из'яли, и при осмотре ее в жандармском управлении оказалось, что она заключает в себе несколько пакетов (с надписями: «Екатеринослав», «Харьков», «Луганск»), в которых содержались нелегальные брошюры и воззвания на еврейском и русском языках, главным образом, издания Бунда (вышеупоминавшиеся «Доклад», «Четвертый с'езд», воззвания «К еврейской интеллигенции», «К обществу» и др.).

Продолжение истории этого транспорта имело место в Кишиневе. Наблюдая в этом городе, «летучие» 29-X взяли «в оборот» двух суб'ектов, похожих на «Труса» и «Калмыка», которых провели в д. 31 на Подольской ул., где, как узнал старший филер «отряда» П. Машков у полковника Чарнолусского (нач-к Бессарабск. г. ж. у.), только-что

поселился прибывший из Одессы Х. М. Нудельман, за которым «летучие» наблюдали еще в 1897 году (по делу Южно-рус. раб. союза) в г. Елисаветграде (он находился там в сношениях с А. Таратутой—впоследствии видный большевик).

Но и на этот раз «летучим» не повезло с Нудельманом: оказалось, что одновременно за ним наблюдали одесские филеры, которые приехали в Кишинев арестовать его.

Докладывая об этой истории д-ту п., Зубатов жаловался, что «продолжающиеся аресты по Кишиневу (25-Х был задержан Александр Яндовский, известный филерам под кличкой «Серый», и его брат) заметно отражаются на наблюдаемых, которые еще не успели оправиться после недавней местной ликвидации.

Кому достался Нудельман, на которого могли пред'явить еще претензии харьковские жандармы, мне неизвестно.

ПОКУШЕНИЕ НА ФОН-ВАЛЯ.

Убедившись, что бундовскую «заразу» оперативным путем излечить нельзя, Зубатов возложил все надежды на свои легализаторские антитоксинные прививки и направил удары на Рос. с.-д. р. п., в частности против южных ее организаций, порт-паролем которых являлся журнал «Южный Рабочий».

1902 год, как известно, ознаменовался открытыми выступлениями пролетариата. Майские демонстрации носили внушительный характер; кое-где было оказано «сопротивление властям».

Мускулистая пятерня рабочего сжималась уже в сокрушительный кулак.

Многочисленны были майские демонстрации в Западном крае; одна из них имела место в Двинске; здесь 16 апреля, в 8 ч. вечера, на Офицерской улице толпа человек в полтораста устроила шествие под сенью красного флага; чтобы рассеять ее, полиция вынуждена была призвать на помощь конных артиллеристов, при помощи которых до 50 демонстрантов было арестовано.

В Вильне рабочие справляли маевку 18-IV; имея красные флаги, они пытались собраться на Лукишской площ. и Немецкой ул.; «своевременно явившиеся казаки,—повествует официальная справка,—разогнали толпу, усердно награждая нагайками участников демонстрации; на улицах все время находился губернатор фон-Валь; задержанных в это время демонстрантов, в числе 26-ти человек, наказали розгами (до 50 ударов) и освободили из-под стражи. Экзекуцию производили казаки» ([30])...

Эта дикая расправа над беззащитными людьми вызвала глубокое возмущение как в обществе, так и в рабочей среде; беспримерное издевательство над человеческим достоинством, вызов, брошенный виленским сатрапом еврейскому пролетариату, не могли пройти бесследно.

Уже через неделю после экзекуции, 26-IV, директор д-та п. сообщил Московск. о. отд-нию, что «по полученным, совершенно достоверным, агентурным сведениям, в Вильне организован террористический отряд с целью убить фон-Валя, прокурора Виленск. судебной палаты, пристава 2-го участка, окл. надзирателя Мартынова и городового Цыбульского. В организации состоят: 4 местных еврея и 2 поляка, а также два ли[]а, прибывшие—одно из Минска, другое из Двинска; заготовлено 6 новых револьверов, 2 кинжала и охотничий нож; заговорщики имеют патрули»...

Слухи о возможном покушении циркулировали широко—и в Двинске, и в Минске, и в Ковне, где 26-IV был задержан подросток Шолом Орловский с рукописным воззванием, которое гласило: «как луч света, пробежало известие, что великий тиран, второй Муравьев, барон фон-Валь застрелен»...

Действительно, проследками «летучих» по Вильне было установлено, что за генералом ф.-Валем ведется наблюдение в две смены группой лиц, притоном для которых служит квартира Е. Ходоса; двое из выслеживателей 30-IV были временно задержаны полицией; это были Б. И. Сендерацкий и И. Н. Каплан; «набив им морду» (слова ж. ротмистра Модля), полицейские арестованных отпустили и они исчезли.

К предупреждению об опасности фон-Валь отнесся скептически и продолжал открыто раз'езжать по городу. 5-V губернатор вечером отправился в цирк Чинизелли; минуты за две до окончания спектакля он направился к выходу, окруженный сворой полицейских; в то время, когда фон-Валь пропускал в экипаж свою жену и повернулся спиной к публике, в него выстрелил стоявший сзади окол. надзирателя Косатого рабочий Г. Лекух (Лекерт); раненный в левую руку, ф.-Валь схватил правой покусителя, который успел еще раз выстрелить—и опять неудачно: пуля попала в ногу губернатора; раны оказались легкими, и фон-Валь без посторонней помощи сел в экипаж и уехал.

По агентурным данным ж. ротмистра Пастрюлина и наружного наблюдения, Г. Лекух был не одинок; к кружку, задумавшему покушение, принадлежали: столяры Залман Аскариц и Юдель Офингарц, а также Г. Я. Влодавер, участвовавшие в совещаниях о покушении, происходивших в квартире Хаи Эльперн; упоминавшиеся выше И. Каплан и Б. Сендерацкий, сапожники Х. Л. Лекух (двоюродный брат Гирша) и Е. Ш. Ходос; находившиеся в сношениях с этими лицами столяр Я. Милейковский, невеста его чулочница Р. О. Курчер; сапожники Д. П. Бобровский и Я. Л. Фарбер и портниха Ш. Б. Штемпельман, невеста приятеля Г. Лекуха—Пейсаха Лейзгольда, привлеченного к расследованию, производившемуся Московским охр. отд-м.

Дознание, которое было предпринято Виленским г. ж. у-м по делу о покушении на фон-Валя, мало что выяснило. 10-V были обысканы

Я. Фарбер, Д. П. и П. П. Бобровские, Я. Ходос и Ш. Б. Штемпельман, но безрезультатно. Большинство членов вышеупомянутого кружка разбежалось. Задержаны были только Влодавер и 22-V—Б. Фридлянд (принимавший участие в выслеживании фон-Валя), при котором нашли большой охотничий нож.

29-V—02 г. были ликвидированы виленские розыски «летучих». Результаты пятидесяти обысков были незначительны; арестовали «с поличным» Ш. Гурвича (№ 27-й «Минского Летучего Листка»); Ф. Б. Биндер и Ш. М. Чужовского (несколько экз. того же «Листка» и рукопись «О положении рабочих при самодержавном правительстве»); П. Х. Кобцовскую («Последние Известия» Бунда); З. Я. Гордона (10 экз. «Минск. Лет. Листка») и Ш. Б. Бегельферикеса («Андрей Кожухов», на жаргоне). Кроме того, были задержаны: Р. Г. Мицкун; К. Аронович (за неимение паспорта); Н. В. Горклян; Эт. Ходос, Д. П. Бобровский; Х. Лекух и Ц. Г. Валк (знакомая Фридлянда).

Накануне этой ликвидации, имевшей характер предупредительной меры (на случай возможной демонстрации), был повешен приговоренный военным судом к смертной казни Г. Лекух (подробности в приложении V).

Фон-Валь по трупу своей жертвы поднялся выше—на пост товарища министра вн. дел и командира корпуса жандармов...

«ДОЛОЙ САМОДЕРЖАВИЕ!».—ПАМЯТИ ДЕКАБРИСТОВ.

Каплинский все продолжал вещать: работавшие в тайной типографии Бунда в Варшаве Х. Амстердам и Г. Райхельсон—выбыли за границу; их заменили Ц. Гурвич и И. Н. Рабкин; пособницей является Т. Марголис, ведущая переписку и другие дела, требующие легальной почвы; скрывшийся из Сибири У. Герцов находится, будто бы, вместе с Б. Левиным где-то около Киева—Бердичева [31]...

Так доносило в VII—02 г., на основании сведений «Друга», Московск. охр. отд-ние д-ту п.

Типография в Варшаве,—но где? В ней работает Гурвич и Рабкин—а их адрес?

Еще лучше лукавство Каплинского выразилось в его фразе, звучавшей уже прямой насмешкой: Герцов «будто-бы» находится «около Киева—Бердичева».

И бундовские типографии тоже оставались (только не «будто-бы», а на самом деле) «около»... Каплинскго—и в полной неприкосновенности.

Но Зубатову было уже не до того: близилось осуществление его властолюбивой мечты; стремясь к своей цели, он выезжал уже на «бледных» и«вороных» конях эсерства и, следуя примеру своего предтечи—Судейкина, с волнением ожидал, когда, наконец, бюрократи-

ческая знать решится, дрожа перед террором, призвать его, разночинца, на берега мутной Фонтанки руководить всей охраной «престола и отечества».

В принципе этот вопрос уже был решен новым временщиком—фон-Плеве.

Часть намеченных Зубатовым «реформ» уже получала осуществление.

Целый ряд крупных городов имел быть осчастливлен учреждением местных охранок; в честь Бунда таковые учреждались в Вильне Житомире, Кишиневе, Одессе. В Минске дело розыска было поручено пунктовому жан. офицеру Хрыпову, который уже успел обзавестись сотрудником И. Ш. Елиным ([32]) и другими, что дало ему возможность быть несколько в курсе дела.

Это можно видеть из следующего донесения (Медникову) старшего филера «летучих», находившихся в Минске.

«30-V—[02 г.],—писал И. Баранов,—Исер Каплан и другие с ним в 10 ч. веч., во время празднования экономистами [1] годовщины своего существования, в зале, на Раковской ул., кричали: «Долой самодержавие!» и сыпали прокламациями, привезенными из Вильны; но экономисты в ответ на их шум более дружно закричали: «да здравствует государь!» и погнали противников вон; многие из них побросались в окна; а листки их экономисты рвали на мелкие клочки. Все бундовцы были страшно озлоблены и были как разбойники,и мне пришлось уйти, не узнав в чем дело. В настоящее же время все узнано точно. И. Каплан жил в кв. Софьи Годус, в д. Шульмана, куда ходили Вольман, «Мейше» (скрылся за границу), Машкелейзон; адрес его через агентуру узнали ранее... у нас вчера из квартиры в квартиру перевезли корзину шрифта, но агентура запоздала предупредить».

Одним словом—все узнали «точно». Но с собраний приходилось удирать без оглядки....

В Киев начальником вновь учрежденной там охранки был назначен уже знакомый нам ж. о. Спиридович, который на первых же порах успел отличиться. «Ночью на 11 апреля [1903 г.],—телеграфировал нач-к Киевск. охр. отд. в Москву,—в Бердичеве обыскано 32 квартиры; 30 человек арестовано; у 8 поличное, в том числе около 4000 бундовских майских прокламаций, библиотечка более ста нелегальных книг, около ста разной нелегальщины,заграничная переписка; у А. Грузмана 10 двухаршинных картонок-трафареток для печатания «Долой самодержавие» и других русских и еврейских революционных надписей на флагах»...

Дожили. Фраза: «Долой самодержавие!..»—стала трафаретной...

В 1903 году Еврейский Р. Союз чувствовал себя уже настолько господином положения, что не боялся действовать почти открыто.

[1] Членами минской группы Еврейской независимой р. п.

13-XII, например, в Житомире была захвачена сходка, посвященная памяти декабристов, на которой присутствовало 113 человек (из них 33 женщины). Собрание это происходило в нанятом помещении под видом еврейской свадьбы.

Интересна была обстановка этого празднования. В помещении, где происходило собрание, никакой мебели, кроме стола, не было. На стене был прибит красный двухаршинный флаг с надписями: «1825—1903. Слава памяти Декабристов! Да здравствует политическая свобода!.. Да здравствует социализм!»...

Около флага были развешены портреты Маркса, Чернышевского, Лассаля. Все это было освещено несколькими свечами. На столе помещался боченок пива, колбаса и яблоки.

При осмотре помещения, в котором происходила сходка, подобрали около сотни революционных изданий и рукописную программу вечера, в которой значилось:

А. Декабрьское восстание и современное рабочее движение.

Тост: памяти Декабристов. 1) Марсельеза. 2) «Замучен тяжелой неволей».

Ушер: Тост памяти повешенным декабристам. Присяга.

Люба: Памяти Чернышевского.

Хайкель: Памяти Балмашева.

Муня: Памяти Лекерта.

Финал: «Друзья, не теряйте!» [бодрость в неравном бою].

На оборотной стороне программы приводился счет расходов вечеринки, а именно: ведро пива—1 р. 20 к. ; ½ пуда хлеба—50 к.; 5 селедок—25 к., 5 фунтов колбасы—1 р. 25 к; 2 ф. конфект—50 к.; 5 ф. яблок—35 к.; 2 ф. сахару—28 к.; чай—10 к.

Итого—4 р. 43 к. На 113 человек!..

Вот как справляла свои празднества истинная демократия....

ПРОВОКАТОРЫ А. ГИНСБУРГ, СУДАК И М. ГРАММ.

Похождения названных провокаторов имеют косвенное отношение к деятельности Бунда, но обойти молчанием их нельзя.

Абрам-Бер Вениаминов Гинсбург, родившийся в 1881 году, в м. Седневе, был привлечен в 1898 г. к дознанию за составление речи к рабочим кружка, существовавшего в Чернигове; в 1900 г. он находился под особым надзором п. в Минске, где в то время производил розыски состоявший при Москов. о. отд-нии ж. о. Б. А. Герарди, который и «заагентурил» (при каких обстоятельствах—мне неизвестно) Гинсбурга в июне месяце того же года.

3-XI—1900 г. новообращенный шпион прислал Зубатову донесение за № 81, подписанное «С. Л. Рам», в котором весьма многословно и витиевато описал положение дел в минских революционных кружках, назвав некоторых членов таковых (Хаим Овсянников, Рудерман, Сельцовская, Хаша Гальперн и др.) и закончил уведомле-

нием: «я перебрался на другую квартиру: Московская ул., д. Лекаха, кв. Шлейзингера, Борису Вениаминовичу».

Из Минска Г. писал часто, но малосодержательно, так как, опасаясь жандармов, не знавших его роли, устранялся от активного участия в нелегальной деятельности. Однако, случай подвел Г.: в I—01 г. у Л. Волкова в Тифлисе по обыску нашли письмо «предосудительного содержания», подпись которого разобрали так: «Авр. Г—ч»; производившие дознание жандармы постановили автора послания привлечь к делу. Так как в Минске тогда велось наблюдение филерами «Л. О.», то нач. местного г. ж. у. запросил Московск. о. отд-ние: можно ли обыскать это лицо; Зубатов, не подозревая, что речь идет об его сотруднике, ответил, что препятствий нет. 27-VII Г. обыскали и, найдя у него нелегальщину, арестовали.

Чтобы выйти из неловкого положения, Гинсбурга вытребовали якобы для допросов в Москву; здесь, числясь содержащимся под стражей, он жил в частной квартире двух филеров, пополняя свое «образование» и даже разгуливая по городу. Когда Г. достаточно «насобачился», решено было направить его в Западный край; так, в отношении за № 5597, к которому было приложено соответствующее прошение, Зубатов рекомендовал д-ту п., в интересах агентурной осведомительности, разрешить Г. поселиться в г. Гродне. Однако, впоследствии планы изменились, и Г., согласно ходатайству Москов. о. о., направили в Тифлис, при чем н-ку местного г. ж. у. было предложено, в виду того, что обвиняемый сидит в тюрьме «уже шестой месяц», озаботиться скорейшим окончанием дела; вместе с тем, чтобы такая необычная заботливость не показалась странной, полковнику Дебелю было вменено в обязанность, в случае отдачи Г. под особый надзор, обратить на его деятельность «самое строгое внимание».

Будучи освобожден из-под стражи, Г. стал шпионить для Тифлисского о. о. Чтобы упрочить революционный престиж Г., делу о нем дали естественный ход: ему назначили 8 м. тюремного заключения; срок этот Г. отсидел в Шемахе, где он тоже не терял времени даром и в качестве «ярого протестанта» чуть не ежедневно писал жалобы, а на свиданиях, по поводу их, с нач. Бакинск. г. ж. у. передавал последнему, что делается среди арестантов; в благодарность за это полковник Дремлюга, представлением от 30-XII—03 г. за № 37, испросил у д-та п. для уплаты сотруднику «Гуревичу» за октябрь, ноябрь и декабрь—последние месяцы отсидки Г.—150 рублей, чем последний был очень доволен, так как любил деньги и копил их (книжка сберегательной кассы на его имя одно время хранилась при Моск. о. о.).

После этого Г. вернулся в Тифлис, где, пользуясь репутацией человека, потерпевшего за свои убеждения, продолжал с успехом предательствовать. В июне 06 г. Г., предчувствуя провал, а главное—

напуганный ходом событий, выпросил через Гуровича [1] и Ширинкина 1.000 р., получил еще 600 р. пособия от д. п. и уехал за границу (кажется, в Сев. Америку). Перед этим Г. очень хлопотал, впрочем безуспешно, об из'ятии из дела переписок, свидетельствовавших об его службе в охране.

Контрабандный ввоз революционных изданий из-за границы к началу девятисотых годов достиг значительных размеров; д. п. обратил на это внимание, и Зубатов, приступив к реорганизации розыска, решил, что прежде всего надо «запереть границу»; в целях выработки соответствующих мер был даже созван при д-те п. с'езд пограничных ж. о-ров. В то же время приложены были особые заботы к приобретению осведомителей из среды контрабандистов; с этой целью были командированы некоторые охранники и, в том числе, В. Я. Соркин, на личности которого еще придется остановить потом внимание читателя.

Названный Соркин в докладной записке д-ру д-та п., поданной 17-XI—03 г., писал: «в марте месяце сего года я об'езжал пограничную линию Сувалкской и Ковенской губ., где установил лица контрабандистов и привлек к агентурной деятельности по революционной контрабанде двух сотрудников, жителей гор. Ковны, отца и сына, неких Судак, об'яснив им технику дела».

16-X того же года нач. Ковенск. г. ж. у. донес д-ту п.: «при участии переданного мною в распоряжение начальника Виленского охранного отделения агента Судака получились сведения о доставлении в м. Алексоты, Сувалкской губернии, из-за границы транспорта нелегальной литературы... при участии того же Судака, жившего в Алексотах, в ночь на 15 сего октября неизвестными ему лицами был разделен транспорт и упакован в пять отдельных ящиков, которые, по поручению отправителей, Судак (отец) отвез на лошадях на ближайшую от города Ковны станцию «Провенишки» С.-Петербург-Варшавской ж. д. и сдал для отправления по назначению большой скоростью. При моем содействии охранному отделению транспорт этот был принят 15 ноября от Судака на ст. «Провенишки» без осмотра его и отправлен по следующему назначению, на пред'явителя накладной: 1) в г. Самару, по накладной № 123—4 пуда, 2) в г. Екатеринослав, по накладной № 122—2 п. 38 ф., 3) в г. Смоленск, по накладной № 119—4 п., 4) в г. Одессу, по накладной № 120—2 п. 36 ф., 5) в г. Ростов-на-Дону, по накладной № 121—3 п. Итого 16 пудов 34 ф. Весь этот багаж проследовал далее от ст. «Провенишки» под наблюдением семи филеров Виленского охранного отделения».

Из переписки по этому делу, имеющейся в д-те п., видно, что отправка транспортов Судакам была поручена Зинделем Пакельчиком,

[1] М. И. Гурович—известный провокатор, стоял тогда во главе «Особой канцелярии» при помощнике по полицейской части кавказского наместника.

который перед этим виделся с Вульфом Гиршбергом, приехавшим из Либавы, где он наблюдался по делу Розы Гинсбург.

При задержании транспортов были арестованы: в Смоленске 21 октября пред'явивший квитанцию на получение воспитанник местной духовной семинарии, Василий Васильев Медведков, у которого по обыску найдена «Заря», в Ростове—Федор Кустов и Мария Морозова и доставивший с вокзала Аршак Кургиниянец; в Самаре—дворянин Павел Павлов Распопов, у коего обнаружено еще несколько пудов нелегальной литературы, полученной из Баку; в Одессе—Мириам Михейлева Коломийцева, у которой найден склад новейших изданий и задержан Михель Гойхберг, распаковывавший ящик; в Екатеринославе получательница успела скрыться.

В летописях революционной контрабанды это был единственный по своей жестокости провал.

В другом месте охранникам не так повезло.

Филер летучего отряда Усалов, проживавший неоднократно, в целях наблюдения за приезжающими из-за границы революционерами, в м. Вержболове (01—03 г. г.), бражничая в часы безделья по местным притонам, сошелся с хозяйкой дома терпимости в м. Кибарты—Малкой Грамм, муж которой занимался тайным проносом заграничных товаров; по совету московского шпика, обещавшего им свое высокое покровительство, супруги Грамм занялись и «политической» контрабандой; при чем, имея за спиной охранника, делали это столь откровенно, что вызвали донос; в XII—03 г. нач. Сувалкск. г. ж. у. сообщил за № 3377 д-ту п., что обыском, произведенным у Грамм, вследствие заявления прислуги их Барановской, под кроватью Малки были обнаружены 51 экз. «Искры» и десяток нелегальных брошюр и что по поводу возбуждения дознания, «так как супруги Грамм в высшей степени неблагонадежные лица» и «состоят агентами начальника Вержболовского пограничного отделения СПБ.-Варшавского ж. п. управления ж. д. подполковника Мясоедова» [1].

Делу этому не дали, конечно, движения, тем более, что оно возникло из сыщического соревнования: расположения содержательницы дома терпимости настойчиво добивались трое рыцарей прекрасных: жандармы вержболовский, сувалкский и виленский, испытывавшие большую нужду в агентуре, которую петербургское начальство им вменило в обязанность раздобывать.

Всем угодить Грамм не могла, а оказывая внимание одному, она возбуждала против себя других. Это положение между трех огней повело к целому ряду недоразумений, заставивших яблоко раздора—Малку—лично поехать в Петербург, где покойный Н. А. Макаров, заведывавший особым отделом д-та п., учтиво выслушал слезницу этой почтенной дамы и успокоил ее некоторой суммой денег.

[1] Того Мясоедова, который впоследствии был казнен по обвинению в шпионстве для немцев.

В конце-концов Граммы остались в Виленском о. о., которое располагало большими средствами. В зависимости от этого стала и серьезнее деятельность контрабандистов: в 1905 г. Грамм выследили уже целый транспорт взрывчатых веществ, с которым задержали Овсея Таратуту; чтобы поставить дело совсем на широкую ногу, они вовлекли в свои операции и солдат пограничной стражи. Но тут произошла осечка. В октябре того же года была «организована» одна из очередных переправ нелегальщины, но по доносу ли кого-либо из других контрабандистов, или случайно, проносившие через границу транспорты революционной литературы Грамм, Кочизна и Смелов были задержаны дежурным раз'ездом; при аресте все трое об'явили себя агентами Виленского о. о.

На следствии по этому делу Грамм показал, что он неоднократно проносил революционную контрабанду с целью задержания ее получателей, «что делалось путем подкупа пограничной стражи»—и что пронос в ночь на 7-X—05 г. сделан им по поручению Баранова, «секретаря» н-ка Виленского о. о., «который дал для этого сорок рублей». Военный суд, приговоривший к наказанию солдат Тетихина, Шерстюка и Гусева, о действиях гражданских властей, допустивших их подкуп, сообщил м-ву вн. д., но тов. мин. Макаров ответил, что в действиях чинов Виленского о. о. незакономерности он не усматривает.

Тем не менее история была так скандальна, что даже Гос. дума 3-го созыва, по предложению Маклакова, сделала запрос Столыпину.

19-XI—1908 г. Макаров давал по этому поводу об'яснения; он заявил, что Грамм был пойман при провозе революционной контрабанды, и естественно, что лучшим для него выходом было сослаться на то, что он провозил эту контрабанду при содействии чинов охранного отделения. Ему поверили и он находится в Америке. Когда на слова Макарова, что показания Грамма не имеют цены, так как он еврей, профессиональный контрабандист и содержатель публичного дома, кто-то из депутатов сказал «компания хорошая—ваши сотрудники», товарищ министра возразил—«не наши» и в качестве доказательства сослался на то, что 5 октября 1905 г. Виленское о. о. «никакого отношения ни к границе, ни к Кибартам не имело»...

Это в устах официального представителя мин-ва вн. д. значило «ничего не скрывать» и «говорить с полной откровенностью»...

Как-будто товарищ министра Макаров, заведывавший полицией, не знал, что шпионскими услугами супругов Грамм пользовались в течение пяти лет охранники московские, виленские и всякие иные!..

Трудно решить, чей цинизм заслуживает пальмы первенства: филера Усалева, сводницы Малки или почтенного юриста и сановника Макарова.

Того Макарова, который по поводу расстрела рабочих на Лене изрек: «Так было. Так будет!».

ПРИМЕЧАНИЯ.

К ГЛАВЕ I.

[1] Г. К. Семякин начал свою полицейскую карьеру, когда директором д. п. был Плеве; как специалист по розыскным делам, он в 1884 и 85 г г. был командирован в Париж для более правильной постановки заграничной агентуры, во главе которой, по его рекомендации, и поставили тогда Рачковского. Семякин заведывал III делопроизводством д. п. (политический розыск); в 1901 г. он занял должность вице-директора и его функции перешли окончательно к часто замещавшему его ранее Л. А. Ратаеву; через год С. умер за границей, где лечился от горловой чахотки.

Ссылаться на свою «бедность» С. имел основания: любя пожуировать (умер холостым), он постоянно был в долгах—даже у своих подчиненных, из которых старый чиновник Поступальский (заведывал разработкой перлюстрационных документов) был в д. п. для начальствующих лиц ростовщиком.

[2] «Известным источником» в данном случае является, по всей вероятности, М. И. Гурович; к «южной» типографии петербургские народовольцы отношение едва ли имели; как известно, уцелевшие члены этой группы, в том числе А. Шулятикова, предполагали сначала отпечатать свое воззвание за границей, а затем попытались завести свою печатню (арестована в Петербурге 27/III—97 г.;—дело Рядкова).

[3] В числе знакомых М. И. Водовозовой, выясненных наблюдением, оказались: К. Н. Венцель, А. А. Иогансон, И. Н. Сахаров, П. А. Рождественский с женой П. Н. Рождественской, Н. К. Муравьев, В. Г. Михайловский, М. С. Мороз, Н. Г. Гопфенгауз, М. П. Матерн, В. Я. Яковлев, Е. А. Стрелкова, состоявшие под негласным надзором п., а также: В. В. Лункевич с женой З. П. Лункевич, С. Н. Булгаков, А. П. Омельченко, А. В. Погожева, В. И. Бонч-Осмоловская и супруги М. Т. и А. И. Елизаровы,—все лица, хорошо известные охр. о.

[4] Для меня так и остался невыясненным вопрос о том: о какой же «южной» типографии шла речь и существовала ли она в действительности.

В «Материалах для биографического словаря социал-демократов» В. Невского (вып. 1-й) сообщается, что И. Ф. Дубровинский, находясь в Калуге (96 г.), «работал в городской подпольной партийной типографии, печатал прокламации и транспортировал их в Москву» и что он был сослан «по делу о типографии Московского раб. союза» (стр. 271—72).

Мне думается, что в этих заявлениях кроется недоразумение, проистекающее от неправильного понимания термина «печатать», которое в обиходе часто употребляется в применении и к другим способам воспроизведения—гектографированию и мимеографированию.

Насколько мне известно, кустарных печатных изданий (с.-д.) в 1896—97 г.г. в Москве не циркулировало. Кроме того, мы уже знаем (ч. I, гл. XVI), что Дубровинский работал (в Калуге) на мимеографе; ближайший его товарищ

по работе (в то время) Никитин в своих воспоминаниях («На заре рабочего движения в Москве») тоже говорит о том, что они занимались мимеографированием. Наконец, в 1897 г. «партийной» типографии с.-д. не могло быть, так как и сама партия тогда еще не существовала.

[5] Соломон Моисеев Гандер на дознании в 94 г. (по одесскому с.-д. кружку, которым руководил Нахамкес) дал откровенные показания и, как состоящий на военной службе, отделался дисциплинарным взысканием, после чего сделался с. с. жандармов. Когда против Г. возникли подозрения, товарищ его Лысенко (вернее—Лесенко, Д. В.) пошел в агенты Ковалевского и в своих донесениях начал указывать на Гандера, как на самого энергичного революционного деятеля, но получил ответ, что Гандер тоже состоит сотрудником; Лесенко, огласив этот факт, скрылся.

Г. опубликован, как провокатор, в № 7 «Вперед» и в № 2 (II—01 г.) «Искры». В. Махновец («Голос Минувшего», II—08 г.) тоже писал о сношениях Эйдельмана с Гандером, «оказавшимся провокатором».

[6] На сходке в квартире, которую занимали Р. К. Маевский и Л. А. Трубный, кроме Теслера, были задержаны рабочие: Я. И. Болотный, Г. Ф. Валенский, О. М. Иодис, Х. М. Залевский, А. И. Иванов, И. И. Корженевский, П. А. Макрановский, А. С. Охотский, Г. Г. Паляница, Я. И. Соболевский, Я. Л. Соловейчик, М. Д. Теличко, С. А. Трубный, М. А. Турчук, Н. А. Федорчук, Д. И. Гехт, Х. И. Гехт, М. А. Яголковский, Н.Ф. Якубовский, И. В. Беленький, А. Л. Мельштейн, Л. М. Шеренцис, А. И. Хаскин и студент Киевск. ун. Л. В. Заливский, который назвал себя Ермолаевым.

С последним вышел курьез: жена Заливского, обеспокоенная его отсутствием, на третий день явилась в полицию; ей пред'явили арестованных на сходке; увидя ее, З. отвернулся, но жена узнала его и бросилась к мужу с поцелуями; тому ничего другого не оставалось, как сознаться в самозванстве.

[7] В ликвидацию 12/III были еще арестованы: Н. А. Бердяев (знакомый Эйдельмана, Крыжановской; впоследствии философ-мистик); И. Г. Багалей и Р. Брауде—по доносу отца последней (в виду намерения ее принять православие); М. Л. Берлинерблау (найдены по обыску земляческие воззвания); С. Ю. Бражас (в квартире у Полонского); И. С. Биск (брат арестованного в Москве члена местного «Союза борьбы»); наборщик В. А. Белинский-Иванов (знакомый Теслера); Б. Ш. Блювштейн; К. А. Василевский; М. Ш. Высоцкий; А. К. Дроздов; И. А. Дьяков; М. А. Дьякова; М. Г. Жеглинская; М. И. Ильин (письма его у Померанец); Е. К. Левина; М. В. Лури; В. М. Люлев (агитировал, собирался ехать за границу); В. Н. Михайлов; А. В. Агарков (найдено до 200 легальных книг для народа); В. В. Петров, И. Я. Сикорский, А. М. Сонкин, Ф. Я. Тарара, Б. И. Талят-Келиш; В. И. Климович (знакомый Полонского, Жеглинского и Шуляковского); Ш. Чернявский; А. М. Цевчинский; М. З. Шапиро (у нее жил Эйдельман); И. Е. Штейн; Н. В. Яцковский (участвовал в сходках); студенты ун-та Н. Иорданский (впоследствии писатель-марксист); М. Ильин и В. И. Спасский; Ф. И. Прицкер, В. Я. Соболев, Л. Сонкина, Р. Сонкина, М. Котрен, Г. Лифшиц.

Были на несколько дней задержаны еще: В. В. Водовозов и его жена В. П. Водовозова, пытавшаяся во время обыска сжечь какую-то нелегальщину; М. Д. Тартаковская; А. Я. Николаенкова («служила 12 лет кухаркой у Чарномской и стала ее сообщницей»); И. С. Митницкий; О. Н. Мазараки; В. И. Лисецкий; Е. А. Лисянская; М. С. Эвензон; С. М. Эвензон; П. И. Гиберман; М. М. Катауров; А. С. Круш и М. О. Жеглинская. Все перечисленные лица к дознанию привлечены не были. За что же, или для чего были арестованы эти 55 человек?

Этого, наверное, сам Новицкий хорошо не знал.

На-авось—может и пригодятся.

[8] За Иогансоном охрана считала немало грехов; знакомство его было сплошь «неблагонадежное». Мы уже знаем (по делу Иолшина), что И. имел

отношение к «Летучим листкам» народовольцев. В IX—92 г. имелись агентурные сведения о том, что И. распространял «какое-то печатное об'явление», изданное за границей за подписью эмигрантов Лаврова, Серебряковых и др. 24/II—94 г. И. посетил П. Ф. Николаева—тогда народоправца. В 96 г. И. агитировал за «петицию» и раздавал воззвания по поводу смерти Александра III. И. был дружен с Н. Н. и А. Н. Покровскими; к числу его знакомых принадлежали также: Е. К. Павликовская, Н. В. Тесленко, А. А. Вановский, В. П. Водовозова, И. Ф. Дубровинский, Г. В. Михайловский, Л. Рума, Н. А. Каблуков, М. Т. Елизаров, А. С. Свинарский, А. М. Александров и другие лица, бывшие на виду у Московского охр. о.

[9] Зубатов сообщал в IV—98 г. Ратаеву: «При письме В. В. от 12-го февраля с. г., за № 234 была препровождена рукопись, адресованная в Берн, на имя Житловского. Почерк руки, писавшей этот документ, оказался, при первоначальном сличении, наиболее похож на почерк лекаря Михаила Карлова Ясмана, арестованного в ночь на сие число по делу Александра Иогансона».

По д. И. был задержан еще 28/IV—98 г. неизвестный, оказавшийся С. М. Гутманом, жившим в Москве без прописки документа, «проездом, как он об'яснил, из Саратова на Урал»; оказалось, что Г. разыскивался д. п. (циркуляр от 28/IV—94 г.).

[10] А. Ратнер, находясь под стражей, пыталась 10/IV—98 г. повеситься на полотенце; тогда же ее освободили.

По в. п. от 22/III—1900 г. А. Иогансон и А. Ратнер были отданы под г. н. п. на два года.

[11] А. С. Берлин уехал из Киева в Бобруйск, где тоже занялся пропагандой, организовал кружок, имевший в виду поставить типографию; в 1901 году он был сослан на 4 г. в В. С., где покончил самоубийством.

[12] У Логвинского была взята визитная карточка Э. Ф. Купфера с адресами, которые по выяснении оказались относящимися к Е. С. Кедровой (урожд. Федоровой), жившей в Москве; она была известна охр. о. по знакомству с И. И. Родзевичем (издавал газету «Московский Телеграф», прекращенную правительством) и с А. А. Королевым; к обыску Кедровой препятствий не встретилось.

[13] Говоря об «Южно-русском рабочем союзе», я в данном случае следовал терминологии официальных переписок охраны, которая под этим названием разумела (впрочем—без всяких формальных оснований) совокупность с.-д. групп Киева, Одессы, Николаева, Екатеринослава, а также, пожалуй, Гомеля и Елизаветграда.

Но теперь можно считать установленным (см. заявления В. Стратена и В. Невского в № 9 «Пролетарской Революции»), что, хотя между с.-д. группами вышеупомянутых городов существовала несомненная связь, но «союза», как об'единяющей их организации, в действительности не было. Правда, в г. Николаеве в то время действовала группа, выступившая под именем «Южно-русского рабочего союза», но она об'единяла лишь местные кружки.

[14] Н. А. Вигдорчик был взят «летучими» под наблюдение в Киеве; 10/III—1895 г. он прибыл в Москву из Нижнего-Новгорода, с В. А. Ванеевым, который был известен московским филерам с 93 г., когда они гастролировали в последнем городе. 11/VIII Ванеев уехал в Киев, где он свиделся с универсантом Розенбергом, который был замечен наблюдением за Эйдельманом и Берлином.

В X—98 г. д. п. препроводил Московск. охр. о. копию перлюстрированного письма в Киев на имя Н. Вигдорчика. По поводу этой корреспонденции Зубатов сообщил Ратаеву, что автором письма был С. Л. Франк, который 4/XI имел свидание с Вигдорчиком в бытность его в Москве, проездом из Киева в Нижний-Новгород. Относительно издания, в котором Франк приглашал (в письме) Вигдорчика сотрудничать, Зубатов донес, что речь идет об органе социал-демократического направления, задуманном кружком

М. И. Водовозовой. Из лиц, согласившихся участвовать в этом предприятии, были названы: В. Я. Яковлев, В. Г. Михайловский, Л. Н. Блинов, Б. В. Авилов, М. Ф. Владимирский, Н. К. Муравьев, Н. В. Тесленко, А. П. Козловский, С. Н. Булгаков, Н. Э. Шен, М. И. Гершензон, В. В. Татаринов, Е. Н. Каменецкая и П. А. Серебряков—муж «Мамочки». 4/XI у Водовозовой состоялось собрание заинтересованных лиц.

О каком именно издании шла речь на совещании, у меня нет точных указаний... в письме Франка говорилось, кажется, о газете; но возможно, что обсуждался вопрос о журнале, который, как известно, и появился, при благосклонном содействии департамента полиции, в Петербурге под названием «Начало», в январе 1899 года. В об'явлении о предстоящем выходе этого журнала, в числе лиц, обещавших свое литературное участие, красовалось имя «писателя» (доносов)—М. И. Гуровича, который мог смело рекомедоваться: «Сотрудник»... в квадрате.

К ГЛАВЕ II.

[1] На деятельность С. С. Якобсон д. п. обратил внимание еще в X—93 г. Донося в IX—96 г. об Я., Московск. охр. о. сообщило, между прочим, что в квартире ее, при третьем Мещанском училище, в котором она состояла преподавательницей, происходили (например, 20-IX—93 г. и 1-I—95 г.) многолюдные собрания учащейся молодежи. Якобсон часто посещали члены Московск. Р. С.: П. Колокольников, Б. Кварцев и В. Мягков; у нее целый месяц гостила летом 96 г. В. Суходольская; зимой 96 г. и в IX—96 г. с ней жила О. Смидович, состоявшая под негл. н. п. Якобсон и Смидович были в сношениях с членами с.-д. кружка Л. Радина и А. Орлова.

Л. Д. Фелицина попала на замечание впервые благодаря перлюстрированному письму ее за границу к Е. А. Блюм, в котором она советовала 'адресатке «писать письма как можно аккуратнее и заклеивать получше». Фелицина, Блюм и знакомая их М. И. Семерия (по мужу Дубенская) состояли в 95 г. учительницами при женской воскресной школе Прохоровской мануфактуры. Брат Е. Блюм—А. Блюм принадлежал к числу знакомых вышеупомянутого Мягкова.

[2] А. А. Пятидесятникова, как доносило охр. о. д-ту п. в X—98 г., в числе учительниц Таганской воскресной школы официально не значилась, но была известна, как деятельный член сибирского землячества. Упомянутая школа была учреждена известной д. п. С. В. Глинкой, а преподавателями в ней были: С. А. Князьков, М. Н. Жаркова и В. Н. Шатерникова—«политическая благонадежность которых [была] сомнительна».

[3] Н. И. Попова в X—98 г. ходатайствовала об утверждении ее преподавательницей в Пречистенских вечерних и воскресных классах для рабочих; охр. о. сообщило по этому поводу д. п., что Попова знакома с А. К. Игнатьищевой, состоящей под негл. н. п., а также с К. В. Виноградовой и И. М. Вейнштоком, замеченными наблюдением по делу Московск. «Союза борьбы за о. р. к.», почему допущение ее к занятиям в классах представилось нежелательным.

[4] О «кружковцах» мы узнаем кое-что из письма И. А. Виноградовой, которая в X—98 г. писала в Петербург подруге своей А. М. Рыловой: «Я рада, Шура, что тебе захотелось в деревню; значит, явилось желание работать и это хорошо. Нижегородцы молодые... составили кружок для пересмотра народных книжек. Естественных просматривает Домрачева (Инна), Франк (М. Л.), Николаевская (А. В.), Миролюбова (Е. И.). А в истор.—Игнатьичева (А. К.), Вейншток, Шугам (А.), Николаевский (Н. В.), Тихом [ирова, М. В.], Попова (Н. И.), я и Маруся»...

[5] В X—94 г. «цензура» сперлюстрировала письмо некоей «Лины», адресованное Пинской, в котором сообщалось: «всем нам, работающим, приходится

скверно, и иногда меня такая злость берет, что, будь у нас анархисты, я примкнула бы к ним». На запрос о личности автора корреспонденции Моск. охр. о. донесло д. п., что писала ее Капитолина Иванова Помелова, состоящая преподавательницей в нормальной—вечерней и воскресной школе при фабрике Тиль. Круг знакомства Помеловой, сообщалось далее, «состоит преимущественно из лиц того типа неблагонадежных, которые, приспособившись к внешним условиям, настойчиво проводят в жизнь свои радикальные взгляды, пользуясь и легальными средствами—тенденциозным преподавательством, распространением в народе книжек с «направлением» и т. д. К числу таких знакомых Помеловой принадлежат поднадзорные: Ф. А. Данилов, М. К. Лаврусевич, Н. Ментов, М. М. Халевинская, Л. П. Топоркова, а также: С. В. Ментова, А. П. Долинский (знакомый известного д. п. И. Н. Березовского), А. П. Гернет, Д. И. и Е. А. Кочановские.

[6] Сведения о Н. В. Касаткине взяты были из письма его, попавшего в перлюстрацию, в котором он сообщал в Петербург К. Ю. Цирулю: «У меня масса дела по мастерским и техническим школам... На наши технические школы воздвигнуто гонение» и т. д.

[7] Е. А. Флеровым д. п. заинтересовался в IX—95 г., по поводу его письма к Ф. Хаовой; в III—97 г. Московск. охр. о. сообщило о нем подробные сведения. Е. Флеров участвовал в демонстративных похоронах Астырева (1894 г.); агитировал за «петицию» и 3-XII—95 г. был арестован и выслан из Москвы. В 95 г., в виду из'явления Флеровым «чистосердечного раскаяния», он был снова принят в Московский унив., но, несмотря на свое обязательство «не принимать участия в запрещенных организациях», он в декабре того же года явился главным агитатором против профессора Захарьина и в то же время сблизился, как выяснило наблюдение, с Н. Величкиным, В. Бонч-Бруевичем, а также с В. Сыцянко. На квартире Е. Флерова, жившего с братом Николаем, происходили собрания студентов, на которых присутствовали и молодые профессора. К числу знакомых Е. Флерова принадлежали еще известные д. п.: А. И. Калишевский, А. Ф. Филиппов, В. Л. Муратов, П. В. Мерцалова и брат ее Г. В. Мерцалов (привлекался в 94 г. по делу Хинчука), а также негласноподнадзорные: В. Е. Ермилов, Ф. И. Хаова, С. А. Протопопов (знакомый Л. М. Рейнгольда) и А. А. Сабуров (член тамбовского землячества). 11-XI—96 г. Е. Флеров, в виду сношений его с Л. Радиным и С. Синициным, был арестован и привлечен к дознанию о «Рабочем Союзе».

К ГЛАВЕ III.

[1] При ликвидации Московского «Союза борьбы» были задержаны рабочие: И. Васильев и И. Г. Гаврилов (с фабрики Каверина), Л. И. Гришин; А. А. Федоров, Д. В. Белянин; В. Григорьев (он же Кряжев); М. А. Лозовский; Ф. А. Волков; А. Ф. Ничин; С. А. Рубцов; М. Д. Яшин; И. А. Костенков (он же Орлов); а также: А. И. Грушецкий; Т. И. Кузяк и А. В. Ефимов, которые были вскоре освобождены.

Из интеллигентов были арестованы, помимо Щербаковского, Щербакова, Рубцова, Печковского и Биска, следующие лица: А. Ф. Богословский; В. А. Вановский; А. А. Вановский; О. А. Вановская; А. А. Вырыпаева; С. А. Вырыпаев; Х. М. Водогинский; А. А. Иогансон; Л. Я. Карпов; Е. Кентман; А. Н. Ляпунов; А. И. Любимов; Н. И. Малинин; М. А. Милявский; Н. К. Муравьев; Е. К. Павликовская; С. А. Первухин; А. А. Покровский; Ш. А. Ратнер; К. В. Ситнин; К. К. Солодуха; Н. В. Тесленко; Н. Д. Цюрупа; Д. Н. Чегодаев и С. А. Щербаков.

Кроме того, были обысканы: Н. И. Барсов; Е. Д. Волынко; О. И. Гуревич; Е. И. Егорова; А. К. Игнатьичева; Г. А. Клера; Н. М. Колышкин; М. А. Коломенкина; В. С. Мутных; Ф. О. Михайловский; И. А. Соболев; М. П. Сеткин; Г. Н. Шапошников.

[2] Охр. о. осталось недовольно снисходительностью жандармов к Ефимову; когда последний, будучи лекарем, возбудил в XI—98 г. ходатайство о допущении его к отправлению обязанностей ординатора университетской клиники, ему в этом было отказано; оказалось, что Ефимов знаком с Н. А. Корчагиным и П. М. Дондаровым, Н. Э. Шеном,—скомпрометированными в политическом отношении, и с Я. А. Пилецким, который доставил в III—98 г. нелегальную литературу Московскому комитету Р. с.-д. р. п.

[3] А. А. Вырыпаева попала на замечание охраны еще в XII—97 г., когда д. п. сперлюстрировал письмо, за подписью «А. В.», адресованное в Петербург Н. Г. Смидовичу; по адресу, который был указан в письме, установили его автора. По донесению охр. отд-ния (IV—98 г.) к числу знакомых Вырыпаевой принадлежали: А. Вановский, Л. Карпов, К. Ситнин, Е. И. Егорова (приятельница сестер Махновец), Г. Шапошников и А. Игнатьичева. Вырыпаева, как было упомянуто ранее, свела с пропагандистами рабочего В. Кряжева (он же В. Григорьев).

[4] На запрос д. п. от 26-VII—97 г. Московск. охр. о. ответило в III—98 г., что А. Вановский действительно жил до марта месяца минувшего года в подмосковном с. Измайлове, где отец его служил смотрителем богадельни (по внушению Зубатова он был уволен с полицейской службы) и что наблюдением, которое велось за Вановским (сыном), выяснено, что к числу ближайших его знакомых принадлежали: Х. Водогинский, А. Любимов, К. Ситнин, Н. Цюрупа, Л. Карпов, Н. И. Малинин (универсант), С. Щербаков, Е. Павликовская, А. Вырыпаева и Л. Гришин,—привлеченные к дознанию о «Союзе борьбы», а также: А. Иогансон, И. А. Соболев, М. Клевщинская, Е. И. Егорова и А. В. Тесленко.

[5] Вероятно в силу своей болезненности В. Вановский, находясь под стражей, дал в IX и XI—98 г. на дознании обстоятельные показания о том, как его пригласили участвовать в Минском с'езде, как он послал вместо себя в Минск брата своего и т. д.

[6] В XII—98 г. Н. Н. Розанова была приглашена преподавательницей в частную школу Андруцкой-Ламоновой; сообщая по этому поводу сведения об ее благонадежности, Московск. охр. о. донесло д. п., что Розанова «вполне разделяет социал-демократическое направление своих братьев» и что вместе с ней проживает известная своей неблагонадежностью М. С. Карасева, а к числу ближайших ее знакомых принадлежат состоящие под н. н. п. А. М. Лукашевич и А. С. Карасева, а также известные д. п. Э. Г. Гамбургер и Р. П. Заславская.

О том, что Розанова была дружна с А. Е. Серебряковой, охр. о. предпочло умолчать.

[7] А. А. Петров еще весной 98 г., когда он находился в Петербурге, состоял под наблюдением, о продолжении которого просил Зубатова начальник местного охр. о., когда наблюдаемый выехал 18-III в Москву. В этот раз Петров пробыл в первопрестольной лишь несколько часов и в тот же день уехал в Сызрань.

Вторично Петров обратил на себя внимание в мае того же года, когда д. п. предложил Московск. охр. о. выяснить лицо, дающее для сношения с собою адрес: «Мясницкая, д. Обидиной, Николаю Михайловичу Пономареву». Было выяснено, что в этом доме жил в апреле месяце Петров у названного Пономарева, известного по знакомству с негласноподнадзорным С. Н. Ставровским.

Наконец, в XII—98 г. Петров оказался сожителем Н. И. Гусева, которого Казанское г. ж. у. требовало обыскать и арестовать по делу о пропаганде среди казанских рабочих, к которому был привлечен и другой приятель Гусева—А. А. Зверев, тоже некоторое время живший в Москве (в II—1897 г.).

[8] К. Эйгес, судя по его связям, являлся тоже одним из видных «орловцев»; имелись сведения, что он с братом своим Владимиром состоял членом кружка А. С. Розанова, высланного потом под г. н. п. в Архангельскую губ. К числу

знакомых К. Эйгеса, помимо К. Острова и А. Смирнова, принадлежали: Б. Д. Фридман (состоял под г. н. п., в 98 г. уехал за границу) и С. А. Франк (оба были известны по группе нижегородцев-марксистов); негласноподнадзорные К. К. Осипович, Л. Ф. Середа, П. В. Позняков и И. В. Лещенко; участники студенческих беспорядков В. Ф. Барановский, К. А. Осетров, К. И. Ефимовский. К. Эйгес был близок с Е. П. Кушниковой, известной своей неблагонадежностью, и вместе с своей сестрой Анной присутствовал на вечеринке, на которой Е. И. Попов читал доклад о толстовщине.

[9] Фамилии рабочих, безвинно просидевших в тюремном заключении: Р. Я. Беляев; И. И. Большев; М. Васильев (по прозвищу Крапоткин); Н. Е. Дорожкин; М. Емельянов; Г. П. Епишкин; А. А. Зимачев; Г. Н. Костиков; А. Е. Матюхин; П. М. Михайлов; В. М. Петров; Д. П. Черников и В. П. Королев.

Постановлением ос. с. от 2-III—98 г. участники Гюбнерской забастовки В. П. Ананьин, В. В. Новичков, С. Ф. Кузнецов, Н. Петров, И. И. Пыжилов, Г. Семенов, Ф. Прохоров и И. Николаев были отданы на 1 г. г. н. с воспрещением жительства в Москве; В. А. Кобозев, Н. Титов, И. В. Меркулов А. Е. Кулаков и А. В. Галкин получили воспрещение жительства в столицах и их губерниях на 1 год.

[10] 4-IX—98 г. начальник Смоленск. ж. у. получил телеграмму: «сегодня рабочие Брянского завода бросили работу и собрались около главной конторы, окружив ее; по всему заводу разбросаны и расклеены прокламации; рабочие возбуждены». В другой депеше от 5-IX сообщалось: «рабочие требуют от директора изменить новые правила и возвратить им старые льготы. К работам целый день не приступали, ходят толпами; беспорядков нет; на заводе находится рота солдат, полиция и судебные власти»...

[11] Перечень некоторых карательных мероприятий правительства, постигших рабочих в 1898 году. В. п. 4-II: И. Волков—2 года гл. н. п.; Н. Александров, И. Шумов—1 г. гл. н. п., с ограничением в правах жительства.

Постан. ос. с. 2-III: «за подстрекательство» (во Владимирск. губ.) Г. Н. Шибанов, Ф. Г. Рыбин, Е. А. Рожков—1 г. гл. н. п., с воспрещением жит-ва во Владимирск. губ., Москве и Моск. губ.; И. А. Груздев и М. П. Житков—воспрещено жит. в столичн. губ. и фабричных районах—на 1 г.

В. п. 11-III: И. Климашевский—2 г. гл. н., вне столиц, столичн., университетск. и фабричных районов.

Постан. московск. ген.-губ. 25-IV воспрещено жит. в Москве Н. Н. Мордасову (за агитацию на фабрике Каверина, рабочие которой были недовольны тем, что хозяин остатки артельного хлеба и помои употреблял на корм своего скота).

Постан. мин. вн. д. 7-V: Ф. П. Любовченкову «за подстрекательство» воспрещено жительство в столичн. и фабричных районах, на 2 г.; Н. Е. Ефимову—то же, за оскорбление словами заведывающего котельной мастерской адмиралтейских Ижорских заводов (в Колпине) капитана Парунова (которого, уходя, грозил убить).

Пост. мин. в. д. М. И. Хохлову воспрещено в июне месяце «жительство в столичн. районах» в виду неодобрительного его поведения и выраженных угроз зарезать или утопить начальника адмиралтейских Ижорских заводов.

По д. об агитации на тех же заводах ос. сов. воспретило жительство в столичн. и фабричн. районах на 2 г.: Н. М. Янику, И. П. Красильникову, П. С. Крыжановскому, И. А. Андрееву, Ф. И. Редакову, В. Л. Филимоновичу, И. Н. Иванову и Н. И. Лагунеку.

Наконец, в списке, сообщенном д. п. 28-V Московск. охр. о., в числе «рабочих-подстрекателей» значились следующие лица, подвергшиеся взысканиям: К. Н. Отроков—гл. н. п. на 3 г. и Д. С. Яшин—гл. н. п. на 2 г. (оба высланы из Владимирской в Олонецкую губ.); подчиненные гл. н. п. на 2 года: Х. Шульц; К. Л. Брудский; Э. С. Грингауз (скрылся); Э. К. Пуня;

А. Л. Ролис (разыскивался); А. К. Панасюк; В. А. Симонов; В. Т. Захаров, К. А. Карцев, П. А. Хренов, В. М. Романов, С. И. Вальков, В. Ф. Новиков; М. С. Брюшинин; М. С. Леонтьев; И. И. Блинов; Н. В. Буев; В. К. Хорев; А. Р. Кучин; Г. К. Удалов; Г. Ф. Шальнов, а также подчиненные гл. н. п. на 1 г.: С. Ф. Каркотский; В. К. Лобачевский (Лобач); Ф. В. Фомкин; П. П. Коробкин; К. И. Шурупин; Я. Н. Никитин; И. И. Кудрявов; В. А. Жуков; А. В. Галкин; А. П. Грубе; Я. Я. Буккинг; А. Э. Кулаков; П. Ю. Дзиркалн; М. Я. Домбровский; П. Ф. Суворов; А. Д. Раков; А. М. Новиков; А. П. Гусев; И. В. Штырев; Н. И. Рыкин; К. П. Козлов; М. С. Катраевский; И. М. Батраков; М. И. Зайцев; Е. И. Монахов; И. Г. Тяпкин; И. А. Белышев; Я. Ф. Прелов; Э. И. Соколов; Г. А. Милачев; Ф. В. Павлов; Е. Н. Зайцев; А. С. Земсков и А. С. Шишкин.

Все перечисленные выше лица, помимо подчинения гласному надзору полиции, были ограничены, в той или иной степени, в праве выбора своего местожительства.

К ГЛАВЕ IV.

[1] Я имею в виду труды Н. А. Бухбиндера: «Материалы для истории еврейского рабочего движения в России» (Петроград, 1922 г.) и «История еврейского рабочего движения» (Ленинград, 1925 г.).

Просматривая упомянутые «Материалы», я убедился в совершенной неполноте их биографического перечня, в который не попали такие видные деятели Бунда, как Х. Амстердам, А. Бернадик, Д. Богорад, К. Портной, Г. Райхельсон, Х. Файнштейн, С. Цейтлин, И. Шадовский и др. Между тем имена последних трех фигурировали в появившейся одновременно статье «Еврейское рабочее движение в Гомеле» («Красная Летопись», №№ 2—3, 1922 г.).

Нельзя не пожалеть, что это полезное издание («Материалы») прекратилось на 1-м выпуске, и указатель лишился возможности быть дополненным.

«История евр. р. движения» тоже бедна содержанием и, по непонятным причинам, ограничивается описанием, чрезвычайно беглым к тому же, прошлого бундовских организаций в Минске, Вильне, Гомеле, тогда как Евр. р. союз имел сильно развитые филиалы в Варшаве, Одессе, Белостоке, Ковне, Житомире и др. местах. Обойдена молчанием и такая крупная профессиональная организация, как союз щетинщиков.

[2] В листке, выпущенном Бундом и озаглавленном: «Предостережение», (прилож. VI), говорилось о «банде шпионов, приблизительно из 30 человек», которые «организуют шпионство» в Литве и Польше. Между тем в летучем отряде было всего около 20 филеров; из них более длительно подвизались, группами в 2—3 человека, только наблюдавшие в Минске, Вильне и Гомеле; в других местах «летучие» бывали чаще всего наездами, только в одиночку или парами.

Насколько скромны были ресурсы «Л. О.» (д. п. вообще был крайне скуп на расходы), видно из следующего. В I-II—98 г. по командировкам, большей частью кратковременным, филеров в г. г. Орел, Курск, Александров, Гомель, Киев, Екатеринослав, Харьков, Смоленск, Саратов, Пензу, было израсходовано 2.050 р. 80 к.; в III—98 г.—2.670 р. 30 к.; в IV—98 г.—2.713 р. 17 к. (г.г. Киев, Екатеринослав, Екатеринбург, Харьков, Минск); в V—98 г.—7.016 р. 96 к. (г.г. Харьков, Минск, Купянск, Екатеринослав, Елисаветград, Вильна, Лодзь, Гомель, Курск, Киев, Варшава, Лифляндская губ.); в VI—VII—98 г.—4.064 р. 11 к. (г.г. Вильна, Минск, Варшава, Вильна, Минск, Гомель, Лодзь, Льгов, Бобруйск, Двинск, Белосток, Н.-Новгород, Казань и С.-Петербург).

За полгода, следовательно, по командировкам «летучих» было израсходовано всего 18.515 р. 34 к.; из этих экскурсий только меньшая половина была совершена в «черте оседлости»; иначе говоря, все розыски по Бунду

за первую половину 1898 г. стоили менее 10.000 р. Бюджет Е. Р. С. за то же время, наверно, превышал эту сумму.

[3] В транспорте были 1.000 экз. «Петербургского Летучего Листка» (№ 2) и женевские издания, которые были направлены из-за границы Копельзоном, заведывавшим тогда транспортным делом.

Во II томе книги «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», в приложении к письму последнего от 26-IV, говорится, что транспорт, направленный в Киев, «дошел по назначению» и «агенты Зубатова, бывшие на следу, захватить его не успели». На самом же деле он был, как мы видели, своевременно арестован.

[4] В ликвидацию 26—27-VII—98 г.

В Минске были арестованы: М. Я. Левинсон; Е. А. Гурвич; Е. Г. Шерман (Серман); Е. И. Гурвич; Л. И. Рогаллер; П. В. Румянцев; С. К. Слуцкий; М. А. Уфлянд; К. Х. Рискинд; П. И. Гордон; М. А. Поляк; А. О. Фрумкин; И. В. Теумин; Б. К. Слуцкая; А. В. Цепрынская-Циковяно; С. З. Сульский; Н. М. Кочанович. Обысканы были: Я. З. Кацнельсон; Р. П. Каплан; Э. Я. Хургин; Е. Н. Чириков и Я. Л. Кугель.

В г. Брянске задержали А. И. Кремера.

В м. Барановичи арестовали: Я. Ф. Чернихова; Г. Н. Шостак (ур. Димент) и З. Л. Хавкину. Обыску подверглась П. Л. Менделевская.

В Бобруйске арестовали: С. Каплинского; М. Г. Кригель; Г. В. Сороко; М. Я. Жислина и Е. Шапиро.

В Гродно задержали Ш. В. Вильтер, а в г. Вильно: М. Х. Сороко; Б. З. Баневура; М. С. Димента; С. М. Гордон; А. З. Миркина, Х. Я. Каплана; Я. М. Гордона.

В Лодзи арестовали: А. Я. Мутника; Б. М. Фрумкина; Ф. М. Фрумкину; И. Ю. Пейсахзона; Б. И. Шмуэльсона; И. Регенветера; И. В. Перельмана; Р. Г. Закс; М. Р. Бергера; А. М. Фридмана. Обыскали: М. Бурштейна; Г. М. Юделя; Х. Левковича; А. Ф. Фогельзанга.

В Варшаве арестовали: Р. Я. Леви; Д. М. Каплана; И. Д. Левина; Л. К. Чернявскую; Ш. В. Горфейна; Р. Кайровского; Ш. Кейзера; Б. Шварца; Б. Цитрон; Л. Бучик. Обысканы были еще: Г. Г. Шабая; Ф. Зальцман; Ц. П. Перчук; С. Зунделевич; С. Веленчик; М. И. Шафир; Р. М. Пеймерин.

В Двинске задержали А. И. Кур.

[5] В дешифрованных записях Румянцева и Кремера значились следующие явки (привожу, опуская адреса):

Петербург. Р. Л. Фрейдус—«только местную газету»; С. П. Пята—секретарю редакции «Хозяин»—«для книг».

Киев. М. В. Мыслицкая—«для книг»; Р. Д. Бродская—«для газет»; Е. М. Цимбалист—«для книг»; Э. А. Туркевич—«для квитанции в книге».

Вильна. Мозовер, трансп. контора «Надежда».

Варшава. Кайзер.

Лодзь. С. Глебом, М. А. Бродачу, для Бориса [1].

Белосток. Я. Диткович, для Иоселя; Загельман; А. Барышник, кв. Бинковича—«для денег».

Ковно. В. Трахтенбергу, для Сони.

Могилев .Ахиезеру, для Розенталя.

М. Любцы, Новогрудск. уезда,—Б. Клецкин—«ему».

Большой, 15, Лассаль [2].

Бобруйск. М. Гинсбург—«газеты»; М. Басин, для Хаима Гирша.

Екатеринослав. Гринштадт. А. Самойлов.

Москва. Фельдшерица Заславская; Э. Г. Гамбургер; П. В. Балашев, жена Анна Абрамовна.

[1] С. Мытниковичем, Бродачу, для Боруха Баневура.

[2] Каплинский.

Либава. Амброзайтис, от Грингольца.
Стрельна. Л. А. Чарковская.
Тифлис. Коган, инженер.
Самара. Г. А. Голландский.
. Вильковишки. Ш. И. Пяскович—«для денег»; Габрилович, для Левина—«для писем».
Марграбово. Флейшер, для Н. Шапиро—«должен доставить литературу», «возьмут для переводки через границу».
М. Чаусы, Могилевск. губ. Эфрос.
М. Баклажово, через почт. ст. Филиппово. Александрийскому—«относительно перевозки литературы».
М. Бирштаны. Фин.
Кишинев.—50, Гегель.
Минск. М. Д. Мейчик.
Шарлотенбург. Данишевская и Каменев.
Женева. Мадам Гроссер—«можно в конвертах или газетах пересылать брошюры».

[6] Что левая рука Каплинского делала более, чем правая—в этом не приходится сомневаться; он знал гораздо более того, что доносил Зубатову; доказательство—бундовские типографии: по указаниям «Друга» «летучим» ни одной «шлепалки» обнаружить не удалось; между тем он мог бы при желании их выдать. Когда я, будучи в Нью-Йорке, беседовал на тему о провокации с видным бундистом Зингером, последний меня уверял, что Каплинский, которого он хорошо знал, поставил несколько печатных станков; именно это и придавало ему цену; а как человек, по отзыву того же лица, он был крайне несимпатичен, отличался эгоизмом и жадностью.

[7] По в. п. от 11-IV—01 г. дознание о Бунде было разрешено административным порядком; по «вменении в наказание предварительного заключения» (почти 2 года) были высланы под гл. н. п. в В. С.: Б. Баневур и Е. Гурвич—на 4 г.; Б. Шварц, М. Кригель и Ш. Вильтер—на 3 г.; отдали под гл. н. в избранном месте жительства: С. Каплинского—на 4 г.; Е. Шермана, Г. Сороко, М. Сороко, А. Мутника, И. Пейсахзона, П. Гордона, В. Хана Г. Голландского и М. Жисмина — на 3 г.; М. Бербера, А. Фридмана Б. Фрумкина, С. Слуцкого, Е. Гурвич, Э. Зальцман, М. Димента и П. Румянцева—на 2 г.; Ш. Кейзера, А. Фина, Б. Слуцкую и Ф. Фрумкину—на 1 г., с воспрещением перечисленным лицам, за исключением Каплинского, Шермана, Г. и М. Сороко, проживания в некоторых районах.
Этим в. п. были разрешены относительно Хана и Жислина дознания, производившиеся о них при Московск. и Полтавск. г. ж. у.
По соглашению министров юстиции и вн. д. были приостановлены дознания: о К. Стржалковском и Г. Шостак—для совместного рассмотрения с другими о них делами; об А. Кремере и М. Левинсоне—до их явки или задержания; о С. Сульском и Е. Шапиро—для предварительного сношения с военным министром.
Относительно 32-х лиц дознание было прекращено.
Дальнейшая судьба некоторых бундовцев была следующая: Евг. Гурвич бежала из Сибири в 1902 г. Жислин эмигрировал в Америку. Зальцман скрылась в VI—1900 г. за границу. Кремер привлекался еще раз в I—1907 года (в Вильне) и получил 2 г. г. н.

[8] В Московск. охр. отд-нии Каплинский получал 100 р. в месяц; доносы он посылал Медникову по адресу: «Павлову, Москва, Большой Гнездниковский п. д. 5» (охр. отд-ние). В письме от 16-X—99 г. К. указывал свое местожительство: «Минск, еврейская ремесленная училища, мастеру Евелю Рейну»; 8-XII—99 г. К. сообщал свой новый адрес: «Вильна, Новый город, д. Шахновича». 7-II—1900 он телеграфировал Медникову: «выезжаю скорым» (на свидание с ним). Позднее К. жил в Вильне в д. Штейнбах, на Поплавской ул. (с Шерманом). После этого он переехал в Двинск.

В 1903 году К. был передан в состав секретной агентуры вновь учрежденного Виленского охр. отд-ния. В следующем году с К. случилась неприятность он был задержан в Варшаве на сходке бундистов; пришлось его выручать, и с этой целью дело о собрании было оставлено без последствий.

Об этой истории кое-что знал известный М. Бакай, состоявший тогда чиновником местного охр. отд-ния; когда он эмигрировал и стал делать разоблачения, то сообщил Бурцеву о бундовском провокаторе «с аптечной фамилией»; однако, предатель оставался невыясненным до моего приезда за границу, когда я не замедлил передать центральному комитету Бунда сведения о Каплинском вместе с его фотографической карточкой, которые были опубликованы в особом предостерегательном листке.

О дальнейшей судьбе К. мне известно лишь, что после революции он был обнаружен в Саратове и по приговору революционного трибунала расстрелян (в 1918 году).

[9] 6-III—1900 г. в Минске были арестованы: Г. Я. Шахнович; А. Н. Шостак (ур. Димент); А. Я. Розенгауз; Б. Ш. Бамдас; Б. Я. Шахнович; Л. В. Бернштейн; И. В. Теумин; И. Л. Виленкин; Б. Я. Герцык; Л. Я. Ховзей; М. Ш. Метелицкий; Б. М. Фрумкин; М. Л. Фрид.

Обысканы были: А. Н. Фрумкин; Е. Д. Шерман; Х. Б. Элиазберг; С. Ф. Ковалик; В. Д. Медем; Г. А. Гершуни; А. З. Шкловский; Р. С. Шкловская; Л. Д. Ледер; М. Г. Богданова; Л. М. Эпштейн; Б. Х. Сельцовский; Д. М. Ратнер; М. В. Вильбушевич; С. М. Фрумкин; Д. П. Ледер; В. Трухновский; Э. Левин; О. М. Рубинштейн; Л. А. Добин; М. Л. Кесель; А. И. Бененсон; Е. С. Вольман.

Не были включены в ликвидацию входившие в круг наблюдаемых лиц: А. И. Бонч-Осмоловский—знакомый А. Е. Серебряковой и живший у Осмоловской в имении «Блонь», бывший петровец, М. Л. Соломонов, которого Зубатов когда-то по-приятельски предал (см. ч. 1-я, глава 1-я).

[10] Майский праздник встретило в московских тюрьмах свыше 60 человек, арестованных в «черте оседлости» (и получивших таким образом право жительства в столице).

Помимо перечисленных в прим. 9-м лиц, задержанных в Минске (за исключением: Бамдаса, Дементa, Л. Бернштейн, М. Метлицкого, А. Смуся, И. Герцыкова и Б. Бернштейн, освобожденных в период марта—апреля месяцев), в Москве к первому мая 1900 г. содержались под стражей еще: 6 человек по делу типографии Родкина; затем арестованные в Минске: 8-III—М. В. Вильбушевич, 23-III—А. Л. Мерзон, Б. Л. Финкель и И. Н. Герцыков, 16-IV: А. М. Футтер, М. С. Кисель; Щ. И. Чемерисский, Н. Х. Суд, И. С. Волин, Н. А. Китаевич, и 1-V—Х. А. Гальперин. Кроме того, в Москве в то же время были под арестом: 1) задержанные 18-20-IV в Минске за расклейку воззваний к столярам—Э. Ш. Фрусин, Б. Л. Брамбраут и М. А. Гайдуковский; 2) за разбрасывание майских воззваний и газеты «Рабочая Мысль»—М. Л. Шлапаков и Л. В. Шапиро (ар. 18-IV); 3) за хранение нелегальной литературы—А. Х. Беркович, Г. М. Хаютин (ар. 26-III), З. Г. Оржанский (ар. 18-IV) и 4) Б. Г. Эльтерман, Б. Л. Левитас, Л. Г. Фишкин и И. С. Немзер (ар. 21—23-IV).

[11] По январь 1900 г. вышли следующие периодич. издания Бунда (печатные): «Голос Рабочих» (центральный орган) № 9—10, №№ 11—20 (по XII—1900 г.); «Классовая Борьба» (орган Виленск. с.-д. к.) № 1 (1-IX—1898 г.); № 2 (V—1900 г.); «Еврейский Рабочий» (загран. изд., X—1900 г.), «Варшавский Рабочий»: № 1-й (VII—99 г.), 2-й (99 г.), 3-й, 4-й (V—1900 г.), 5-й (VIII—1900 г.); «Белостокский Рабочий», № 2 (VIII—1900 г.), «Будильник», № 5 (V—1900 г.) и № 6 (VII—1900 г.); «Минский Рабочий», № 1 (XII—1900 г.) и № 2-й (I—1901 г.); «Гродненский фабричный летучий листок» № 1 (1901 г.) орган Гродненск. с.-д. к.; «Борьба», № 1 (X—1900 г.), орган Гомельск. с.-д. к.; «Летучий Листок», изд. Белостокск. с.-д. к. (X—99 г.), а

также гектографированные: «Единение», изд. еврейских с.-д., № 2 (VII—99 г.) и «Минский Летучий Листок», № 1—2 (IX—1900 г.).

Не менее богата была прокламационная литература Бунда; назову лишь некоторые воззвания: 1) центр. к-та: «Ко всем еврейским рабочим и работницам» (о Зубатове, VIII—1900 г., 1.325 экз.); «Ко всем еврейским рабочим и работницам» (о военных судах, IX—1900 г., 5.400 экз.); Виленск. с.-д. к-та: «Воззвание на первое мая» (17-IV—1900 г.); «Ко всем виленск. рабочим и работницам» (VII—1900 г.); «Предостережение» (5-VII—1900 г., гект.); «О новгородской истории» (28-VII—1900 г. печ. и гект.); «К рабочим шоколадной фабрики Бунимовича» (31-VII—1900 г., гект.); Минск. с.-д. к-та: «Ко всем минским работникам и работницам» (V—1900 г.); «К 1-му мая» (IV—99 г.); «Ко всем минским рабочим» (I—01 г.); «Ко всем минским столярам» (гект.); «К мастеровым заводов Якобсона, Лившица и К⁰» (от Минск. раб. к-та, 19-X—1900 г., гект.); «К минским малярам» (X—1900 г., гект.); «К минским работницам» (29-XII—1900 г., гект.); «Ко всем знакомым работникам и рабочим» (о помощи арестованным и их семьям, Минского Красного Креста, гект.); «К читателям», от минской рабочей библиотеки (гект.); листки для сбора пожертвований; листки для собирания статистических сведений. Других с.-д. комитетов: «К гомельским рабочим и работницам» (I—01 г. об арестах); «Ко всем лодзинским рабочим и работницам (Лодз. с.-д. к., VII—1900 г.); «К штиблетникам» (Варшавск. с.-д. к., IX—1900 г.); «Ко всем варшавским работникам и работницам» (13-IV—1900 г., тип. «Варшавского Рабочего»); «К двинским работникам и работницам» (Двинск. с.-д. к., гект., V—1900 г.).

[12] Тактика Каплинского по отношению к охранникам заключалась в том, что давал он указания, отвечавшие действительности, но или в неопределенной форме, или с умышленным запозданием. Например: Л. Гольдман и М. Гинсбург уехали в Полтаву,—доносит «Друг»,—в то время, когда названные лица переехали в Одессу; Гольдман и Гинсбург живут под фамилией Риман в Одессе,—сообщает Каплинский,—после того как они перебрались в Кишинев. И только случайно «летучий» филер встречает на вокзале в упомянутом городе Гольдмана, что и ведет к провалу искровской типографии.

[13] Насколько морочил охранников Каплинский, видно из следующего примера. Как было упомянуто, «Друг» сообщил Зубатову о том, что «1-X—1900 г. в Белостоке состоялся с'езд Бунда»—и все. Помимо крайней лаконичности своей, это указание было, прежде всего, неточно: 3-й с'езд Еврейск. раб. союза происходил, по свидетельству его участников, в двадцатых числах мая 1900 г., при чем на нем присутствовали, между прочим, Ботвиник и делегат от Двинска... Каплинский (Бухбиндер: «История евр. р. дв.», стр. 87).

[14] А. Девенишский на дознании заявил, что отобранную у него нелегальщину он получил в Двинске от некоего «Хаима». Поверивший этой выдумке н-к Виленск. г. ж. у. запросил 11-XI—1900 г. Московск. охр. отд-ние, не является ли искомым лицом Хаим Гальперн (народоволец «Ефим»), арестованный 1-V—1900 г. в г. Минске; ответ Зубатова был отрицательный.

[15] О бессовестной эксплоатации рабочих Хуриным в Креславке писал Зубатову поверивший его радетельству Г. Шахнович, который просил «кое-что сделать для устранения этого бедствия». Охранный легализатор думал послать для расследования дела на месте своего выученика ж. о. Спиридовича, но д. п. нашел это «неудобным».

[16] Рабочему движению (еврейскому) в Гомеле, в девятисотых годах, о которых у меня обстоятельных сведений не имеется, посвящена уже упомянутая мною статья в № 2—3 «Красной Летописи».

[17] В ночь на 31—III—99 г. в Гомеле были арестованы: О. М. Аспиз; Ш. Б. Вольфзон; И. Л. Ашпиз; Б. А. Палеева; Т. Б. Гейликман (?); С. Щ. Файнберг; Р. С. Цейтлин; С. А. Гезенцвей и И. И. Сенаторов.

Обысканы были: Г. Ф. Калашников; П. Я. Гамзагурди; Я. М. Шнепер; И. Слуцкер; Я. С. Красильщиков; Б. М. Коробочкина; Х. Г. Найман;

Ш. И. Баум; М. М. Телешевский; Л. Ш. Эттингер; Т. С. Бартошкин; М. Н. Школьников; С. Л. Храмченко; И. Бирбраер; М. Б. Шлейфер; И. Ольман и др.

[18] В упоминавшейся выше статье «Еврейское раб. движение в Гомеле» говорится, между прочим, что на рост гомельской с.-д. обратил внимание Зубатов, который «наводнил Гомель большим количеством шпионов и охранников» («Кр. Лет.», № 2—3, 1922 г., стр. 52). Явное преувеличение: в Гомеле вели наблюдение два, редко—три филера, которые «наводнить» город, имевший до 30 тысяч населения, не могли.

[19] Когда 6 подмастерьев портного Шейкина, работавшие поштучно, забастовали (в 1898 году), гомельский полицеймейстер произвел дознание и выступил обвинителем перед мир. судьей, который приговорил всех к аресту на разные сроки; пом. прис. пов. Калашников апеллировал от имени осужденных, ссылаясь на то, что ст. 1373 имела в виду действие скопом фабричных рабочих. Мировой с'езд осудил портных Шейкина только на 7 дней ареста «за самовольную отлучку».

[20] За литературность перевода воззваний не отвечаю; привел их содержание в виду того, что эти листки не воспроизведены в числе многих, выпущенных гомельской организацией и перепечатанных в «Кр. Лет.», № 2—3.

[21] 2-X—99 г. в г. Гомеле были арестованы: М. В. Шляфер; М. И. Розин; М. А. Сиротин; И. Злотников; А. М. Лившиц; М. М. Аэров; З. Е. Райский; Л. М. Фейгин; Е. В. Ильевский; Г. С. Фабрикантов; А. И. Ганеля; Л. Н. Глускин; Д. М. Промышлянский; Р. Г. Шульклепер; Р. О. Сорина; Х. М. Хайкин; К. Я. Цубина.

Подверглись обыску: Г. Д. Беленький; З. Ш. Шуба; М. Н. Школьников; И. Ф. Суливонский; Т. С. Бартошкин и его соквартиранты: С. Л. Храмченко, В. П. Тычинин и А. А. Железинский; П. В. Карпович (убивший впоследствии министра Боголепова); И. С. Мохов; Л. С. Ривлин; С. Ш. Файнберг; Р. Б. Иоффе; Д. В. Быховская; братья И. А. и Б. А. Глиник; Г. Б. Баскин; Г. М. Симкин; М. Л. Эпштейн; М. М. Каплан; З. Л. Плоткин; Ш. А. Маянц; М. З. Телисевский; Я. А. Фалькович; Х. З. Добрушкина; М. А. Локшин; Р. Б. Гуревич; З. Е. Фрадин; И. И. Слуцкая; Н. Б. Салоп; Г. Ф. Калашников; Б. Л. Верхина; Д. Л. Козенцов; Ф. И. Карп и некоторые лица—по сожительству с другими.

[22] Непонятно, почему имя провокатора, служившего Власьеву, в появившихся в печати материалах о гомельском рабочем движении, основанных на архивных данных д. п., не упоминается; если это имя не было названо в официальных переписках, то установить личность предателя по имеющимся указаниям особого труда не представляло бы.

В упоминавшейся мною статье о гомельском рабочем движении на эту тему говорится, между прочим: «д-ту п. удалось ввести провокатора в Гомельский комитет и, начиная с 1898 г., он прекрасно был осведомлен о составе гомельской организации» («Кр. Л.», № 2—3, стр. 131).

Я думаю, однако, что не только в 1898, но и в следующем году, даже в момент октябрьской ликвидации, Власьев не имел того с. с-ка, который играл потом такую роль (в I—01 г. он был членом Гомельск. к-та, который составляли еще: Драгунский, Аронсон и некий еврей «Емельян»).

Сам Власьев в записке о результатах розысков в Гомеле, составленной для д-та п., заявил: «*в течение зимы 1898 г.* наблюдение, как и летом, продолжалось *лишь наружное*; вольнонаемный агент, проработав весьма недолго, как *не нашедший возможности проникнуть в среду кружка, был рассчитан*» [1]. С другой стороны, из переписки Власьева с Ратаевым («Евр. р. д. в Гомеле») можно заключить, что агент был завербован в начале 1900 года (если не в конце предыдущего).

[1] Курсив мой.

По имеющимся данным можно, впрочем, определить с точностью, что с-м Власьева был железнодорожный рабочий, русский (православный), получавший (вероятно—первое время) 10 р. в месяц.

К этому делу, может быть, имеет отношение история, рассказанная Власьевым в упомянутой выше записке его. «Вследствие полученного мною в ночь на 23-е января с. г. словесного заявления о том, что токарь Гомельских ж.-д. мастерских Иван Сенаторов хранит у себя запрещенные издания, упомянутый рабочий был обыскан, но ничего у него не было найдено. На допросе Сенаторов об'яснил, что сказанные издания у него действительно были, но что он, поссорившись с хозяином своей квартиры и боясь с его стороны доноса, сжег их. В силу изложенного, Сенаторов, хотя согласно 3 ч. 252 ст. Ул. о нак. и подлежал немедленному заарестованию, но из опасения огласки ареста причинить вред успеху дальнейшего хода дела, впредь до ликвидации Гомеля, подчинен был строгому и совершенно негласному наблюдению. При ликвидации Гомеля [1] у сказанного Сенаторова, жившего в одной квартире и даже комнате со слесарем мастерских Константином Окинчицем, обнаружено было за зеркалом шесть прокламаций, сложенных и перевязанных черной ниткой каждая, т.-е. в таком виде, как были разбрасываемы в мастерских. Окинчиц арестован мною вследствие обстоятельств, доложенных мною департаменту полиции 9-го мая с. г. за № 404».

По моему мнению, разрешение вопроса о том, кто был сам Власьев, кроется в упомянутом выше донесении гомельского жандарма за № 404.

О дальнейшей судьбе Сенаторова и Окинчица, к сожалению, сведений у меня не имеется.

[23] Относительно личности Казакевича мне известно еще, что он имел жену, получившую среднее образование, сестру Фейгину (по мужу) и мать, владевшую домиком в м. Ветка.

[24] В Орше 5—6-IX—1900 г. были арестованы: З. П. Брайнин; И. М. Нахбо; И. Б. Эйдинов; Ш. Я. Вассерман; В. А. Конюхов; М. М. Круглов; Б. И. Кирзон; З. Минкин; Ш. Г. Каган; М. Л. Лаговиер; Н. А. Дорфман; И. В. Лубчон; Ц. М. Турин; Ш. Л. Функман; И. Ш. Хасман; Ш. Г. Фейгин; А. С. Шапиро и М. М. Экштат.

[25] В Ковно 6—7-IV—1900 г. были арестованы: Ш. И. Пяскович; Р. Б. Шапиро; Э. Р. Валт; И. Ф. Шадовский; Д. З. Вилькийский; Ш. Б. Шустер; Г. А. Гольдберг; Э. Ш. Залк; К. И. Лившиц; Ш. А. Блюменфельд; Ч. Ш. Блюменфельд; А. И. Кроль; П. Шахнович.

[26] Каммермахер, Вульф Самуйлов, арестованный по делу уманской типографии «Искры», находясь в тюрьме, подал 9-VII—1904 г. прошение н-ку Харьковского г. ж. у. и в д. п., которое после своего жизнеописания закончил так: «Честь имею покорнейше просить выпустить меня из тюрьмы в виду нижеследующих причин: 1) Потому что я, истощенный всей несчастной жизнью: голодом, холодом, тюрьмой, не в состоянии больше выдержать тюремный режим и жизненные условия тюрьмы; раскаявшись в принадлежности к социал-демократической партии, я не намерен приносить вред правительству, а наоборот, я еще сумею оказать пользу, а в важности моих услуг сомневаться нельзя; сомневаться же нельзя в том, что я не желаю приносить вред и желаю, насколько сумею, служить отечеству, государю и правительству, потому что я дал чистосердечные показания, которые открыли все дело, по которому я привлекался»...

(Копия протокола с признаниями К. была представлена д-ту п. начальником Харьковского г. ж. у. 23-VI—04 г., за № 7079; в ней оговорены Новаковский, Жукова и др.).

Однако, 11-IX того же года К. подал заявление прокурору Харьковского о. с., в котором заявил, что все его прежние об'яснения—«ложные, вымышленные». Конечно, вторичное раскаяние К. не изменило предательского

[1] 2-X—99 г.

значения его первоначальных показаний, касавшихся множества лиц и оказавших большую услугу жандармским розыскам. Вступив на скользкий путь, К. в конце-концов запутался в жандармских тенетах: в 06 г. он был уже с. сотрудником СПБ. о. о., работая с ж. о. Герасимовым, который состоял при Харьковском г. ж. у. в то время, когда К. давал свою покаянную. Впоследствии К. эмигрировал в Сев.-Амер. С. Штаты.

[27] В. Л. Александрийский (рев. пс. «Абрам»), участник учредительного с'езда Вс. е. р. с. (от щетинщиков), был сослан в В. С. на 4 г.; потом эмигрировал в Америку.

[28] В ночь на 31-VII—1901 г. в Вильне были арестованы: Л. Ш. Антокольская; Ф. Л. Аронович; А. О. Бернадик; А. Ю. Быкович; Л. И. Быкович; А. И. Вайнштейн; А. М. Гасельник; М. М. Гарбер; Л. П. Гехтер; З. Гинсбург; С. И. Гликман; И. Гарбарович; М. Л. Гурвич; Ш. Б. Драпкин; З. И. Дукор; Б. Л. Залманзон; Б. П. Кессиль; П. Г. Лейзгольд; И. Н. Маркон; Р. Х. Новогрудская; А. С. Пинхус; З. О. Ципин; «Шатц» (личность неустановленная); Я. Г. Швабский; З. Ш. Лихтмахер.

Были обысканы: Б. Г. Андрезовская; М. Г. Андрезовская; С. Д. Беспрозванный; И. Л. Боровик; А. М. Векслер; Ф. Д. Векслер; М. А. Волк; З. Б. Гермайзе (оказался выбывшим); Ю. И. Гольдман; М. Л. Гурвич; С. Л. Гурвич; Р. К. Далон; Л. И. Кам; А. М. Кисин (подлежал задержанию); М. Я. Кравец; Ш. Я. Ливер; Ф. М. Майзель; Ц. О. Мединец; Г. Г. Меркен; М. Я. Пойзнер; Г. Ш. Плюдермахер (на месте не оказалось); Х. Ю. Попрец; М. Ш. Рафелькес; Ц. Скопофкер (отсутствовала); И. М. Фрейнкель; Х. М. Ходос (подлежал задержанию); М. О. Хонес; Р. В. Цесли; М. Б. Штейн и Г. М. Эпштейн.

[29] В VII—1901 г. в московских местах заключения находились под стражей по делам В. Е. Р. Союза следующие лица: Б. Л. Бранбраут; И. К. Берковский; Ч. С. Блюменфельд; Ш. А. Блюменфельд; И. Л. Виленкин; Э. Ф. Валт; Д. С. Вилькийский; М. Б. Вильбушевич; Ю. С. Волин; М. А. Гайдуковский; Г. А. Гольдберг; М. Гильмсон; Х. А. Гальперин; Э. Ш. Залк; М. Кисель; А. Я. Каплан; А. И. Крола; А. Кусис; Д. Кисель; Р. Х. Котляр; К. Я. Каплан; Н. А. Китаевич; Г. М. Левитас; Б. Л. Левитас; Х. И. Лившиц; А. Л. Мерзон; З. Ш. Миндель; С. Н. Машкелейсон; И. Немзер; Ш. И. Пяскович; И. А. Рубенчик; А. Я. Розегауз; Ф. А. Родкин; Н. В. Суд; М. А. Серебрянский; Р. Ш. Соршер; И. Г. Теумин; Э. Ш. Фрусин; Л. И. Фишкин; А. М. Футтер; Б. М. Фрумкин; М. Л. Фрид; Г. Хаютин; Л. Я. Ховзей; С. И. Чемериский; И. Б. Шадовский; Л. В. Шапиро; Ш. Б. Шустер; М. Л. Шлапаков; Г. Шахнович; Р. Б. Шапиро; Ш. Б. Шустер; П. Я. Шахнович; Б. Г. Эльтерман.

[30] Список подвергнутых экзекуции по приказанию фон-Валя: Я. И. Соловейчик; Х. И. Суфель; В. И. Версоцкий; И. А. Штейн; А. Я. Куликовский; Б. И. Файкин; Ш. С. Голембо; П. А. Томашевич; А. И. Каспер; З. М. Энтин; В. О. Шимковский; М. Г. Цам; К. И. Урбанович; Б. Л. Шиц; Ю. М. Прусский; И. М. Гейлик; З. М. Гурвич; Ф. Р. Янонис; З. А. Левин; Н. Д. Беспрозванный; И. В. Малярский; А. А. Жуковский; М. И. Розенблюм; А. Б. Свидлер; Л. А. Величко; Е. И. Лулшис.

[31] В 1906 г. Ц. Гурвич жила в Варшаве; в августе месяце она была выбрана делегатом на имевший состояться заграничный с'езд Бунда. Варшавское о. о. имело точные агентурные сведения о предвыборных собраниях, даже имело лист кандидатов на этот с'езд, в котором они именовались партийными кличками; из числа их были установлены вышеупомянутая Гурвич, И. И. Гурвич («Хацкель»), С. Г. Когановский («Леве») и некий «Зельцер»— бундовский писатель [1].

Наблюдением филеров, установленным за Ц. Гурвич, было выяснено, что 13-VIII она выехала, направляясь за границу, с И. Гуревичем, в Сосновицы,

[1] Б. Н. Гроссер; умер в X павильоне Варшавской крепости в XII—1912 г.

где они и были задержаны, вместе с И. Я. Случевским, «комиссионером для проезда за границу лиц, принадлежащих к Бунду».

[32] Иосель Шимонов Елин (Элин), учитель, был с. с. Варшавск. о. о.; в IV—1901 г. сам явился в Минске к ж. о. Хрыпову с предложением своих «услуг», обещая указать местонахождение тайной типографии, работавшей в Вильне, и пр.

[33] Абрам-Бер (Борис) Вениаминов, р. в 1881 г. в м. Седневе, Черниговской губ.; окончил курс реального училища; в последнее время своего пребывания в России жил по паспорту на имя Григория Васильева Тарасевича. Приметы его: сред. роста, густые небольшие усы, лицо круглое; пухлые губы; голос сиплый; очень был занят своей наружностью и чувствовал писательский зуд.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I.

Приходится пожалеть, что недостаток места не позволяет привести полностью «Правила конспирации революционного деятеля»,—документ, являющийся единственным в своем роде, так как нигде не была так тщательно продумана и всесторонне разработана система поведения нелегального работника,—система, о которой когда-то так много заботился один из виднейших народовольцев—А. Михайлов («Дворник»).

С другой стороны, «Правила» дают четкий абрис тех внешних условий, в которых приходилось жить и действовать русским революционерам во времена самодержавия, когда на каждом шагу их ждала западня, грозившая тюрьмой и ссылкой, если не казнью.

Правда, в этих «Правилах», представляющих, кажется, плод единоличного труда, есть и наивности, обусловленные недостаточным знанием розыскной организации и боевого аппарата врага, с которым приходилось бороться. Но, в общем, они содержат достаточно практических указаний и советов оборонительного характера, и приходится только жалеть о том, что революционные деятели мало их соблюдали, а к чему это вело—в моей книге есть много разительных примеров.

Так как некоторые «правила» о конспирации, повидимому, однородного происхождения, содержатся в «Уставе», текст которого приводится в приложении 2-м, то я изложу здесь с некоторыми сокращениями лишь вступительную часть эйдельмановского документа.

«Ни в одной из европейских стран политические партии (особенно рабочая) не поставлены в такие тяжелые обстоятельства, как в России. Всякий проблеск свободной мысли преследуется здесь с ожесточением; поступки, совершенно легальные в других странах, считаются у нас величайшим преступлением... Самодержавное правительство с полным сознанием своей выгоды поддерживает мрак и нравственную испорченность среди масс, покровительствует фабрикантам и капиталистам, эксплоататорам рабочего класса. Однако, нет силы, способной подавить раз пробудившееся сознание, равно как и все возрастающее возмущение против существующего общественного строя. Угнетение всегда вызывает противодействие, и ожесточенная борьба за экономические и политические права народа тянется у нас с давних пор (много лет). Самоотверженные и благородные интеллигентные люди обратились к рабочей массе, неся ей свет классового сознания. Они ясно видели всю трудность и опасность предпринятого дела, но шли смело вперед, веруя в его правоту. То и дело падала по неосторожности или вследствие измены вновь основанная тайная организация, члены ее наполняли тюрьмы, заселяли снежные равнины Сибири, но на смену павшим восставали все новые и новые борцы. Бессмертная идея, преследуемая, терзаемая в лице своих апостолов и приверженцев, хранится, как искра в пепелище, в умах избранников,

в мертвых страницах книги и при первом удобном случае вновь вспыхивает животворящим, всеоб'емлющим пламенем. Царская власть напрягает все усилия, чтобы задержать распространение новых идей, она варварски разбивает с трудом начатую работу, но, вопреки всем препятствиям, мы можем спокойно продолжать свой тернистый путь, обагряемый кровью предшественников, ибо наши труды не будут бесплодны: история показывает, что революционное движение возрастает с каждым годом, наши идеи охватывают все большие массы, и день окончательной победы близится...

«Условия борьбы у нас и за границей совершенно различны... Нередко деятель, весьма полезный за границей, у нас был бы даже опасным, и не раз приходилось избегать людей безукоризненно нравственных, преданных делу, которые, однако, своей бестактностью и многоречивостью могли бы подвергнуть опасности целую группу. Люди, приступающие к этому делу, ознакомлены обыкновенно лишь с одной теоретической стороной задачи о конспирации, о кардинальных правилах партийной тактики понятия не имеют, и хотя в теории каждый признает необходимость применения некоторых общих норм осторожности, на практике они совершенно игнорируются. Между тем это—вопрос первостепенной важности, от него зависит существование и сила партий и будущность дела; поэтому необходимы некоторые общие указания и правила конспиративного поведения, с которыми должен ознакомиться каждый, принимающий какое бы то ни было участие в революционной деятельности, еще прежде, чем приступить к работе.

«В виду этой необходимости предлагаем товарищам те общие указания, которых следует, по нашему мнению, точно придерживаться для успеха нашего великого дела».

Дальнейшее содержание «Правил конспирации» распадалось на отделы: поведение на свободе (19 пунктов); поведение во время следствия (8 правил); следствие; русское делопроизводство для политических; порука; корпус жандармов и организация шпионов.

Слабым местом «Правил конспирации» надо признать то, что автор их уделил внимание почти исключительно предосторожностям внешнего характера—против наблюдения наружного, а главной язве, раз'едавшей структуру революционных организаций,—провокатуре,—посвятил всего лишь несколько заключительных строк.

II.

В числе рукописей, отобранных в Екатеринославе у Эйдельмана, представляет особый интерес «Манифест Русской социал-демократической партии», принадлежащий, по свидетельству современников, перу покойного П. Л. Тучапского и представляющий, повидимому, попытку конкретизации об'единительной идеи, носившейся тогда в воздухе и получившей свое формальное и практическое выявление в постановлениях Минского с'езда.

Названный «Манифест», если не ошибаюсь, был опубликован в № 1-м журнала «Пролетарская Революция»; но мне не довелось увидеть эту книжку, чтобы сличить напечатанный текст с имеющимся у меня списком, почему я и привожу этот документ in extenso.

Что же касается публикуемого ниже «Устава» (некоего «Союза», несомненно—социал-демократического), взятого тоже у Эйдельмана, то, насколько мне известно, он в печати еще не появлялся и, как литературный памятник той же эпохи зарождения Российской с.-д. р. партии, достоин, мне кажется, внимания историков русского революционного движения.

Манифест Русской социал-демократической партии.

Вторая половина XIX века составляет для России знаменательный момент: в это время совершился в России переход от натурального хозяйства

к денежному и развился капитализм со всеми его последствиями. Начиная с шестидесятых годов, со времени уничтожения крепостного права, крупная промышленность развивалась с гигантской быстротой: железные дороги, банки, фабрики, заводы и т. д.,—вот те проявления развития капитализма, которые бросаются в глаза на каждом шагу. Создалась крупная буржуазия, которая сделала правительство своим послушным слугой. Политика правительства сделалась политикой русской буржуазии, и почти все, что делалось и делается правительством как внутри государства, так и вне его, об'яснялось и об'ясняется интересами буржуазии.

Но развитие капитализма повлекло за собой не только создание буржуазии: оно создало и русский пролетариат. Теперь в России стоят лицом к лицу две силы: буржуазия с правительством и антипод ее—пролетариат. Интересы этих двух классов диаметрально противоположны. Между ними должна была неизбежно возникнуть борьба, та борьба, которая ведется во всех капиталистических странах мира и которая неизбежно ведет к социалистическому строю. И эта борьба возникла. Нам незачем приводить факты этой борьбы: они слишком известны. Сначала эта борьба велась стихийно: пролетариат восставал под непосредственным влиянием гнета своего положения, не сознавая ясно, к чему ему нужно стремиться и чего требовать от буржуазии и правительства. Второй ступенью явилось образование в отдельных промышленных центрах рабочих организаций, которые, сознательно ставя свои цели в духе по большей части социал-демократической программы, руководили борьбой местных рабочих за улучшение своего положения. Третьей ступенью должно было явиться об'единение этих отдельных рабочих организаций в единую рабочую партию, которая направила бы борьбу рабочего класса во всей России к одной цели: политическому и экономическому освобождению всего русского пролетариата. Это об'единение наступило теперь: русские социал-демократические организации слились в одну русскую социал-демократическую партию.

Русская социал-демократическая партия, стремясь организовать под своим знаменем весь русский промышленный и земледельческий пролетариат и имея в виду исключительно его интересы, добивается в ближайшем будущем:

I. Свободы слова, печати, союзов и собраний, а также—созыва русского парламента на началах всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.

II.—1)—Восьмичасового рабочего дня с уничтожением сверхурочной работы. Воспрещение ночной работы. Непрерывного воскресного отдыха в 36 часов. Воспрещения работы детей моложе 15-ти лет. Обязательного государственного страхования рабочих от болезни, старости, несчастных случаев и безработицы. 2)—Распространения всех, как ныне существующих фабричных законов, так и тех, которые будут издаваемы в будущем, на все ремесленные заведения с каким бы то ни было числом рабочих. 3)—Распространения рабочего законодательства во всем его об'еме на сельских рабочих, применительно к условиям земледельческой промышленности.

Конечной же целью стремления Русской социал-демократической партии является: социалистический строй, т.-е. переход всех средств производства—земли, копей, фабрик, заводов и путей сообщения—в руки всего народа.

Более подробно излагает свои стремления русская социал-демократическая партия в своей программе, которая приготовляется к печати.

Своими представителями за границей партия об'являет заграничный «Союз русских социал-демократов».

Своим органом партия признает «Рабочую Газету».

Русская социал-демократическая партия, являясь представительницей интересов русского пролетариата и вступая в борьбу за эти интересы с русским правительством и русской буржуазией, не допускает никаких уступок в своих требованиях, но охотно вступит в союз с другими революционными и оппози-

ционными партиями и группами, если это не нарушит интересов русского пролетариата.

Да здравствует русский пролетариат!

Да здравствует международная социал-демократия!

Центральный комитет Русской социал-демократической партии.

(Копия с рукописи).

Устав социал-демократического Союза.

(1898 г.)

I. КОНСТИТУЦИОННЫЙ АКТ.

1. О б щ е е з н а ч е н и е к о н с т и т у ц и и.

Конституция является как бы законом, поставленным над всеми факторами государственной власти, которые должны сообразовать с этим высшим законом свои действия в области законодательства, суда и управления.

2. Р е в и з и я к о н с т и т у ц и и.

а) Внести предложение о пересмотре конституции может не менее четверти членов Группы в полном ее составе.

б) Вотировать пересмотр конституции можно двумя третями полного состава обеих Групп (общего количества голосов в обеих Группах).

в) Проект конституции или отдельного основного закона принимается или отвергается двумя третями голосов полного состава двух Групп.

3. Г а р а н т и и к о н с т и т у ц и и.

Ответственность Комитета Союза и Суда перед Группами.

II. ПОСТАНОВЛЕНИЯ О ЛИЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ СВОБОДЕ.

1. Л и ч н а я с в о б о д а.

а) Личная свобода в тесном смысле есть законная свобода распоряжаться собою и своим трудом для успеха революционного движения.

б) Домашняя неприкосновенность есть право не допускать в свое жилище лиц, которые произвольно туда явились бы без приглашения и против воли хозяев.

2. С в о б о д а п е ч а т и и с л о в а.

а) Цензура агитационных изданий принадлежит Комитету Союза, при чем он может отсылать их для обработки в специальную комиссию и все остальные издания он обязан представлять в ту же комиссию и, получив ее одобрение, по своему усмотрению приступать к их напечатанию или нет.

б) Свобода слова обусловлена постановлениями конспирации.

3. Р а в е н с т в о ч л е н о в С о ю з а п е р е д з а к о н а м и и с т р е м л е н и е к ф а к т и ч е с к о м у р а в е н с т в у т о в а р и щ е й.

4. П р а в о с о ю з о в.

Каждый член Группы может организовать кружки рабочих и интеллигентов и принимать участие в двух союзах, выступая там до предварительного одобрения Группы и Комитета Союза, как частное лицо и не входя ни в какие соглашения от имени Союза.

5. П р а в о с о б р а н и й.

Лица, устраивающие собрания с целью пропаганды или агитации, превышающие 10 человек, должны получать на это разрешение от Комитета Союза.

III. РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТИ.

1. Судебная и исполнительная власть несовместима в одном лице, за исключением III, 2 и VI, 9, а.

2. Законодательная власть принадлежит Группам, кроме VI, в, 4.

3. Судебная власть принадлежит в 1-й инстанции—Комитету Союза, во 2-й—Третейскому Суду, а над Комитетом Союза и Судом в полном их составе по особому выбору общего собрания обеих Групп назначается Экстраординарный Суд.

4. Исполнительная власть принадлежит Комитету Союза и его вспомогательным органам.

IV. УСЛОВИЯ И ФОРМЫ ВЫБОРНОГО ПРАВА.

1. Избирать и быть избранным имеет право каждый член Группы.

2. Членам Группы может быть лицо, обладающее:

a) Альтруизмом — врожденной склонностью деятельно проявлять сочувствие к страданиям других.

b) Фактически доказанным уменьем применять все постановления конспирации (в участии в организации и конспиративных предприятиях).

c) Обоснованным пониманием всех положений Эрфуртской программы.

d) Рекомендацией 3-х членов Группы, которые обязаны дать детальную характеристику его и предоставить другим членам Группы по их заявлению возможность убедиться в достоверности этой характеристики.

e) Лицо, принятое в организацию Союза, считается членом его до выбытия за преступления по суду или в силу отсутствия в течение 3-х с половиной месяцев.

3. Существо полномочий избранного в Комитет.

a) Срок полномочий членов Комитета—3 месяца со дня избрания их.

b) Свобода мнений, т.-е. подача голоса за или против известного предложения или уклонение от него, дозволяется членам Комитета. Комитет же в целом не может воздержаться от выражения своего мнения.

c) Срок полномочия суда.

d) Суд сменяется в своем составе за противузаконные действия или бездействие.

e) Свобода мнений—отд. IV, 3, b.

4. Обязанность уполномоченного:

a) Подавать голос по крайнему разумению.

b) Своевременно присутствовать на собрании.

c) Каждый член обязан ежемесячно отдавать отчет перед Группой в своей революционной деятельности.

V. КОМПЕТЕНЦИЯ ГРУПП.

1. Законодательная власть.

a) Закон не может быть издан, или отменен, или изменен без согласия абсолютного большинства членов двух Групп.

b) Право делать предложения относительно всякого изменения, отмены и издания закона принадлежит каждому члену Группы.

c) Каждая Группа в отдельности выбирает абсолютным большинством 2 членов в Комитет Союза.

d) Каждая Группа выбирает по одному члену в Третейский Суд.

f) В случае выбытия должностного лица, для отправления его обязанностей производится дополнительный выбор в установленном порядке.

e) Группа имеет совещательный голос во всех предприятиях ее членов. Группа дает толкование закона.

2. Финансовые средства Групп.

a) Финансы и имущество общи.

b) Большинством членов Группы вотируется определенная сумма Комитету для текущих расходов на дела Союза. Комитет Союза, израсходовав предназначенную ему сумму и пред'явив отчет Группам, получает новую сумму.

c) Сумма, издержанная отдельным членом Группы на дела Союза без одобрения Комитета, составляет его личную трату.

3. Охрана конституции и законного порядка.

а) Средства для контроля.

б) Над деятельностью Комитета Союза—интерпелляция, которая вносится четвертью членов Группы в Комитет Союза и имеет целью пригласить Комитет Союза об'яснить свою политику и образ действия по определенным вопросам управления—в ближайшее заседание Группы. Выслушав интерпелляцию, Группа абсолютным большинством вотирует или переход к очередным делам, или сожаление, или недоверие Комитету Союза; в последнем случае решение Группы доводится до сведения Союзной Группы; предание Комитета Союза суду вотируется двумя третями членов Группы.

в) Над деятельностью Суда—постановление Экстраординарного Суда, поводом для которого может быть заявление одного члена, получившее санкцию двух третей Группы.

VI. 1. ОРГАНИЗАЦИЯ ГРУПП.

а) В Группе во время ее заседаний председательствует член, назначенный по выбору.

b) В Группе должен быть архивариус (клерк), который заведует доставкой литературы и сохранением документов Союза.

c) Quorum для всех постановлений, кроме конституционных, состоит из всех членов, находящихся в местопребывании Группы, и непременного присутствия одного из членов Комитета Союза для раз'яснений недоразумений. Отсутствие более четверти членов, хотя бы по уважительным причинам, делает заседание незаконным.

d) Quorum для внесения предложения о пересмотре конституции и пересмотра ее состоит из трех четвертей полного состава членов (IV, 2, e) обеих Групп. Если же в заседании, в котором было внесено предложение о пересмотре конституции, окажется, что нет трех четвертей полного состава обеих Групп, то Группы ожидают отсутствующих членов не более трех с половиной месяцев, после чего они указывают в наличном составе присутствующих срок, когда и при каком составе они приступят к разрешению этого вопроса.

e) На предыдущем собрании определяется срок для следующего заседания. Отсутствующих членов на последнем заседании извещают специально избранные лица.

x) Для доклада решения Группы и предложений Союзной Группы назначаются члены Комитета данной Группы, Союзной Группы или специально избранные.

2. Делопроизводство Групп.

а) Каждое предложение может быть внесено на рассмотрение заседания Групп—одним членом, кроме I, 2 и V, 3, A, л.

б) Всякий проект, подлежащий рассмотрению Группы или Групп, должен пройти несколько стадий.

в) Первое чтение—ознакомление заседания с содержанием проекта, после чего заседание голосует, желательно ли приступить ко второму чтению и когда.

г) Второе чтение высказывается за или против, вносятся поправки и голосуют или сдают в специальную комиссию для обработки.

д) Третье чтение—вторичный пересмотр и окончательное голосование.

е) Подача голоса при баллотировке членов в Комитет и Суд, назначения субсидий—тайная, а в остальных случаях по решению Группы.

ж) Законодательные и финансовые права подлежат рассмотрению обеих Групп, при чем голосование происходит или на общем собрании Групп, или, если заседают они отдельно, то рассматриваются в данном случае, как одна.

з) Председателю предоставлены меры дисциплинарные.

и) Призывать к порядку, без называния по имени, с поименным названием, лишать слова во время заседания лицо, нарушающее порядок.

к) Следить за чередованием в речи защитников и противников предложения.

л) Следить за исполнением постановлений для поддержания порядка.

м) Постановление о поддержании порядка во время заседания.

н) Каждый член обязан оставаться на своем месте, не читать газет, писем, молчать и не прерывать говорящего, воздерживаться от дерзких и оскорбительных выражений, от рассуждений, не идущих к делу.

VII. ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ.

A) Обычное полномочие Комитета Союза.

1. Состав Комитета Союза см. V, 1, e.

2. Срок заседаний—Комитет Союза заседает не менее раза в неделю.

3. Срок полномочий членов Комитета Союза на три месяца.

4. Порядок выборов VI, 2, c.

5. Существо полномочий IV, 3, a.

6. Компетенция Комитета Союза.

a) Исполнительная власть.

б) Комитету Союза принадлежит надзор за точными применениями законов и конституции, в этом смысле ему подчинены все административные учреждения, поэтому он может давать распоряжения касательно порядка применения законов, которые имеют в виду доставить закону точное и быстрое исполнение.

в) Комитет Союза имеет совещательный голос при распределении работ.

г) Цензура Комитета Союза см. II, 2, a.

д) Комитет Союза в половинном составе по одному члену из каждой Группы три дня спустя после заседания Комитета Союза в полном составе и занимается исключительно цензурой агитационных листков. Комитет Союза выбирает из своей среды два члена тайной баллотировкой в Рабочий Комитет [1].

7. Обязанность.

a) Комитет Союза см. IV, 4, a, б, и отдавать отчет ежемесячно в своей деятельности перед Группами или общим собранием.

b) Для об'яснения по поводу интерпелляции Комитет Союза является в заседание Группы в полном составе.

c) Ответственность членов Комитета Союза за согласие своих действий с законом и за целесообразность их.

d) Денежные договоры и договоры вообще, налагающие на Группы или отдельных членов обязательства, должны быть утверждены Группами.

8. Финансовые права.

Комитет Союза тратит деньги из вотируемой ему суммы на текущие расходы по революционному делу.

9. Судебные права.

Комитет Союза есть 1-я инстанция для дел, требующих немедленного устранения обвиняемого от революционной деятельности или от известного рода ее.

B. Чрезвычайные полномочия Комитета Союза.

1. В виду конспиративных затруднений обе Группы двумя третями общего числа голосов членов, находящихся в местопребывании Союза, предоставляют чрезвычайные полномочия Комитету Союза.

2. Чрезвычайные полномочия Комитета Союза прекращаются по решению абсолютного большинства общего числа членов обеих Групп.

3. Комитет Союза в случае необходимости может без особенного разрешения Групп взять из кассы Союза сумму, не более той, которая была ему вотирована в последний раз.

4. Комитет Союза издает законы, которые не должны противоречить конституции.

5. Комитет Союза, с момента принятия чрезвычайного полномочия, не соблюдает VI, A, 7, a, но отдает отчет при сложении их.

[1] Комитет Союза в полном составе, при отсутствии одного из своих членов по уважительным причинам, может решать текущие дела своим наличным составом единогласно, если не поступит заявления одного из членов, что присутствие неявившегося необходимо при обсуждении данного вопроса.

6. Комитет Союза может применять для всех дел VI, A, в, а, кроме издания законов, когда требуется Комитет Союза в полном составе.

IX [VIII?]. Вспомогательным органом Комитета Союза является.

ТЕХНИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ.

1. Состав ее.

По желанию один член Союза, или по предложению Комитета Союза, или по жребию принимает на себя хранение литературы и доставку ее и печатание; таким же образом ему полагаются помощники.

2. Организация ее.

a) Хранилище для литературы и приспособлений для печати должно быть вполне целесообразно.

b) Квартира в конспиративном отношении безукоризненна.

c) Получение заказов и отдача требованного на нейтральном месте и от одного и того же лица и в заранее назначенные определенные дни.

3. Специально конспиративная обстановка.

a) Членов технической секции никто из членов Группы не посещает, сами же они бывают по крайней надобности только у тех членов, которые не подвержены опасности.

b) В экстренных и очень важных случаях, когда необходимо личное свидание, к нему может приходить передатчик, не позже семи часов, условно стуча в дверь.

4. Комитет Союза отчисляет необходимую сумму на полгода вперед для обстановки технической работы и трат на производство ее.

X [IX?]. ПОСТАНОВЛЕНИЯ И КОНСПИРАЦИИ.

1. Хранить в тайне дела организации, кроме тех, которые пропущены цензурой Комитета Союза.

В организации же нужно придерживаться того принципа, чтобы каждый знал только то, в чем он лично непосредственно принимает участие. В других же делах он может лишь в общих чертах (без указания действующих лиц и иногда даже названия места действия). Дела чрезвычайной важности для организации должны знать не менее двух членов.

2. Член Группы должен быть до педантичности исправен и точен.

3. Каждый член Союза обязан иметь псевдоним и, занимаясь с рабочими, выступать под ним. Не дозволяется также приглашать рабочих к себе на квартиру.

4. В письмах не шифрованных не упоминаются фамилия и адреса лиц организации и причастных к ней.

5. Письма и записки, даже самого легального характера, но писанные членами Союза, нужно, прочитав, сейчас же сжигать, т. к. они доказывают воочию сношения и знакомство.

6. В случае же, когда необходимо иметь адреса или фамилии отдельных лиц, нужно их записывать шифром по установленному ключу, чтобы никто, кроме посвященных, не мог прочесть.

7. Знание каждым членом общего ключа Группы—обязательно.

8. Члены Группы не должны держать у себя на квартире нелегальных книг (прятать их можно вне квартиры, в крайнем случае припрятывать их в передней).

9. Отдавать на сохранение нелегальные книги и брошюры лицам, которые на плохом счету у полиции или у которых бывает много знакомых или членов организации, не дозволяется.

10. Бывать членам друг у друга без особенной надобности не дозволяется. Время же посещений удобнее начинать с раннего утра до полудня. Для членов,

за которыми следят, свидание с ними может быть вне их квартир в нейтральном месте.

11. Если ожидается обыск в том месте, где находится нелегальная литература и членам Группы не безопасно перевозить ее, то могут быть привлечены для этой цели посторонние лица, переменяя извозчиков, место назначения, пользуясь сквозным двором и т. п.

12. Члены, которые подозревают, что за ними следят, должны это проверить. Проверять можно следующим образом: член, за которым следят, назначает товарищу встречу на известной улице, в известном часу. Проходивши мимо лавки шагов 30 и потом возвращаясь по той же дороге, выследить шпиона.

13. Оглядываться и вообще выражать телодвижениями беспокойство запрещается. Носить нелегальные книги, по возможности, пряча их искусно у себя под одеждой, или носить аккуратно завернутые в роде покупки.

14. Члены, которые скомпрометированы или за которыми следят, должны на время оставить революционную работу.

15. Обязательно, чтобы товарищи Группы на улице не подходили друг к другу, а вообще вели себя, как люди незнакомые.

16. Член организации должен непременно быть знаком обстоятельно с городом, в котором работает. Особенно полезно знать проходные дворы, по возможности не вполне известные.

17. На улице член организации не должен выделяться из толпы своим костюмом или каким-нибудь особенным видом.

18. Вообще о делах Союза говорится всегда вполголоса, употребляются псевдонимы и условные названия.

19. Члены должны иметь хорошее зрение, чтобы на далеком расстоянии они могли узнавать людей; член же, который близорукий, должен запастись соответствующими очками.

20. Собрания нужно устраивать по возможности на шумных улицах, в домах очень населенных.

21. Член, который скомпрометирован, должен являться на собрание последним, а выходить первым.

22. Нельзя собираться ни в кондитерских, ни в пивных и т. п. публичных заведениях, но устраивать встречи иногда можно.

ПОВЕДЕНИЕ ЧЛЕНОВ ВО ВРЕМЯ СЛЕДСТВИЯ.

1. Никогда не нужно признавать своей вины, а об'яснять факты злоумышленностью неизвестного лица, с которым обвинитель познакомился в кофейной, пивной и т. п. публичном месте.

2. Ни под каким предлогом нельзя признавать знакомства с членами организации, иногда даже с лицами, причастными к революционной деятельности.

3. Не следует признавать вины даже в том случае, когда у жандарма констатированы знакомства или иной какой-нибудь факт.

4. Во время следствия иногда дают арестованному товарища в камеру— нужно не входить с ним в интимные беседы о своем деле, так как это может быть шпион, и вообще воздерживаться [от] обсуждений там своих дел с людьми мало знакомыми.

(Копия с рукописи, отобранной по обыску в Киеве у Б. Эйдельмана в 1898 г.).

III.

Устав центральной рабочей кассы Московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

(Москва, 1898 г.).

Центральная рабочая касса преследует с ее отделениями, как общую цель, об'единение рабочего класса на почве борьбы с капиталом. Но, стремясь

к об'единению, русский рабочий необходимо сталкивается с царским деспотизмом, с этим верным защитником интересов хозяев-капиталистов. Царский деспотизм, будучи тайным и явным врагом рабочего класса, создает целую систему надзора за рабочими через своих шпионов и полицию. Царское правительство—это сила, с которой рабочему классу предстоит вступить в борьбу, для замены его народным правительством, где будут не одни аристократы и богачи, но и представители трудящегося класса—рабочие.

Сказанным определяется программа русского рабочего движения с его особенностями: — рабочий класс может освободиться от угнетения капитала не иначе, как сплотившись, противопоставив своим об'единением царской полиции и царской армии р а б о ч у ю а р м и ю с одним знаменем, на котором будет написано: равенство, братство и свобода. Об'единение рабочего класса может происходить при наших русских условиях не иначе, как путем тайных кружков и союзов. Для широкого же распространения мысли о соединении рабочих в одно целое, в рабочую армию с одним знаменем очень важным средством являются стачки рабочих. Капиталисты всегда и везде стремятся выжать как можно больше соку из рабочего; в своем жадном стремлении к прибыли они готовы всегда отнять у рабочего те жалкие крохи, которые он получает за свой труд в виде заработной платы (В среднем рабочий получает не более четверти из того, что он производит своим трудом; три четверти достается капиталисту—нечего сказать—львиная доля). Единственным способом для рабочих защищать свои права и свои интересы является стачка. Но значение стачки далеко не исчерпывается только-что сказанным; стачка, во-первых, показывает рабочим, что они сила и что они тем сильней, чем лучше понимают свое положение и чем сплоченнее действуют. Во-вторых, стачка п р и у ч а е т рабочих действовать сообща. В-третьих, она на деле ясно, как день, показывает большинству рабочих, что ц а р с к и й д е с п о т и з м, с его судами, полицией и армией,—б е с п о щ а д н ы й в р а г р а б о ч е г о и в е р н ы й д р у г к а п и т а л и с т а.

Итак, перед русским рабочим движением стоит задача: соединить развитых, преданных рабочему делу людей в союзы и кружки, чтобы эти кружки и союзы распространяли между рабочими мысли о рабочем движении, о соединении рабочих, о борьбе с капиталистами и их защитником—царским правительством. Эти кружки и союзы могут действовать словом и книгой, где же явится возможность, Рабочий Союз организует стачку и ведет ее: это будет тоже пропаганда рабочего движения, но только не одним уже словом, но и делом. Для всех указанных действий необходимы деньги, а поэтому цель устройства рабочих касс делается сама собой ясна. Московский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» имеет в своем распоряжении кассу с нижеследующим уставом. Он берет на себя через свой Рабочий Комитет создавать отделения этой кассы между рабочими (фабричные кассы, кружковые кассы).

Московский «Союз Б. за О. Р. К.» помогает этим кружковым и фабричным кассам советом, людьми и деньгами (В свою очередь он пользуется денежной помощью от этих касс).

ЦЕНТРАЛЬНАЯ КАССА.

1. Капитал кассы создается из пожертвований и взносов.
2. Члены кассы ежемесячно взносят 50 коп.
3. Рабочая касса Союза имеет своего кассира; кассир отдает отчет по требованию Рабочего Комитета в приходе и расходе кассовых сумм. Кассир может быть сменен с заменою другим лицом тем же Комитетом.
4. Два раза в году Рабочий Комитет Союза выпускает для всеобщего сведения краткий отчет прихода и расхода кассовых сумм.
5. Суммы расходуются по усмотрению Рабочего Комитета Союза (имеющего свою особую организацию).
6. Рабочий Комитет Союза должен расходовать эти суммы на следующие цели: а,—н а о р г а н и з а ц и ю р а б о ч е г о к л а с с а: образование

рабочих кружков и союзов, доставка им книг, наем квартир для кружковых собраний; б,—на агитацию среди рабочего класса: возбуждение рабочего движения, руководительство стачками и издание необходимых брошюр и листков для стачечников; в,—на помощь пострадавшим за дело рабочего освобождения и их семьям; г,—на помощь стачечникам.

ОТДЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ КАССЫ.

1. Цель рабочей кассы: взаимопомощь ее членов в борьбе с капиталом.
2. Касса создается из пожертвований, членских взносов и сумм, ассигнуемых Рабочим Союзом.
3. Касса уделяет ежемесячно 10% своих доходов (десятую часть) центральной рабочей кассе.
4. Членский взнос равен 50 коп. в месяц.
5. Касса состоит из действительных членов и членов-участников. Действительные члены кассы набираются из людей надежных, преданных рабочему делу. Эти действительные члены затем уже могут набирать членов-участников; члены-участники делают взнос в кассу и пользуются ее помощью, но не участвуют в ведении дела.
6. Действительные члены, сохраняя втайне свое собрание, выбирают кассира; кассир имеет на руках кассу, он отдает отчет действительным членам кассы в два месяца раз.
7. В виду связи между Центральной Рабочей кассой и ее отделениями, Рабочий Комитет может контролировать эти кассы.
8. Касса расходует: на наем квартир для собраний рабочих кружков, на книги, на помощь нуждающимся своим членам, на помощь пострадавшим за дело освобождения рабочего класса и их семьям, на помощь стачечникам.
9. Кому выдать помощь и в какой мере и вообще все вопросы о ссудах и сроках их обратного возвращения решаются советом кассы.
10. Совет кассы состоит из кассира и выборных из действительных членов кассы. Число этих представителей определяется самими действительными членами.
11. Решения в совете кассы постановляются большинством голосов (перевес одного голоса).

(Копия с гектографированного издания).

IV.

Доклад начальника Московского охранного отделения директору департамента полиции.

(Январь. 1901 г.).

Практика политического розыска свидетельствует, что нередко наиболее энергичные, глубоко убежденные революционеры остаются без должной кары только потому, что следственные действия не могут, а формальное дознание не умеет собрать достаточные, с точки зрения прокурорского надзора, улики преступной деятельности таких лиц.

Это печальное явление стало заурядным в последние годы, когда большинство государственных преступлений, являясь результатом увлечения социал-демократическими доктринами, не носит уже такого резкого, строго определенного характера и когда нелегальные деятели заручились всесторонней опытностью и самыми усовершенствованными конспиративными приемами.

Указанными качествами в особенности отличаются главари еврейских организаций; они доводят свою осторожность до того, что почти не имеют постоянного местожительства, не держат при себе ничего компрометирующего и даже единомышленников своих убеждают иметь при себе нелегальщину только днем, постоянно напоминая им о шпионах, которые будто бы

за всеми следят и т. д. При таких условиях, разумеется, с революционным поличным удается захватить лиц второстепенных, а в отношении главных виновников в качестве обвинительного материала остаются одни данные наблюдения и агентуры, сообщение которых, при дознании по 1035 ст. Уст. Угол. Суд., не всегда удобно и сила доказательности коих в юридическом смысле не всегда признается.

Две последние ликвидации, осуществленные в ночь на 28-е минувшего декабря, с полною очевидностью подтверждают сказанное и создают условия, аналогичные с вышеописанными.

Обысками, произведенными по делу Гомельского социал-демократического комитета более чем в 50-ти местах, только у 5—6 лиц, из числа 17-ти арестованных, обнаружены вещественные доказательства, достаточные для возбуждения о них формального дознания; в отношении же остальных таковые улики осмотрами не добыты, тогда как в числе последних находятся лица, о большинстве коих имеются положительные агентурные указания, между прочим: сам организатор комитета Алтер Драпкин, известный еще наблюдению 1897 г. (когда он жил в Гомеле, на Кавказской улице, в доме Эльдобкина) по сношениям с приятелем известного Департаменту Полиции Айзика Поляка Шмуелем Берковым Гуревичем; рецидивисты: Раиса Иоффе, Нота Гезенцвей, Шмерко Вольфсон, Шолом Аспис, Доба Голдина и Двося Богорад. В то же время оставление на свободе таких лиц, как выясненные еще прежними розысками и вторично обысканные: Янкель Коган, Нехама Салоп, Фрида Пружинина, Бейла Коробочкина, Эта Герц, Мовша Школьников, Мендель Аеров и Залман Райский и др., ведет к тому, что через три дня после ликвидации появляются уже новые воззвания, еще более дерзкого содержания.

При одновременных арестах членов Минской социал-демократической группы точно так же у заведомых членов комитета организации, в отношении коих имеются вполне достоверные сведения агентуры и наблюдения, взято незначительное поличное, которое само по себе не будет достаточно для применения к ним мер, ими заслуживаемых.

Правда, в практическом отношении организация кружковых ликвидаций местной жандармской властью не всегда гарантирует благоприятные результаты. Так, например, наиболее существенный в г. Гомеле, по количеству отобранных революционных брошюр, обыск у Соломона Цейтлина, назначенный подполковником Власьевым на 3-ю очередь и произведенный в 10 ч. утра, является лишь счастливою случайностью. Неподготовленность к изоляции и быстрому размещению арестованных, наблюдавшаяся там же в последний раз, конечно, тоже дурно отразится на успешности расспросов. Подготовительная к ликвидации работа полковника Васильева, поведшая к тому, что некоторые из намеченных лиц заранее догадались о предстоящих обысках (например, Орка Зверин и Шлема Чемерисский, о которых наводили справки: о первом—городовой, о втором—жандарм) и оставление без осмотра некоторых, известных, впрочем, только филерам, агитаторов и обширного круга лиц, соприкасавшихся с центром, у которых пребывание нелегальщины представлялось всего более вероятным, также не могли способствовать обнаружению документальных улик, столь существенных в формальном дознании.

Тем не менее нельзя не признать, что при настоящем фазисе революционного движения вообще нахождение вещественных доказательств преступной деятельности у лиц, руководящих тайными организациями, будет становиться все более и более затруднительным, а следовательно и наказуемость их по формальным дознаниям, при поставленном в принцип революционным регламентом молчания на допросах, еще более станет несоответственной их вине.

С другой стороны, целый ряд фактов доказывает, что еврейские революционные деятели, как привлеченные уже к дознаниям по 1035 и, в силу их длительности, находящиеся на свободе под особым надзором полиции,

так и отбывающие сроки гласного надзора, оставаясь в черте оседлости, стремятся в места, отличающиеся развитием социал-демократического движения и немедленно принимают в них живейшее участие, играя даже главенствующую роль. Из числа, например, арестованных в г. Гомеле, Алтер Драпкин привлечен к дознанию по Кременчугу, Израиль Шаловский только в минувшем августе освобожден из-под стражи по Ковенскому делу, Фрида Пружинина обвиняется по Екатеринославским делам, Двося Богорад прибыла отбывать надзор из Витебска, где подлежала задержанию в сентябрьскую ликвидацию. Из арестованных в Минске Мордух Камермахер до переезда сюда работал в качестве члена Витебского социал-демократического комитета, Илья Виленкин в третий раз за два года подвергается аресту и т. д.

Таким образом, создается тесная, почти неуловимая связь между еврейскими социал-демократическими центрами, быстро возникают вновь, или на смену другим, комитеты и образуются столь многочисленные ныне технические предприятия.

В виду всего изложенного и принимая во внимание необычайное развитие организованности еврейской социалистической молодежи, успех пропаганды и агитации ее в широких кругах рабочей массы и притом в местах, где обычные приемы розыска почти не применимы, казалось бы целесообразным все подобные дела проводить, при участии соответственно подготовленных офицеров О. К. Ж., при условии обязательного содержания под стражей всех серьезно заподозренных, в порядке П. об охране и с направлением их в Ос. Сов. для высылки обвиняемых под гласный надзор в местности, находящиеся вне черты еврейской оседлости там, где поселение евреев допускается (в Западной Сибири). Только такой порядок следственного производства, отличающийся к тому же очень важной в подобных случаях быстротой, может избавить запад России от наиболее вредных и беспокойных элементов и лишить революционные организации среды, питающей ее силы.

V.

Последние часы жизни Гирши Лекуха.

(Записана со слов очевидцев).

Прошение о помиловании (без признаний), поданное на имя государя приговоренным к смертной казни Л-м, а равно и кассация, заявленная адвокатом Эльяшевым и представленная главнокомандующим Виленским военным округом генерал-лейтенантом А. В. Гурчиным в Главный военный суд,— оставлены без последствий. В виду сего приговор вступал в силу. От производства экзекуции все старались уклониться: тюремное ведомство ссылалось на неимение подходящего места, а военное заявляло, что это не его дело. Хлопоты по устройству казни взяла на себя полиция. Губернатор ф.-Валь находился в С.-Петербурге, полицеймейстер Богданов захворал, получив ушиб ноги на пожаре. Приготовлениями к экзекуции пришлось заняться, по указаниям вице-губернатора К. А. Балясного, помощнику полицеймейстера П. С. Генисаретскому.

Срочные арестанты, согласно чертежам тюремного «техника», изготовили, по частям виселицу (не зная, что именно ее делали); палач, казак Филиппов, повесивший перед тем Балмашева (за что получил сто рублей), был уже доставлен в Вильну; он находился на усиленном довольствии, занимался пока-что выбором веревки (в сантиметр толщиною, из лучшей пеньки) и, в виду того, что ему пришлось ждать около недели, скучал, прося, говорят, хоть кого-нибудь повесить. Заблаговременно он заказал себе картуз с красным верхом, а красную рубаху он имел. Филиппов ходил обыкновенно в черкесском костюме. Говорят, в его глазах светилось что-то невыносимое. Узнав, что смотритель тюрьмы служил когда-то в Саратове, где содержался под стражей и Филиппов, последний заказал отслужить молебен о его здоровьи.

Лекух, первоначально давший кое-какие показания, но, очевидно, с целью запутать дознание (револьвер получил, будто бы, от незнакомого человека, в портерной), в последнее время не отвечал на вопросы производившего дознание о нем жандармского ротмистра Пастрюлина, перестал смотреть на изображенную им в камере своей (сидел в цитадели № 14, на Антоколе), на стене, сцену собственного повешения и в последнее время даже «запел», видя, вероятно, в откладывании казни признаки возможного «помилования». Эта надежда, очевидно, не оставляла его и тогда, когда вечером 27-го мая (1902) ему предложили переменить белье и надеть арестантскую одежду; на последнее он согласился тогда лишь, когда ему сказали, что его должны перевести в «тюрьму» (губернскую); он это понял так, что его берут для отправки в каторгу, и высказал надежду, что туда за ним поедет и жена его, в это время лежавшая после родов (девочки).

Во втором часу ночи (28-го) в цитадель явились два жандармские унтер-офицера для передачи Лекуха трем конвоирам; его посадили в карету (?) и отправили за Зеленый мост (на другую сторону Вилии) на Военное поле, где в углу клином вдававщейся в него городской земли, среди ям и на одной из нескольких плешин, была уже приготовлена виселица, которая состояла из двух врытых в землю некрашенных столбов с поперечной перекладиной, имевшей посредине крюк с намыленной веревкой, сделанной петлей. Внизу был помост, на котором стояли рядом, вплотную, две высокие (1½ аршина) табуретки, на которые вела сбитая из досок лесенка. Кругом выстроилось каре из солдат Белгородского и Оренбургского полков с дивизионным командиром во главе; за ними стояли урядники и сотские, а внутри тесный круг около эшафота составляли Генисаретский, «техник», товарищ прокурора Ив. Ив. Зедерштедт, секретарь его, представитель губернатора—чиновник особых поручений В. В. Долгово-Сабуров, тюремный инспектор А. П. Аксаков, исправник, городской врач Виталий Феофанович Яновский, пристав Сипко и еще человека 2, которые являлись полагающимися по закону свидетелями из городских обывателей.

Раввин пробовал напутствовать Лекуха, призывая его, совершившего преступление пред богом и его помазанником царем, покушаясь на жизнь ставленника последнего, покаяться, на что осужденный, «покрутив головой», ответил «а ну, что такое?» и более уже ни слова не сказал до самой смерти. Выслушав чтение приговора и спокойно оглядывая окружающее, Лекух вошел на помост и без посторонней помощи поднялся на эшафот. Облаченный в красную рубашку и такой же картуз палач, находившийся сзади Лекуха, установил его ноги на смежные края табуреток, повязал ему руки, скатал белое покрывало колпаком, надел на голову Лекуха, накинул на шею его петлю, распустил саван, встал на лесенку и ловким движением вышиб подставки из-под ног казнимого.

Лекух сразу повис, тело его сделало два-три небольших поворота вправо и влево и затем остановилось, опустившись на четверть ниже табуретов; тогда палач взял его за ноги, слегка согнувшиеся, и сильно «одернул», тело от этого сразу необычайно вытянулось; затем палач взял казненного за талию и потянул вниз—тело еще удлинилось—в общем чуть ли не на аршин (?).

После этого дали трупу провисеть 20 минут, затем обрезали веревку и пригласили доктора. С Яновским почти дурно сделалось, ему помогли взойти на помост развязать руки Лекуха. Палач заявил—«нельзя», но товарищ прокурора допустил это; врач послушал сердце и пульс—констатировал смерть; заранее составленный акт подписали. Труп палач всунул в саван и сбросил в вырытую перед эшафотом, в сыпучем песке, яму, в три аршина глубиной, которую быстро зарыли солдаты, утоптали, заровняли, подобрали окурки и бумажки, так чтобы следа могилы нельзя было найти. Эшафот тут же распилили и увезли в поле, где и сожгли, вместе со столиком, за которым сидели участники экзекуции.

Барабанного боя не было. Тов. прокурора старался не глядеть на сцену повешения, офицеры заглядывали, но сейчас же прятались за лошадей. Никто из посторонних не видел экзекуции; проезжали на заре по Кальварийскому шоссе два-три воза, но мужики не обратили внимания.

Палач исполнил свое дело блестяще. Перед тем, как итти на экзекуцию, он выпил $^1/_3$ бутылки водки, потом хотел $^1/_3$ выпить на месте действия, но ему не дали; вернувшись в тюрьму, он выпил свою остальную водку и проспал до 12-ти часов. После казни он сейчас же переоделся в черкеску и поинтересовался только, когда же и с кого он получит положенные ему сто рублей. 28-го же днем Филиппова под конвоем двух околоточных увезли в Петербург. Говорят, он был приговорен за убийство сам к смертной казни, но ему обещали заменить ее каторгой и давать по 100 р. за экзекуцию—он согласился.

29/V—1902 года.

VI.

Перевод с еврейского.

«Предостережение».

Почти два месяца тому назад показалась в Литве и Польше банда шпионов, приблизительно из 30 человек, которые раз'езжают из одного города в другой и организуют всюду шпионства. Они становят людей на вокзалах, в садах, в скверах, кондитерских, пивных и других местах.

Их главные пункты:

В Вильне—«телятник», близ двора командующего войском, в садике близ театра, в пивной Липского, близ торговли Сыркина.

В Минске—Губернаторский сад, сад театра, садик на Соборной площади, на скамейке, на спуске на Губернаторскую улицу, Набережная с обоих сторон лавер-брик (должно быть, мост под названием Лавер), где они часто ловят рыбу сам-друг.

В Лодзи—Железнодорожный сад, кондитерская на углу Петровской и Зеленой улиц в веранде.

Также в Варшаве, Белостоке и др. городах.

В Вильне некоторые из них в мае месяце жили в гостинице «Германия».

Один из этой банды, по имени Ершов, жил целый месяц (апрель—май) в Лодзи, в «Европейской» гостинице; в начале июня он опять заехал туда в 24 №. На двери своего номера он выставил ярлык «Конспир» (кондитерай), т.-е. кондитер; другие из них живут в Лодзи, в гостинице «Интернационал». Они одеваются очень красиво, часто меняют свое платье.

Большая часть их них светло-русые.

Ершов [1], который, повидимому, составляет главу банды, выглядывает таким образом: полный, широкий, несколько выше среднего роста, лет 40—45, с очень низко-остриженной бородой, с маленькими темными усиками. Его по ходу легко заметить, потому что он немножко качается.

Центральный Комитет Всеобщего Еврейского
Рабочего Союзы в России и Польше.

---

[1] Под этой фамилией жил старший филер «Лет. Отр.» Е. Н. Сачков.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От редакции 5

Список сокращений 6

Глава I. Охрана и рабочее движение.—«Летучий отряд филеров».—Розыски «Южной» типографии.—Екатеринославская типография («Рабочая Газета»).—Гомельский кружок (доносчик С. С. Бартошкин).—Одесские с.-д. и шпион С. М. Гандер.—Киевский «Союз борьбы».—«Пассия», Иогансон и Зубатов.—Провокатор Е. Р. Рубашевский.—Кременчугская типография. — С'езд в Минске . . . 9

Глава II.—Воскресные школы для рабочих.—«Уроки истории» (Русское техническое общество).—Пречистенские классы.—Книжный склад Муриновых.—«Неблагонадежный инспектор» (Вахтеров).—Пушкинский юбилей.—«Летучий университет» и Общество трезвости.—«Комплот» с разрешения начальства.—Культурники в провинции 35

Глава III.—Московский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».—Рабочий кружок в Иваново-Вознесенске. Предательство И. А. Костенкова.—Дело Г. Кугушева.—Пропагандисты П. Квита, Е. Петухова, В. Розанов и др.—Кружок «орловцев» и другие «политические дела». — Рабочие и «попечительная власть».—Борьба за трудовой грош.—Московский пролетариат заговорил! 70

Глава IV.—Всеобщий Еврейский Рабочий Союз в России, Польше и Литве («Бунд»).—Лодзинские транспорты. Типография в Бобруйске.—Ликвидация 27—VII-98 г.—Провокатор Каплинский.—Минский с.-д. комитет.—Поиски бундовских типографий.—«Лидеры» «4-х летучих».—Двинский транспорт.—Еврейское рабочее движение в Вильне.—Рабочее движение в Гомеле.—Рабочий кружок в Орше.—Предатели Вилькийский и Валт.—Конкуренция охранителей.—Союз приказчиков.—Еще транспорты.—Покушение на фон-Валя.—«Долой самодержавие!».—Провокаторы А. Гинсбург, Судаки и Грамм 107

Примечания 156

Приложения 172